

А В Р О Р А Н О В А К

НОВАЯ ЖИЗНЬ.
МИССИЯ:

**ВЫПОЛНИТЬ
любой ценой**

Мы были вынуждены бежать с собственной планеты, природа которой восстала против нас, но эвакуация прошла не столь гладко, как мы ожидали...

Пробиться сквозь полчища мутантов, сквозь тонны льда и метры металла, чтобы найти древнее сокровище человечества. Ради своей семьи он выдержит все испытания, что уготовила ему судьба

Новая Жизнь. Миссия: Выполнить любой ценой

Глава 1

Я иду по длинному, холодному коридору станции. Это пока просто станция Л-214. У неё даже названия нет. Но это последний оплот человечества. Нам пришлось бежать с собственной планеты, природа которой восстала против нас.

Сейчас на станции чуть более пятисот человек. Остальные — "карго". Криоконсервированный груз. В том числе и мои родные.

У нас не было времени даже вылечить пострадавших. Всех отправляли в анабиоз, как только стабилизировали их состояние.

Мы отправились на Луну через два дня после нашего прибытия на базу. У меня волосы на затылке начинают шевелиться, когда я думаю о том, что было бы, если бы мы опоздали.

Андрей говорит, что не позволил бы шатлу отправиться без нас, но мы оба знаем, что никто не стал бы его слушать. И правильно сделали бы! С каждым днем ресурсов все меньше, а опасности прорыва больше. Мы и так потеряли больше трёхсот человек в карантине во время инцидента с реактором и в случае промедления могли попросту повторить судьбу погибших убежищ.

Иногда я думаю — сколько же людей мы оставили на Земле? Ведь вполне вероятно, что где-то там, в своих квартирах и домах до сих пор прячутся выжившие люди и молятся о том, чтобы хоть кто-то пришёл им на помощь. Но помощи не будет...

Сегодня большое собрание. Все отделы подготовили доклады. Я уже знаю, что в них и поэтому могу себе позволить немного опоздать. Все равно моё присутствие необходимо только в самом конце собрания, когда будет необходимо озвучить план нашей дальнейшей жизни.

Вот сейчас, пожалуй в самый раз.

Я зашёл в зал и, не извиняясь, прошёл к своему месту.

— Алексей Петрович... — с недовольным видом воскликнул Багрович Вячеслав Сергеевич. — А на собрание вы могли бы и вовремя прийти!!!

Старый мелкий политикан-брюзга, каким-то чудом добившийся моментальной разморозки сразу по прибытии на Луну. Вот лучше бы таких как он подольше подержали замороженными, глядишь и под ногами бы не мешались.

— Конечно мог! — ответил я и брюзга самодовольно ухмыльнулся. — Но, в отличие от многих собравшихся здесь, отчёты я уже изучил и занимался анализом полученных данных. Ведь отчёты нужны не только для того, чтобы показать кто здесь главный! Кто-то благодаря им работает!

— Да как вы... — взвинулся Багрович.

— Так все! Соблюдайте порядок! Алексей Петрович, пожалуйста в следующий раз приходите вовремя. Вячеслав Сергеевич, пожалуйста не перебивайте докладчика!

Багрович злобно глянул на меня и замолчал. К слову сказать, он не очень-то и перебил докладчика — тот как раз успел закончить, но я не мог промолчать в ответ на этот выпад. Багрович без конца суёт свой нос во все папки. Ничего не понимает, а все равно суёт. Ещё и настаивает, чтобы ему каждую цифру объясняли, каждый пункт. И таких политиканов здесь более, чем треть. Пока всё всем объяснишь время уходит. Лучше бы разморозили побольше учёных, инженеров, технарей!!!

— Итак, что мы имеем? — перекинулся Багрович на доклад. — Может нам Алексей

Петрович обобщит все данные? Он же уже изучил всё и даже успел "поработать".

В зале раздалась хохотки. Понятно — сегодня же здесь целая толпа таких как Багрович.

Я встал и окинул взглядом весь зал. О том, что я скажу я знал ещё на Земле, ещё когда писал план "карга", ещё когда не особо верил в него.

— Итак, если обобщить данные, то мы находимся в полной... Простите. Все очень прискорбно, господа. — я собрался мыслями и продолжил. — Эта станция ещё как минимум полгода, а в лучшем случае два года, должна была снабжаться необходимым для выживания оборудованием, запасами еды. Здесь должны были развернуться обширные гидропонники и подземные города. Люди должны были поступать сюда частями и постепенно обустроить станцию, подготавливая её к новоприбывшим. Но на данный момент мы с вами имеем лишь небольшой обустроенный участок станции и крошечный запас ресурсов.

— Почему бы сейчас нам не развернуть эти гидропонники? В чем проблема? Мы здесь уже две недели, а ничего ещё не сделано! Вы плохо работаете! — вставил свое слово Багрович.

— Разморозьте больше людей и работа пойдет быстрее! Нам нужны инженеры, агрономы, учёные!

— Так, минуточку! — выставил свой палец-сардельки Вячеслав Сергеевич. — Насколько я помню, а на память я не жалею, вы сами сказали, что ресурсов не хватает. Это вашими учёными была выставлена планка в 530 человек. Это вы сказали, что больше людей станция не в состоянии прокормить! И теперь говорите, что Вам не хватает людей? Как же так, Алексей Петрович?

Багрович снисходительно оглядывал людей в зале, стараясь казаться умным и значимым.

Вот он — его шанс пробиться в верха. Шанс перестать быть мелкой сошкой. Кем он был в прошлой жизни? Главой мелкого городка? Да он там и власти-то никакой не имел. Так, чисто номинальная должность, а управляли городом другие... И вот сейчас, когда наш вид на грани вымирания, он просто счастлив и всеми силами пытается закрепить свою власть. Сколько же ещё подобной гнили спаслось?

— Нам нужны не просто люди! Нам нужны инженеры, которые запустят фабрики по производству пищи. Нам нужны агрономы, которые смогут развернуть гидропонники. Нам нужны рабочие, которые смогут обеспечить жильём людей.

— Так в чем проблема? Размораживайте!

— Проблема в том, что здесь слишком много народа.

— Я вас не пойму! Вам то мало народа, то много! — политик чувствовал к чему я веду, но изо всех сил старался не замечать этого и раздражался все сильнее. — Вы уж, будьте добры, определитесь!

— Здесь слишком много людей не той профессии! — Не выдержал я. — Теперь я понятно объясняю?

— Алексей Петрович, поспокойнее! Мы все это прекрасно понимаем. — поднялся Виктор Юдинович, один из директоров Агентства. — Значит основная проблема в специалистах? Вы можете составить список... Ну или рекомендовать кого нужно размораживать первыми?

— В первую очередь нужны агрономы. Нам жизненно необходимы гидропонники. Я знаю всего несколько подходящих специалистов. Позже предоставлю списки.

— Хорошо. С этим разобрались. Что ещё?

— Специалисты по системам жизнеобеспечения, энергообеспечения и по фабрике синтетической пищи. — продолжил я. — Если первых двух я могу рекомендовать, то для последнего у меня никого на примете нет.

— Хорошо, Алексей Петрович.

— Погодите! Зачем нам синтефабрика? У нас же есть гидропоника! — Багрович опять пытается оттянуть внимание на себя. — Вы же сами говорите, что их необходимо развернуть в первую очередь.

— Затем, что гидропоника не даёт урожай немедленно. Нам придётся ждать. И долго ждать! — Не сдержавшись я повысил голос.

— С этим понятно. Есть ещё вопрос к вам Алексей Петрович. Когда мы начнём размораживать людей? Не вот этих специалистов, а обычных людей? У всех нас есть семьи и естественно мы беспокоимся о них. Технология крионики ещё толком не обкатанная. Мы не знаем как долго человек может находиться в таком состоянии без последствий.

— А вот с этим нам придётся подождать. Боюсь что разморозка людей затянется на годы...

— Что? Вы в своём уме? — взметнулась Ульяна Александровна, главврач медицинского отсека. — Мы не знаем, как это отразится на людях! Тем более, хочу напомнить, что многие из этих людей были криоконсервированны в тяжёлом состоянии...

— Мне ли об этом не знать? — перебил её я. — Но наше состояние сейчас таково, что мы не можем бездумно размораживать всех подряд! Начнётся голод! Да нам попросту негде разместить этих людей! К тому же, медотсеки не готовы к такому огромному поступлению пациентов!

— Мы могли бы постепенно...

— Вот именно! Постепенно! И начнём с необходимых кадров!

— Как главврач, я рекомендую расконсервировать хотя бы детей! Мы не знаем КАК повлияет долгая заморозка на их мозг. Могут быть утеряны жизненно важные функции!

— Хорошо. Сначала необходимое количество инженеров. Потом дети.

— Думаю на этом наше собрание можно считать законченным...

— Подождите... Есть ещё кое-что!

Всё взгляды в зале обратились ко мне. Я обвел их глазами и задумался. Поймут ли они? Поддержат? Позволят сделать то, что необходимо?

Набрал в лёгкие побольше воздуха и громко, так чтобы меня все слышали, сказал:

— НАМ НУЖНО ВЕРНУТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ!

Глава 2

Сначала в зале повисла гробовая тишина. Казалось люди не могли поверить в то, что я сказал. Затем со всех сторон начали раздаваться крики, вопросы и даже обвинения в сумасшествии. Ну последнее понятно от кого...

Люди никак не могли успокоиться от моего заявления.

— ТИШИНА!!!! — раздался голос Виктора Юдиновича из акустического усилителя. — Алексей Петрович! Вернуться на Землю? Вы же сами говорили — ресурсы...

— Проблема как раз в ресурсах! Их тут просто нет! Нечем засеять гидропонники! А то, что смогли посадить даст урожай только через несколько недель. Но и этого нам с натяжкой хватит только для того, чтобы прокормить уже "разбуженный" персонал!

— Нно, возвращаться на Землю... Зачем?

— Шаттл, который должен был доставить сюда Российское семеновохранилище, разбился на взлёте. Остальные привезли слишком мало и в основном синтетику. Все же Россия продвинулась далеко вперёд в области гидропоник. Все эти две недели здесь, мы искали выход из этой ситуации. И нашли!

— И что вы придумали?

— В начале 21 века, а точнее в 2008 году, в Шпицбергене было построено огромное всемирное семеновохранилище. Мы считаем, что оно до сих пор жизнеспособно.

— Что? В каком году? — опять подал голос Багрович. — Вы, наверное, шутите? Этот сарай уже и развалился, наверное, давно! Вы только подумайте — ну что могли построить в 21 веке? Да это же давно заброшенный остров! Там никого и ничего нет! Просто голый камень посреди токсичного моря.

— К сожалению здесь, на лунной базе, нет ни одного человека из Норвегии. — продолжил я, не обращая внимание на тираду Багровича. — Это бы облегчило дело с поисками хранилища, но их убежище погибло. Остров много лет назад был спешно покинут, когда токсичность мирового океана начала зашкаливать. Но, судя по снимкам со спутников, он все ещё под слоем снега и льда. Вечная мерзлота должна была сохранить семеновохранилище в целости. И мы просто обязаны вернуться за ним! Потому что иначе мы не сможем прокормить всех тех людей, что находятся сейчас в криоконсервации!

— Нно ресурсы!!! — начал было Багрович.

— Я повторяю — это сделать необходимо!

— А если семеновохранилище все таки не функционирует?

— Тогда есть вариант с Красноярском. Возможно там что-то осталось, хотя шансов даже меньше, чем у Шпицбергена. Их семеновохранилище питалось от энергоносителя, который, как показывает спутник, разрушен. Есть ещё вариант вернуться в Москву и пройти по агробашням, но это самый крайний вариант.

— Что ж, Алексей Петрович, вам карты в руки. Организация вылазки на планету на вас!

— Первым делом мы должны решить какой из шатлов полетит на Землю? Нужен шатл с большой грузоподъемностью. Желательно поновее...

— Предлагайте!

— Предлагаю японскую "Кагуя"! Это современнейший шатл с большой грузоподъемностью.

— Не может быть и речи! — ответил переводчик Ивао Хасэгава, главы японской группы

выживших. — У шатла "Кагуя-но-химэ" другая миссия. Очень важная. Пребегать ею или рисковать мы не можем. Вам придётся выбрать другой шатл.

— Могу я поинтересоваться миссией "Кагуя"?

— Нет. Не можете! У вас нет допуска к этой информации.

Вот это новости! А я думал у меня высший уровень секретности. Необходимо выяснить для чего готовят этот шатл, а пока...

— Тогда российский "Витязь".

— Одобрено. Готовьтесь к миссии! Соберём следующее собрание по готовности вашей команды. Напоминаю вы можете запросить разморозку любого необходимого вам человека.

Вот и все. Мы возвращаемся на Землю.

Пока все толкаясь покидали зал, я высматривал в какую сторону пойдёт Виктор Юдинович. Подождал пока вокруг него рассосётся народ и догнал. Разговор будет сложный.

— Виктор Юдинович, подождите минутку!

— Алексей Петрович? Что то ещё вспомнили, что не обсудили на собрании?

— И да, и нет. На собрании этот вопрос не обсуждали и не стоит даже начинать. Нам бы с глазу на глаз пообщаться!

— Ну пойдём в мой личный отсек. Я как раз туда направлялся, чтобы поспать немного. Ты знаешь, что на станции время настроено несколько иначе чем на Земле? В сутках 30 часов. Лично меня это сбивает с толку и я никак не могу уснуть.

Виктор Юдинович разговаривал будто сам с собой. Не ожидая ответа на свои вопросы, не давая возможности вставить слово. Я только сейчас заметил насколько он вымотан.

— Может вам снотворное? — перебил его я. — Ведь от недосыпа снижается функциональность.

— Снотворное? Знаешь, в первые трое суток я пытался уснуть сам. Потом пробовал снотворное, но организм напряжён настолько, что даже таблетки его "не берут". - ответил глава. — Да ты не переживай. Вот сейчас выпровожу тебя и выплюсь наконец. Так о чем ты хотел поговорить со мной? Да ещё и с глазу на глаз?

Я и не заметил как мы дошли до личного отсека главы. После гибели правящей палаты на Земле, Виктор автоматически стал главой российских выживших на станции.

Как то совестно стало тревожить столь у ставшего человека, но я уже здесь. Было бы глупо сейчас развернуться и уйти.

— Виктор Юдинович..

— Давай просто Витя, а? Ну пока вот так неофициально?

— Хорошо. Витя... Я так понимаю миссию по высадке на Землю возглавлять мне?

— Правильно понимаешь! Есть возражения?

— Нет. Конечно нет. Я это затеял, мне и лететь... Только вот мы моем и не вернуться, поэтому я хочу попросить вас поставить мою семью в очередь на разморозку в числе первых.

— Вот как? А не ты ли говорил, что разморозку может затянуться на годы?

— Я! Я этого и сейчас не отрицаю. Моя жена инженер в области жизнеобеспечения. Её знания на станции необходимы. А мои дети... Сын и новорожденная дочь были криоконсервированные в тяжёлом состоянии. Дочка и вовсе глубоко недоношена. Кто знает к каким последствиям приведёт их заморозка. Я хотел бы перед отлетом увидеть их.

Виктор Юдинович смотрел на меня с минуту, прежде чем ответить.

— Чтож, резонно... Семейку разморозим в ближайшие сутки. Сейчас же отправлю в медотсек указание. Что-то ещё?

— Да. Я хотел сказать, что ты должен понимать, что все наши трепыхания не более чем отсрочка неизбежного. — я долго подбирал слова, но все же мягче сказать не получилось.

— Что ты имеешь в виду? — Виктор напряжённо смотрел на меня.

— Ты же и сам понимаешь всё. — сказал я и Виктор, глубоко вздохнув, опустил глаза. — Слишком мало выживших. Слишком мало фертильных женщин. Слишком мало детей. И, наконец, слишком много больных. Нам не выжить. Я имею в виду человеческой расе. Мы-то доживём свой век. Может быть даже спокойно, но на наших детях все закончится...

— И что ты предлагаешь? Лечь на землю, сложить лапки и умереть? — резко в крикнул он.

— Нет, конечно нет. Уже только ради детей мы должны были попытаться... Что ж, не вышло, но мы боролись и ещё поборемся. Но людей придётся как-то подготовить к этому. Я не стал выносить это на собрании. Сам понимаешь, паника сейчас ни к чему. Но подумать об этом нужно!

— Спасибо, Алексей. Я обязательно подумаю.

У меня словно гора с плеч свалилась. По сравнению с этим высадка на Землю — лёгкая прогулка. Просто не представляю, как такое можно рассказать народу, поэтому очень рад, что переложил это на другие плечи...

В космосе нет понятий день и ночь.

Здесь нет восходов и закатов.

Здесь человек чувствует себя чужим, хотя давно уже освоил космос.

Девятый день после отлёта с Луны.

Виктор сдержал слово и моих разморозили в тот же день. Марк был в очень плохом состоянии и увидеть его мне не дали, но заверили, что его жизнь вне опасности. Малышка находилась в кювезе для недоношенных. Такая крошечная, что не верилось, что это настоящий, живой ребёнок. Со всех сторон к ней тянулись трубки и оплетали её, словно кокон. Разглядеть её в таком состоянии было сложно. Но и её жизнь была вне опасности. За последнее столетие научились выхаживать и не таких крох, ведь каждая крошечная жизнь была на счету.

С Ксюшей же мы виделись, и даже не один раз. Первое что она у меня спросила — где Моника? А что я мог ей ответить? Дорогая, я не нашёл нашу дочь? Мне пришлось сказать ей горькую правду о том, что Моника находилась в карантине во время падения защитного контура реактора, что преодолев такой опасный путь, наша дочь погибла, находясь в руках врачей. До сих пор не могу поверить в это. Не поверила и Ксюша. И только многочисленные, безуспешные попытки "увидеть" дочь с помощью своего дара, смогли убедить её. Я не отходил от Ксюши три дня. А после она переключилась на младших детей, а мне пришлось их покинуть.

Подготовка столь масштабной операции — дело сложное, но быстрое.

Собрать команду для вылазки, экипаж корабля, оружие, провизию, оборудование и это при жёсткой экономии пространства и времени? Легко! Люди были рады заняться делом, ведь это отвлекало от жестокой реальности.

Необходимо проверить шаттл, определить место приземления и способ доставки хранилища на шаттл. И с этим справились, кстати, не без помощи Багровича. Он предложил приземлиться в Мурманске. Это крошечный военно-научный городок, главой которого и был Багрович. Оттуда было ближе всего добираться до острова. К тому же там мы могли найти большую часть оборудования и дополнительное оружие, что освобождало место на шаттле. Он же предложил и команду для вылазки — 20 подготовленных элитных бойца, которых тут же отправили в медотсек на разморозку.

"Витязя" в рекордно короткие сроки перебрали чуть ли не по винтикам. Корабль "вылизали" до блеска изнутри и снаружи.

Необходимое оборудование собрали легко — все-таки эта станция функционирует много лет и сюда постоянно завозилось новейшее оборудование для вахтовиков, работающих на гедониевых разработках.

Провизию, хоть и с трудом, но собрали, хотя, скорее всего, группе придётся добывать пропитание на планете, ведь кто знает насколько мы там задержимся.

Вообще, после того как разморозили людей, хоть немного разбирающихся в синтезфабриках, с питанием стало полегче. Синтетическая пища была отвратительная на вкус, но питательная. Поэтому на шаттл были загружены контейнеры с синтрационами.

Но вот со сбором научной команды были проблемы.

Вылазка на Землю — мероприятие очень рискованное и никто не знает вернёмся ли мы тем

же составом, да и вернёмся ли вообще. Учёных осталось не так много, чтобы разбрасываться ими. Поэтому было решено, помимо меня, взять на борт ещё одного биолога, двух медиков и одного специалиста по ГО и ЧС.

Этим наш состав решили ограничить, хотя в последний момент, Багрович "подсунул" нам ещё десяток военных с нашивкой ВМФ.

Да, в России до сих пор есть военно-морской флот, хотя это скорее пародия на него, ведь он служит лишь для научных целей. Уж не знаю, что эти военные там придумали, но в море они выходить могут. Наверное для нас это большая удача, потому что по воздуху перевезти огромный контейнер(а я надеюсь, что он огромный) с семенами будет просто невозможно. За один рейс мы его не увезем, а сделать несколько рейсов нам вряд ли дадут.

В нашей миссии очень много белых пятен.

Неизвестно в каком состоянии Мурманск и его военные базы, которые скрыты от спутников — вот где наши передовые технологии сработали против нас. Во время эвакуации паника и спешка не позволила людям выключить большинство оборудования, а мутанты, похоже, так и не добрались до него. Так и остался в работе комплекс РЭАБ, находящийся в подземном бункере. Именно поэтому нам теперь неизвестно, есть ли там уцелевшие морские корабли? Как много мутантов и какие они? Сможем ли добыть необходимое оборудование? Есть ли выжившие? С каждой минутой размышлений вопросов становилось все больше и я уже сомневался в целесообразности нашей миссии.

Неожиданно моё внимание привлёк какой-то крупный объект на фоне Земли. Подойдя к иллюминатору я долго всматривался в объект, но он находился слишком далеко и рассмотреть его не было возможности.

Тогда я решил разыскать командира шаттла, но моё везение сказало мне — прости и прощай. Вданный момент командир шаттла был занят пилотированием, а пилот отдыхает у себя в каюте. Оставалось только ждать, когда вновь произойдёт их смена.

Время в полете тянулось настолько медленно, что я уже тысячу раз пожалел о том, что нас не заморозили на время полёта.

На следующее условное утро я отправился вновь искать командира шаттла, чтобы узнать у него ответ на столь мучавший меня вопрос, но оказалось, что они с пилотом сменились ночью, потому что через пару часов мы должны войти в облако космического мусора и в это время за пультом управления они должны быть оба.

Не долго думая я отправился к нему в каюту.

— Макс, прости, что разбудил, просто от безделья маюсь. — извинился я, увидев потрепанный вид командира.

— Да ладно, чего уж... — зевнул он. — Проходи, гостем будешь.

Макс отступил от двери приглашая меня внутрь.

— Кофе будешь? — спросил он.

— Нет, спасибо. Я как-то не очень эту жижу люблю.

— Люблю — не люблю. Мне по должности положено. Скоро к Земле подойдём. Там космического мусора столько, что ни на секунду не отвлекусь.

— Ох, вдвойне прости!

— Да все равно уже скоро вставать. Говори, что там за мысли твою головушку посетили, раз ко мне пришёл?

— Да я тут в иллюминатор смотрел и заметил какой-то объект на орбите Земли. Огромный! Разглядеть не успел. Думал может ты знаешь, что это?

— Огромный говоришь? — задумался командир. — Ну тогда это наверное Джиро — околоземная станция японцев.

— У них своя станция? Тогда чего они у нас? — удивился я.

— Да кто ж их знает. Вроде что-то не так пошло. Может не закончена. Не знаю, но на ней однозначно ведутся какие-то работы и там есть люди. Может скоро и отвалятся от нас японцы. — хмыкнул Макс.

— Во, дела... Я думал наша станция одна такая...

— Видно не одна...

Покинул кабину командира в смятении. Что эти японцы задумали? То Кагуя с какой-то суперсекретной миссией, то теперь странная станция Джиро. Хм... Джиро... Планшет говорит, что переводится как Второй сын... А где тогда первый? Нужно будет обязательно все это выяснить по прибытии на Луну. А пока неплохо бы подкрепиться...

ВНИМАНИЕ!!! ШАТТЛ ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ЗОНЕ СКОПЛЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО МУСОРА. ПРОШУ ВСЕХ ЗАНЯТЬ СВОИ МЕСТА, ПРИСТЕГНУТЬСЯ, ПРИГОТОВИТЬСЯ К ТУРБУЛЕНТНОСТИ И К ЛИКВИДАЦИИ ВОЗМОЖНЫХ АВАРИЙ!!!

Вот и перекусил!

В зоне космического мусора шаттл будет находиться около суток, потом приземление и дальше все зависит только от нас. Мы не можем провалить эту миссию — слишком много от неё зависит.

Порядок выполнения операции и назначения были определены ещё на Луне, поэтому все знали, что от них требуется.

Я со своей группой сразу же, по приземлению, отправляюсь как можно дальше от шаттла. Если нас встречают мутанты, то удаляемся с максимально возможной скоростью и шумом, дабы отвлечь их внимание на себя и сохранить шаттл в целостности и сохранности. Команда шаттла, состоящая всего из двух человек — командира и пилота, остаются на месте, вырубая все системы и переходят в режим ожидания, всем своим видом выказывая отсутствие на корабле жизни, при необходимости защищают его до последнего вздоха. Если же мы теряем шаттл, то миссия продолжается и, по выполнении её, нам высылают с Луны другой транспорт.

Мы пережили проход через пояс мусора довольно легко, лишь дробь мелкого космического хлама, размером с пулю, барабанила по обшивке. Командир и пилот знали свое дело и виртуозно обходили крупные обломки. Теперь выходим на необходимую точку для приземления.

Я ещё не совсем оправился от своих травм, поэтому мне пришлось вколоть себе определённые стимуляторы, чтобы сердце выдержало посадку. Сейчас, конечно, не те времена, когда астронавты при приземлении испытывали колоссальные перегрузки, но все же мероприятие это не из приятных и полезных.

Обколовшись стимуляторами, я пристегнулся и стал ожидать. Шаттл сильно трянуло при входе в атмосферу, иллюминаторы автоматически затемнились, но потом все "пошло по накатанной", лишь у самого города возникли проблемы из-за стаи летающих мутантов, но конкуренции по скорости они не выдержали и быстро отстали.

Почти у земли мы вошли под купол действия комплекса РЭОБ — теперь мы сами по себе до тех пор, пока не отключим его. Первое, что нас встретило в Мурманске... Нет, не мутанты. Это ветер. Холодный, сырой промозглый ветер, с летящими в лицо колючими, рыжеватыми снежинками. Ветер проникал под любую одежду, пробирал до костей. Как бы я

ни кутался в свою куртку, все равно ничего не помогало спрятаться от кусучего, жёсткого ветра. Все же в Москве погода поспокойнее будет.

Местные ребята же будто и не чувствовали холода. Они быстро перегруппировались и отправили разведчиков. Сами же мы удалились от шаттла на приличное расстояние и затаились.

Вскоре разведгруппа вернулась со странным транспортом. Я такого никогда не видел — огромный, бронированный, гусеничный вездеход, с крошечными окошками-бойницами, оцетинившимися многочисленным оружием. На крыше этого чудо-транспорта стояла здоровенная пушка, а сзади был надёжно закреплён прицеп.

— Это что за чудо техники? — вытаращил глаза я, разглядывая мощный, "зубастый" отвал на бампере вездехода.

— Это наш Матиз! — гордо возвестил командир нашего отряда, Долохов Елисей.

— Это какой-то жуткий монстр! — восхитился я, растирая оковеневшие руки.

— Ну, а то! Наша, Мурманская разработка!

— Почему Матиз? — не унималось моё любопытство.

Ребята, грузившие в это время наши скудные припасы в прицеп, тепло заулыбались.

— Да сделан он на основе нашего, мурманского трактора с МТЗ. Вот и прозвали его МаТиЗ. Но ребята его ласково называют "Колбаска".

Парни уже откровенно ржали.

Что ж, наш транспорт действительно был похож на "колбаску", перевязанную посередине. Длинная, приземистая кабина с таким же длинным прицепом.

— Замёрз? — спросил командир, заметив, что я уже начал "приплясывать". — Потерпи немного. Скоро прибудем на военную базу. Там и раздобудем необходимую амуницию. С собой на Луну её не было смысла тащить...

— Да уж, такой суровой зимы я ещё не видел. — ответил ему я, пытаюсь совладать со своим телом, которое уже трясло крупной дрожью. — Всё же в Москве не бывает таких ветров, сырости и мороза одновременно

— Зима???? — зычно расхохотался он. — Парни, вы слышали, у нас тут оказывается уже зима! Парни участливо улыбнулись и покачали головой. Кто-то пропустил смешок, но в открытую издеваться надо мной не стали.

— Э — нет, до зимы тут ещё два месяца! Надеюсь, мы здесь настолько не задержимся. В отличии от мягкой осени, — на этих словах меня особо сильно передёрнуло. — зима здесь уж очень негостеприимна, даже к нам. А уж ты-то и подавно лапы склеишь. Так что в наших интересах сделать все по-быстрому!

К тому моменту, как мы погрузились на вездеход, землю устилал тонкий, но плотный слой грязно-рыжего снега. На часах 17.05, а солнце уже спряталось за горизонт. Наверное, я никогда не смог бы привыкнуть к столь суровым условиям. А парни, вон, будто домой вернулись... Хотя, чего это я? Они ведь действительно вернулись.

Внутри Колбаски было очень тесно, несмотря на её внушительный размер. Большую часть пространства внутри занимала броня, оружие и боеприпасы. Ближе к водителю стояло вполне комфортабельное кресло(в отличии от остальных жёстких, узких сидений), в которое сразу же запрыгнул Игнат, надел визуализационный шлем и замер. Как оказалось, это кресло было дистанционным пультом управления пушки класса "Плеть", находящейся на крыше нашего вездехода. Её когда-то сняли со списанного корабля и намертво приварили к этому "монстру".

Вообще Колбаска служила нашим военным во время вылазок за город, когда нашим учёным так приспичивало отправиться за новыми образцами для своих исследований.

Пушка класса "Плеть", имела колоссальную мощь — более 10 тысяч выстрелов в минуту, ресурс — 40 тысяч выстрелов. Она просто выкашивает все на своём пути, оставляя лишь искромсанные ошметки. Пушка крайне подвижная, у нее практически нет слепых зон, укрыться от неё можно только лишь под самым вездеходом.

Когда мне рассказали характеристики Плети, у меня была лишь одна мысль — дайте две! Парни любовно проверяли оружие на своём детище, как вдруг раздался многоголосый вой. Даже шум работающего Матиза не смог заглушить их.

Вот и пожаловали хозяева планеты наказать нарушителей, вторгшихся на их территорию. В кабине повисла напряжённая тишина. Все понимали — нам не избежать боя.

Водитель выдал педаль газа до предела в пол и Колбаска рванула вперёд, наперегонки со смертью.

— Запускаюсь. — монотонно пробормотал Игнат и на крыше зашуршала, просыпаясь от долгого сна, Плеть.

— Погоди пока! — остановил его Долохов. — Не вмешивайся. Может, сами обойдёмся!

— Ага, как же. Обойдутся они. Шестеро Серых (гигантские волки)! Куда уж вам с вашими пукалками! — огрызнулся Игнат.

Елисей витиевато выругался и гаркнул:

— Я сказал, беречь заряды!

— Да понял я, понял. — приуныл стрелок. Зато все остальные заняли свои места и напряжённо всматривались во тьму.

Вдруг по правому борту послышался сильный удар и Колбаску тряхнуло. Ребята, что дежурили с той стороны, начали наперебой ругаться и стрелять. Через мгновение к ним присоединились и остальные. Грохот выстрелов не прекращался ни на мгновение. Почти каждую минуту на вездеход приходились удары снаружи. Один за другим прекращали стрельбу солдаты — их оружие выходило из строя.

— Игнат, подключайся! — заорал Долохов.

— А я говорил! — ухмыльнулся тот и на крыше заклёкотала Плеть.

Почти сразу же удары по Колбаске прекратились. Волки отступили, но расслабляться было рано — они могли отступить лишь для того, чтобы перегруппироваться или устроить засаду.

— Остаток боеприпасов? — крикнул командир.

— У меня осталось чуть больше 30 косарей. — сказал Игнат, глядя на счётчик боеприпасов. — А мы ещё даже наполовину Мурманск не прошли. Че делать-то будем?

— Педаль газа в пол и по-тапкам ребята! Что ещё делать-то? Главное добраться до Североморска. — кажется командир вошёл в боевой раж.

— Почему в Североморск? Зачем туда? — спросил я, когда до меня дошли слова Долохова.

— Потому что военная база именно там. И нужные нам корабли тоже там! Здесь одна рухлядь, да музейные экспонаты!

— Твою ж... А какого черта мы приземлились здесь? Неужели нельзя было сразу туда лететь? — ругнулся я.

— Помимо РЭОБ, там находится ещё и система ПВО. Мы бы просто не долетели — на бы сбита автоматика. Так что только по Земле!

Да уж, попали так попали.

Мурманск вальяжно вытянулся вдоль Кольского залива. С другой же стороны города находятся гиблые болота. Нам нужно пройти насквозь Мурманск, а потом по открытой местности гнать до Североморска. Городок, хоть и не большой, но полон тварей, а что уж творится дальше даже боюсь предположить.

— Внимание! Стая Серых пытается взять нас в кольцо. Вижу четверых. Где ещё двое не знаю. — отрапортовал Игнат. — Быстро они! — негодовал командир.

— А когда это у нас Серые мешкали? Уж если взялись за добычу, то не упустят её!

Меж тем Колбаска неслась сквозь ночной город, прорезая тьму мощными прожекторами. Быстрый вездеход пожирал километры, словно голодная тварь.

— Может, успеем выйти из их охотничьей зоны? — робко спросил молодой солдатик.

Было видно, что предыдущий бой дался ему нелегко.

— Даже и не мечтай, Яр. Эти твари отступят только перед более сильным хищником. — ответил ему командир.

Я сидел прямо на холодном, сыром полу Колбаски и набивал ленты пулемётов патронами. Да уж, человек в совершенстве научился убивать, но природа Земли ответила на это толстой бронёй и быстрой регенерацией своих тварей. Когда восстановятся волки? Через пару часов? Или пару минут? Скорее второе. Лучше быть готовыми к их новой атаке. Именно поэтому я и те, кому не посчастливилось сесть к пулеметам, не обращая внимание на окоченевшие пальцы и затекшие ноги, набивали патронами бесконечные ленты. От них будет зависеть наша жизнь.

— Ребят, я не пойму куда они делись! — запаниковал Игнат. — Только что были на глазах и нет! Просто исчезли!!!

— Готовьсь! — крикнул Долохов. — Ленты заменить на новые, с предохранителя снять! Чует моё сердце сейчас опять в атаку пойдут...

Но не успели они выполнить его приказ, как в кресле дернулся Игнат, заорал и пустил Плеть на полную. Словно обезумевший он палил и палил в одну сторону, позади вездехода, не слыша ни крика командира, ни обеспокоенных товарищей. И мы поняли, что нас преследует нечто гораздо страшнее волков.

Постепенно огонь начал смещаться на левый борт. Этот кто-то, похоже, легко догоняет, несущийся на всей скорости Матиз.

Все напряжённо вглядывались в маленькие окошки-бойницы, но яркие вспышки света от выстрелов Плетки ослепляли и не давали увидеть то, что видел Игнат через внешние камеры.

— Вижу! — крикнул один из солдат и начал стрелять по цели.

Один за другим солдаты начинали стрельбу, но их противнику, похоже, это не причиняло особого вреда. Долохов тем временем впопыхах вскрывал какой-то ящик. Расправившись с ним, он достал гранатомёт с фугасными патронами и отодвинул одного из бойцов от окна.

Я постарался приблизиться к одному из окошек, чтобы разглядеть, что за тварь нас преследует. За окном неслась машина, размером с грузовик. Плеть вырывала из плоти твари огромные куски, но тварь все равно преследовала нас, быстро сокращая расстояние. Я все никак не мог разглядеть, к какому виду она относится. Наконец мне удалось это сделать. Медведь! Белый медведь. Я думал, они вымерли!

Командир выстрелил из гранатомёта. Один раз. Второй. Третий.

За выстрелами раздавались взрывы.

Внезапно у твари подкосились передние лапы и она словно нырнула вперёд. Несколько раз перекувыркнувшись по инерции, медведь замер.

Все, как по команде прекратили стрелять и прилипли к окнам. Медведь лежал без движения.

— Сдох? — хриплым голосом спросил Яр.

— Да по любому! — ответил ему Даниил.

— Не расслабляться! Оружие перезарядить! — начал раздавать команды Долохов. — Держать периметр. Нашумели мы сильно как бы ещё кто не прибежал. Доложить остаток по боеприпасам. Игнат! Что у тебя?

— У меня? — переспросил Игнат, отходя от шока. — У меня пусто! Ребят, а мы не доедем! Без Плети нам крышка!

Станция Л-214

Ксюша.

— Мама? — услышала я сквозь сон хриплый голосок. — Мамочка?

Не сразу мне удалось скинуть оковы сна, но, когда до меня дошло, что это Марк пришёл в себя, я мигом метнулась к его медкапсуле. Медицинский ложемент обволакивал худенькое тело моего сыночка, словно кокон, не давая ему двигаться. Это и напугало Марка.

— Милый, все в порядке! — ласково прошептала я. — Мы в безопасности! Все хорошо, ты в медкапсуле, не двигайся пожалуйста!

— Мама, мы добрались? Мы на папиной базе? — прошептал Марк, пытаясь рассмотреть все вокруг.

— Нет, солнышко, мы уже улетели с базы. — ответила ему я. — Представляешь, мы на Луне!!! Здорово, да?

— На Луне? — глаза любопытного мальчишки стали огромными, и он начал пытаться выбраться из ложемента. — Правда? На самой — самой настоящей Луне? Честно — честно?

— Честно — честно! — улыбалась я. — Только тебе пока нельзя шевелиться и выбираться из медкапсулы.

— Ну в-о-о-о-т, как всегда. — расстроено протянул он. — Мама, ты что, плачешь?

— Да, сынок, плачу. — отрицать это не имело смысла, так как слезы облегчения лились градом. — Только это я от счастья! Я очень соскучилась и рада, что ты проснулся!

— Не плачь, пожалуйста! — попросил он дрогнувшим голосом. — Я тебя никогда — никогда не брошу!

— А я тебя никогда — никогда не брошу! — поддержала я его. — Только мне нужно врача позвать.

— Зачем врача? — испугался Марк.

— Он очень много времени и сил потратил на твоё лечение. Пусть тоже порадует, что его усилия были не напрасны!

Я вышла из палаты и дошла до сестринского поста. Нажимать кнопку экстренного вызова не стала — мы и так слишком часто ею пользовались.

После отлёта Лёши я, воспользовавшись положением и суматохой вокруг, уговорила нашего врача положить нас с детьми в одну палату. Пока находилась на лечении, я ухаживала за ними, а сейчас прихожу после смен и остаюсь здесь.

Конечно нам выделили свой личный жилой отсек. И он даже был совсем неплох, по сравнению со многими другими, но оставаться там мне совсем не хотелось.

А зачем? Сидеть в одиночестве, уставившись в стенку и отсчитывать часы до следующей смены?

Лёша вернулся в тот ад на Земле. Снова рискует собой. Оставил нас одних именно в тот момент, когда так нужен! Дети в реанимации в тяжёлом состоянии. Моника... Моника больше нет с нами! Если я останусь одна, то просто сойду с ума!!!

А здесь... Здесь я нужна своим детям. Да и не только им. Медсестры увидев, как я легко справляюсь с небольшими медицинскими процедурами своих детей, часто просят помочь им. У них сейчас рук совсем не хватает, а мне совсем не сложно. Да и отвлекает от тяжких мыслей.

— Что — то случилось? Кнопка не сработала? — забеспокоилась медсестра. — Секундочку, я вызову доктора!

— Нет — нет, постойте. — остановила её я, улыбаясь. — Марк пришёл в себя!

— Что? Божечки, счастье — то какое! — воскликнула она, а у меня опять потекли слезы счастья. — Я все равно сейчас доктора вызову!!!

— Я тогда вернусь в палату. — ответила я и медсестра кивнула головой.

Марка и Софию выхаживали всем медотсеком. Собирались целые консилиумы. Подключили всех, кого только было возможно.

Мои детки были самыми "тяжёлыми" из всех пациентов на Луне.

Медсестры вместе со мной сутками дежурили у ложементы Марка. Четыре раза аппаратура не справлялась и его организм сдавался. Четыре раза я нажимала на красную кнопку.

Тогда консилиум собирался снова и Марку меняли программу лечения.

Четыре раза он был на грани жизни и смерти.

Четыре раза врачи возвращали его мне.

Каждый раз я боялась, что больше никогда не увижу его глазки, не услышу его голосок. Я боялась, что он уйдёт вслед за Моникой, а за ним уйдёт и София.

Бедная малышка изо всех сил боролась за жизнь. Я не могла даже на руки её взять — настолько она была крохотной и слабой.

Но сейчас, когда пришёл в себя Марк, я верю, что и с ней все будет хорошо!

— Ну — с, как дела у нашего самого главного пациента? — улыбнулся доктор Романенко, когда вошёл в палату. — Неужели пришёл в себя? Ну ты силён!!!!

Марк слабо улыбнулся ему, а я из — за этой улыбки чуть не задохнулась от счастья!

— Так, посмотрим, что тут у нас. — пробормотал Олег Станиславович, утыкаясь носом в непонятные диаграммы.

Я же на минутку отошла к Софии, чтобы заменить резервуар с водой, который поддерживает влажность в её кувете.

Сонечка лежала в стерильном закрытом кувете для недоношенных деток, в котором был свой климат. Если коротко, то ей требовалось тепло, влага и стерильность.

Она была настолько слаба, что любая инфекция её сейчас могла убить. Поэтому все процедуры были с минимизацией контакта.

Заменив резервуар, я повернулась к Олегу Станиславовичу. Он хмуро разглядывал диаграммы на планшете медкапсулы.

— Олег Станиславович, не тяните. Как Марк? — не выдержала я долгой паузы.

— Так, Марк, ты конечно большой молодец и конечно же идёшь на поправку, но тебе нужно много спать. Так что я добавлю тебе один медикамент, чтобы ты поспал. — Весело проворковал доктор моему сыну, но по его голосу я поняла, что все не так уж и радужно.

— Ксения, нам нужно с вами серьёзно поговорить. — сказал он, когда Марк уснул.

— Ему не лучше? — дрожащим голосом спросила я.

— Что вы! Ему определённo лучше! Но не на столько, насколько это необходимо. Я так понимаю у него и раньше были проблемы со здоровьем? — Олег Станиславович взял меня за руку и отвёл к моей кушетке.

— Да, у него всегда был слабый иммунитет, но доктора говорили, что это в пределах нормы. Что ничего страшного. — я нервно теребила край пледа.

— Да, конечно. Но это все было верно в благоприятных условиях, а вы длительное

время находились в таких, что даже взрослому человеку с крепким здоровьем было бы тяжело оправиться. — доктор внимательно смотрел на меня. — Я хочу вас подготовить к длительной реабилитации. Очень длительной. Вы ведь пили неочищенную воду? Ели что — то зараженное? Наверняка попадали под странные излучения.

— Излучения? Я не знаю, нет, кажется, хотя Марк на какое — то время исчезал из нашего поля зрения. — прошептала я, вспомнив странный, дурмящий туман. — Да и с едой и водой... У нас просто не было выбора! Мы бы просто не дошли...

— Да — да, я это все понимаю и ни в коем случае ни в чем вас не обвиняю. Я и сам прошёл через подобное. — кивнок в сторону отсутствующей руки. — Понимаете, из-за того, что с вами случилось Марк получил тяжёлое отравление, плюс облучение, уж не знаю где вы умудрились словить такую дозу. Всё это время мы пытались вывести из его организма, убивающие его вещества. У нас это получилось.

— Это же хорошо? — обрадовалась я.

— Конечно хорошо, но ущерб нанесён колоссальный. Вы с мужем смогли так быстро оправиться в силу зрелости своих организмов. Да и на здоровье не жаловались, так?

— Да, все хорошо было. — пролепетала я. — Доктор, не тяните, он поправится?

— Полностью? Нет, не думаю, что это возможно. — опустил голову он. — Но мы сделаем все, чтобы он прожил счастливую жизнь.

— Долгую? — поправила его я.

— Медицина не стоит на месте. Возможно и долгую. Давайте не торопить события. Теперь давайте о вашей дочери. София, во время вашего похода, была защищена лучше всех — вы взяли весь удар на себя, поэтому она пострадала меньше всех. Ну, это если не брать в расчёт преждевременные роды, но мы и не таких крох выхаживали. — улыбнулся он. — Её показатели растут. Возможно через недельку вам разрешат взять её на руки.

Меня накрыла такая безнадежность, такая тоска. Я не могу помочь своему ребёнку. Что может быть хуже?

— Ксения! — строго окликнул меня доктор Романенко. — Он жив. Он идёт на поправку. Да, его ждёт сложный путь, но он рядом с вами! И вы ему нужны! Вы должны стать ему опорой!

— Да, конечно. Просто я думала, что...

— Доктор Романенко! — воскликнула забежавшая медсестра. — Там ещё привели...

Пострадавших.

Олег Станиславович странно переглянулся с медсестрой, кивнул ей и она убежала.

— Ксения, мне нужно идти. Не отчаивайтесь! И, большая просьба, не выходите из палаты сегодня, хорошо?

— А...?

— Ничего не спрашивайте, просто посидите здесь. Я ещё зайду.

И он вышел, оставив меня в полном непонимании.

Очень странно. Что там за пострадавшие? Неужели у нас опять что-то случилось?

Надеюсь все будет хорошо.

Лучшее, что я могу сейчас сделать — это послушать доктора и не путаться под ногами со своими вопросами.

Минуты тянулись за минутами, часы за часами, а доктора Романенко все не было. Напряжение и беспокойство все нарастали.

В коридоре несколько раз пробежал медперсонал, явно торопясь куда — то, затем

раздался крик и все затихло.

Когда в дверь постучали, я уже всерьёз раздумывала о том, чтобы выйти и расспросить кого —нибудь о происходящем.

Дверь тихонько приоткрыли и на пороге появился мужчина.

— Здравствуйте! — улыбнулся он. — Я — Андрей. Коллега вашего мужа. Можно войти?

— Да, конечно. — опешила я. — Что — то случилось?

— Что? — удивился он. — А! Нет — нет, все хорошо! Как раз об этом я и хотел вам сказать — Шаттл с вашим мужем приземлился.

— С ними все хорошо? На них не напали? — набросились я на него с вопросами.

— Этого я не могу сказать к сожалению. Комплекс РЭОБ мешает нам с ними связаться. Но они должны его отключить и тогда связь наладится! Но я вам этого не говорил! — подмигнул он мне. — Как вы? Алексей говорил, что сильно пострадали?

— Всё постепенно налаживается. Сегодня сын пришёл в себя. У дочки показатели растут. — улыбнулась я, подходя к кувезу.

— Какая крохотная! — удивился Андрей, увидев Сонечку. — Разве такие бывают?

— Все новорожденные кажутся крохотными! — пожалала плечами я.

Желания что-то объяснить почти незнакомому человеку, не было.

— Ну нет. Моя дочка гигант по сравнению с вашей! — возразил он.

— А у вас тоже есть ребёнок? — удивилась я. — Это и раньше было редкостью, а сейчас и давно.

Повисла долгая пауза — каждый думал о своём.

— Я совсем с ней не справляюсь. — будто сам себе пробормотал Андрей.

— А ваша жена... — ляпнула я, не подумав.

— Маша погибла. — печально ответил он. — Не дошла до базы совсем чуть чуть.

— Мне жаль! — прошептала я. — Простите.

— Вы же не знали! — грустно усмехнулся он.

— А знаете, что? Я могу помогать вам с дочкой. Научить необходимому. Да и в будущем наши принцессы могли бы подружиться. Детей здесь не так много, так что нашим очень повезло — будет с кем дружить. — неожиданно для самой себя предложила я.

— Это было бы замечательно! — обрадовался Андрей. — А то я здесь уже всех медсестёр извёл своими визитами. Они, похоже, уже прячутся от меня.

Я рассмеялась — давно мне не было так легко. Все — таки иногда нужно просто с кем-то поговорить. Мы ещё долго общались с Андреем — он мне жаловался на капризы дочки, я рассказывала ему мамские секреты.

— Спасибо вам, Андрей, что зашли! Давно я вот так, легко, не общалась. Всё какие — то проблемы, да неприятности. А иногда хочется поговорить как будто ничего не случилось.

— И вам спасибо! За помощь с Надеждой и за советы ваши...

Внезапные крики и шум из коридора прервали его. Мы замерли, прислушиваясь к тому, что там происходит. Из палаты понять, что происходит в коридоре было невозможно, но выходить туда совсем не хотелось.

Мне показалось странным, что Андрей встал между мной и дверью, будто прикрывает нас от чего-то.

Шум прекратился, зато раздался страшный хриплый рык вперемешку с чьим — то криком.

В коридоре забегали люди. Крики и рык повторялись снова и снова, слышалась возня,

удары.

В груди у меня все похолодело от страха. Я стояла, не двигаясь, и широко открытыми глазами смотрела на дверь, будто сейчас через неё к нам в палату ворвутся мутанты.

"Нет. Нет. Этого не может быть. Мы на Луне. Здесь их нет. Они нас не достанут." — как мантру твердила я.

— Ксюша, я сейчас выйду в коридор, — слишком ровным голосом сказал Андрей. — а ты закроешь за мной дверь и подопрёшь её чем-нибудь. Ты поняла?

— Не ходи туда! — срывающимся голосом попросила я.

— Ксюша, все будет хорошо! Там моя дочь. Я должен проверить, что случилось. Наверняка это просто не могут успокоить пациента. Я просто проверю. Запри дверь!!!

С этими словами Андрей резко открыл дверь и вышел. Мне ничего не оставалось как запереть её и подтащить свою кушетку, чтобы перегородить вход в палату.

В коридоре снова кто-то истошно кричал.

Через несколько минут, я услышала тихий стук.

— Кто? — шёпотом спросила я.

— Андрей. Дверь не открывай. В коридор не выходи. Ждите. Я приведу помощь!!! — кратко проинструктировав меня, он ушёл.

Значит опять. Опять все плохо.

А я снова осталась одна. В неведении. С двумя тяжело больными детьми.

— Лёша, где же ты? — прошептала я в пустоту...

Мелани.

Вой сирены, аварийные огни и негромкий голос из системы оповещения, повторяющий, что передвижение по коридорам запрещено и всем необходимо оставаться в своих палатах.

Кто ж спорит? Никто и не захочет выходить после того, что случилось.

Когда военные забирали нас из дома, они обещали, что на базе будет безопасно, но там произошёл прорыв мутантов. Потом нас отправили на заморозку, обещая, что перевезут в безопасную станцию на Луне. Но и тут мы оказались в ловушке.

Через несколько недель после всеобщей эвакуации, людей начали размораживать. Меня и моего сына, Алана, разморозили в числе первых, потому что я являюсь хирургом, а медицинские работники теперь очень ценны.

Мне даже не дали время прийти в себя — почти сразу отправили к пациентам.

Алан всегда был при мне. Было тяжело, но никаких детских учреждений здесь пока ещё нет.

Конечно бойкому четырехлетке было сложно проводить всё время в медотсеке, но у нас сложилась довольно дружная компания и за сыном приглядывали все.

Алану очень нравилось внимание стольких людей и через несколько дней в его лексиконе появились русские словечки. Это так забавно(и совсем непонятно), когда в речи ребёнка переключаются два языка.

Пациенты прибывали день ото дня. Сначала необходимые специалисты — медики, инженеры, учёные, специалисты.

Поначалу мы с Аланом даже ночевали в медотсеке, но уже через неделю получили свой собственный жилой отсек — наш новый дом.

Дом. Странное слово для тесной пустой коробки, но мы были и этому рады.

С каждым днем станция становилась все многолюднее, а значит, у нас всё прибавлялось пациентов, потому что мало кто отправился на криоконсервацию полностью здоровым.

Но три дня назад стали поступать пациенты с укусами. Это были те рабочие, которые, в связи с расширением жилых зон, расконсервировали и приводили в жилой вид новые, ещё опечатанные, уровни станции.

По их словам на них нападали "тени". Существа двигались с такой скоростью, что невозможно было их разглядеть.

Но это было лишь поначалу. Позже этих тварей стали находить мёртвыми.

Что это за твари и почему они погибли выяснили гораздо позже, когда у первых покусанных начали появляться признаки заражения.

Температура, озноб, тошнота, боли — с такими признаками вернулись к нам рабочие. Их немедленно госпитализировали и установили круглосуточное наблюдение. Далее симптомы развивались с такой скоростью, что мы не поспевали за ними. Светобоязнь, водобоязнь, агрессия к себе и окружающим. И тогда мы поняли, хотя это было совсем уж невероятно, что инфекция оказалась старинным бешенством.

Говорят, раньше люди умирали от этой болезни. Тяжело умирали. Больные подвергались мучительной боли и ещё более мучительным галлюцинациям.

В наше время такой болезни давно нет, потому что с младенчества все люди проходили вакцинацию против неё.

Невероятно, что здесь и сейчас появились пациенты, зараженные бешенством.

Конечно же, вирус мутировал, как и все живое на Земле. Он был настолько агрессивен, что мы просто не успевали лечить людей.

Заражённых немедленно изолировали, но по всей станции, то тут, то там появлялись твари и нападали на людей.

Существенного ущерба эти существа людям не приносили, но вот инфекция вскоре стала убивать. Ни один укушенный не прожил более двух суток.

— Мама, хочу пить... — отвлек меня от раздумий Алан.

Подошла к питьевому дозатору, включила кран — вода есть, значит снабжение станции продолжается.

За дверью вновь слышались крики, стоны и хрип.

Мы уже сутки сидим в этой палате, ожидая помощи. Выйти в коридор — верная смерть, ведь за дверью так много зараженных! Сидеть здесь — верная смерть.

Я подошла к своему сыну и подала ему воды.

— Нет!!! Нет!!! — Алан, выбил у меня из рук стакан и забился в угол кровати.

Значит водобоязнь "подросла"...

Через несколько минут сын вновь уснул, а я задумалась, когда наша жизнь превратилась в ад? Или она всегда такой была? От бессилия наступила апатия и отрешенность. Я просто ждала. Никаких эмоций.

За дверью вновь скребли, словно они чувствуют, что здесь кто-то есть.

На данный момент на станции около полутора тысяч "разбуженных" людей. Сколько из них успело заразиться?

Может мы единственные остались?

— Мама! — вскрикнул сын во сне.

Я легла на кровать рядом с ним. Он опять горит. Жаропонижающие уже не помогают. Ничего уже не поможет. С того самого момента, как в медотсеке Алана укусили, я знала, знала поминутно, что с ним будет. Я набрала лекарства, все, что только могла, и мы закрылись в пустой палате. Поначалу меня накрыла такая истерика. Я металась, редела, пыталась что-то сделать. Но что я могла? НИ-ЧЕ-ГО!!!

— Мама! Мама! — Алан метался во сне.

Болеутоляющие и седативное тоже уже не помогают.

— Потерпи, малыш! Мамочка рядом! Мама не бросит тебя! Алан, сынок, я люблю тебя! — шептала я ему на ушко.

Маленькое, исхудавшее тельце выгнуло судорогой и сын закричал.

Смотреть на его страдания не было сил. Слезы текли ручьём... Кажется, я кричала вместе с ним. За дверью творилась вакханалия — зараженные, услышав нас, ломались в дверь, кричали, бесновались.

— Ма-а-а-ма!!!! — истошно кричал Алан. — Ма-а-а-ма!

Я взяла сына на руки — его тело словно задеревенело. Прижала его к себе и стала покрывать лицо поцелуями.

— Милый мой, маленький мой, потерпи! Скоро все закончится...

— Мама, мне страшно! — прошептал Алан и обмяк.

— Ничего, маленький мой. — сквозь слезы шептала ему на ушко. — Мама не бросит тебя! Мама с тобой!

Отчаянно сдерживая рыдания, прижала сына к груди, зная, что нам остались минуты.

Мальш тяжело и хрипло дышал...

Пока из его груди не стал звучать совсем чуждый ему хриплый рык...

Зажмурила глаза, чтобы не видеть как мой маленький, ласковый сынок откроет свои, уже чужие, безумные глаза и начнёт рвать меня.

Сутки спустя.

— Много ещё? — спросил человек в военной форме.

— Ещё 23 отсека и этот сектор зачищен. — ответил ему обладатель такой же спецодежды.

— Вот черт. Скорей бы. Жрать хочется. — ответил первый.

— Смотри, как бы ты обедом не стал! — хохотнул его товарищ.

— Это вообще несправедливо. Почему мы не можем применять боевое оружие? — не унимался первый. — Ведь эти твари кидаются на нас не по-шуточному! Они ведь и правда сожрать нас могут.

— Ну во-первых — эти, как ты выразился, твари — все-таки люди. Они больны! И мы должны оказать им помощь. А во вторых — не будут они тебя жрать. Покусают и всё! — не выдержал третий солдат из их группы.

— Ага, а мне потом в заморозке чалиться, вместе с остальными зараженными и ждать, когда лекарство придумают? Нет уж, если на меня нападут...

— А ну рты закрыли! — рыкнул командир отряда. — Развели тут...

Он подошёл к двери очередного отсека и приставил универсальный ключ к магнитному замку, от чего тот тихо щёлкнул и мигнул зелёным "глазом".

За дверью людям в военной форме предстала страшная картина — весь отсек в крови и на полу два трупа.

— Вот черт! — присвистнул первый. — Похоже тут только трупы. Выживших нет.

— Да, не успели. Похоже зараженный ребёнок впился матери в шею и она погибла от потери крови. Проверь ребёнка! — сказал командир.

— Почему опять я-то? — заныл первый.

— Много говоришь.

Солдат подошёл к окровавленному ребёнку и ткнул в него прикладом автомата — ноль реакции.

— Чисто! Отправить сюда "носильщиков"? — отрапортовал он.

— Позже. Когда весь сектор будет зачищен от...

— Mother? — внезапный тихий всхлип заставил всех резко обернуться.

На полу, рядом с растерзанной матерью, пытался подняться мальчик лет четырёх.

— Твою ж.... Оно говорит! — чертыхнулся один из солдат и вскинул оружие.

— Не оно, а он. Это ребёнок, а не животное! Смотри, он не агрессивен. — пытался успокоить его товарищ.

Ребёнок то и дело переводил взгляд со своей матери на солдат своими огромными, перепуганными глазами.

— Мальчик? Как тебя зовут? — спросил командир на английском языке.

— Алан. — ответил перепуганный мальчишка. — Мама заболела?

— Он что, иммунный? — спросил один из солдат.

— Похоже на то! — ответил ему командир.

Группа солдат с опаской и удивлением смотрела на единственного выжившего после заражения.

— Центр. У нас выживший. — сиплым голосом проговорил командир в рацию, укутывая ребёнка в плед.

— Ну так отправляйте к остальным эвакуированным. В чем проблема? — ответил ему уставший голос.

— В том, что это похоже выживший после заражения!

Глава 6

Станция Л-214

Ксюша

Я не пользовалась своим даром с тех пор как Лёша мне сказал, что Моники больше нет. Не хотела, не могла, но сейчас... Сейчас мне придётся это сделать, несмотря на то, что это невероятно сложно.

Выходить из палаты, скорее всего, не безопасно, а выяснить, что там происходит — необходимо.

Я встала напротив двери и закрыла глаза. Сердце ускорило бег и всю меня охватила какая-то тревога и волнение. Сделав несколько глубоких вдохов-выдохов, я раскрыла свое сознание для мира вокруг и... Ничего не вышло.

Волна паники сразу же накрыла меня — может мне доступны только сознания моих родных? Нет-нет! Ещё на Земле я "слышала" людей из бункера. С ними сложнее, но все же это возможно! Нужно попытаться ещё раз!

Я попыталась ещё раз. А потом ещё. И ещё. И так до тех пор пока у меня наконец-то не получилось!

Вот спящие сознания моих детей, за стеной ещё несколько таких же.

Я попыталась мысленно продвинуться в коридор и найти там кого-то. За дверью явно кто-то был.

Тяжёлая, нездоровая аура этого человека давила. Я не совсем понимала, что он видит — его зрение расплывалось, двоилось, вокруг плавали какие-то силуэты и страшные образы.

Человек за дверью начал подвывать и биться головой в стену.

Покинула его сознание в ужасе. Липкий пот покрыл всю спину и заставлял дрожать. Человек в коридоре явно болен, только почему ему никто не помогает?

Нужно попробовать снова.

Мысленно двигаюсь по коридору. Сознания людей обычно горят как яркие лампочки, но мне уже несколько раз встречались почти угасшие. Не рискую приближаться к ним. Наконец, нахожу Андрея — он стоит прислонившись к стене, будто прячась от кого-то за углом.

Глазами Андрея смотреть легко и не страшно, в отличие от первого человека в коридоре.

Вот, на мгновение, Андрей выглянул из-за угла и проверил, есть ли там кто. За углом оказалось пусто и он сразу же побежал вперёд, пока не добежал до очередного поворота.

Он уже вышел из медотсека и идёт к жилым. Конечно, он же говорил, что пойдёт к дочери.

Андрей передвигался перебежками, от укрытия к укрытию. Вот, наконец, он подошёл к двери и постучал в нее. Казалось, он нервничает всё сильнее.

Вдруг Андрей замер, прислушиваясь к звукам вокруг.

Я слышала, слышала его ушами скрежет зубов, стоны и хриплый, булькающий рык.

Андрей медленно повернулся на звук и я увидела... Увидела то, что человеком назвать очень страшно, ибо никому не захочешь таких страданий.

По коридору сильно хромя, шёл мужчина в некогда белом халате. Все его лицо было расцарапано, халат в крови. Мужчина встал, уставился пустым взглядом на Андрея, а потом,

дико закричав, начал выцарапывать себе глаза. Он кричал и кричал, и пальцами пытался залезть всё глубже, пока вдруг за дверью не послышалось:

— Кто там? Андрей это ты?

Мужчина в халате склонил голову на бок, его дыхание участилось, он начал хрипло подвывать...

— Открывай! Открывай быстрее! — в панике закричал Андрей.

Этот крик стал триггером для мужчины в халате и он с криком сорвался с места и побежал в сторону раздражителя.

Внезапно дверь отсека открылась, Андрей буквально ввалился внутрь и за его спиной тут же послышался тихий щелчок закрывающегося замка.

Повернувшись, он увидел как молодая женщина приставила к его шее инъектор, а сама тем временем внимательно его осматривает.

— Это не помогает, Ульяна! — тихо сказал он, глядя ей в глаза. — Седативное заражённых почти не вырубает. Убери инъектор, у меня не было контакта!

— Я так испугалась! — всхлипнула она. — Много их там?

— Да, много. — ответил Андрей. — Но они в основном вредят себе. Если их не провоцировать, то могут и не заметить.

— Я должна быть там! Я должна быть в медотсеке! — шептала она.

— А как же они? — он кивнул на что-то позади неё. — Кто защитит их?

Ульяна обернулась и Андрею предстал вид, который умилил бы даже самого черствого человека. Поперёк кровати, по уши завернувшись в большой плед, мирно дремали пятеро малышей разных возрастов. Ещё двое, совсем младенцы, посапывали в манеже.

Ульяна Александровна долго смотрела на детей, а потом прошептала:

— Я всегда хотела большую семью, детишек. Но не сложилось. А теперь, когда на мне такая ответственность, я удивляюсь, как же матери не сходят с ума от страха за своих детей? Как у них хватает сил и мужества?

Она вытерла слезы и с уверенным видом повернулась к Андрею:

— Я должна быть в медотсеке! Ради них! Ради всех на этой станции! Мы должны придумать способ вылечить заболевших! Понимаешь? Дети здесь, с тобой будут в безопасности, но я должна идти к своей команде!

— Но, подожди. Я обещал привести помощь! — попытался возразить Андрей и я с ним была согласна.

— Самая лучшая помощь — это найти лекарство! Понимаешь? — не унималась Ульяна.

— Как ты пойдешь туда одна? Это опасно!

— Сидеть без дела опасно. — проворчал она, наматывая на руки полотенца. — Тем более, ты сказал, если не провоцировать их, то могут и не заметить.

— Что ты делаешь? — спросил Андрей.

Признаться мне и самой было любопытно зачем Ульяна Александровна намотала на руки полотенца и надела несколько рубашек поверх.

— Так прокусить будет сложнее. Меньше риск контакта! — объяснила она.

Андрей молча взял свитер и обмотал им шею Ульяны.

— Обычно они метят в шею... Ты уверена?

— Как никогда! — твёрдо ответила она и направилась к двери.

— Если не сможете быстро найти лекарство, возможно поможет криоконсервация? Заморозить всех больных, пока не найдёте способ вылечить их! — выпалил он.

— Да! Это очень хорошая идея! — удивилась Ульяна Александровна. — Это даст нам время! Спасибо!

Андрей несколько раз задерживал дыхание, будто хотел что-то сказать, но не решался. Неожиданно он схватил женщину за руку и сказал:

— Ульяна, подожди! Я...

— Я знаю! — перебила она его с лукавой улыбкой. — Но давай выберем время получше?

Оставив мужчину переваривать её слова, женщина смело вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

Андрей остался один с оравой детей, а я осталась без обещанной помощи.

Покинув его я "зацепилась" за сознание Ульяны Александровны.

Она приходила несколько раз к нам в палату и всегда была на всех консилиумах по поводу лечения Марка. Раз за разом она отвергала не устраивающие её программы лечения. Она заставляла врачей выкладываться по полной.

Мне она показалась жёсткой, холодной, железной леди. Профессионал до мозга костей. Но с Андреем она была совсем другой. Как и он с ней. Странно, а говорил, что жену недавно потерял...

Тем временем Ульяна тихо пробиралась по коридорам, легко обходя заражённых людей.

Вот она добралась до очередного поворота коридора и замерла, прислушиваясь. Не услышав ничего подозрительного доктор сделала глубокий вдох, резко повернула за угол и уткнулась носом в дуло автомата.

Взвизгнув от испуга, женщина попыталась спрятаться за углом, но солдат, державший оружие, быстро сделал подсечку и прижал её лицом к полу.

— Есть одна! Дайте инъектор! Мой пустой. — прошептал он.

— Не надо инъектор. — с трудом просипела Ульяна под весом здорового мужчины. — Я не зараженная. Я доктор. Мне нужно в медотсек!

— В медотсеке много зараженных. Эту зону мы ещё не зачистили. Там опасно! — ответил мужчина, убирая колено с её спины.

— Я знаю. Но мне нужно в лабораторию. Там безопасно!... Подождите! Что значит ваша зачистка? — в ужасе смотрела она на солдат. — Вы их, что? Убиваете?

— Что ж вы нас за зверей-то совсем держите! — с упреком посмотрел он на Ульяну. — Вырубаем, доставляем в карантинную зону. Только они все равно там мрут. То сами себя калечат, то друг друга, а то и вовсе тихонько лягут и все... Не дышат.

Ульяна застонала, схватившись за голову.

— Кто руководит... вашей зачисткой? — запинаясь спросила она

— Ну так, как Орехова Виктора Юдиновича заразили, так его зам теперь и командует. Земцов Василий Вячеславович.

— Я, Петрова Ульяна Александровна, заведующая медотсеком. У вас есть связь с начальством?

— Да, конечно.

— Мне нужно поговорить с ними! — потребовала она.

Командир отряда нажал несколько кнопок на сенсоре научного коммуникатора и на экране появилась женщина.

— Старший диспетчер, Ирида Леонидовна, слушаю!

— А... — открыл было рот командир.

— Ирина Леонидовна, я — Петрова Ульяна Александровна, заведующая медотсекком. Мне срочно нужно поговорить в Земцовым! Это насчёт зараженных.

— Одну минуту! — женщина покинула рабочее место и отсутствовал несколько минут.

— Перевожу вас на Василия Вячеславовича. — улыбнулась она, когда вернулась.

— Спасибо, Ирина Леонидовна!!! — обрадовалась я.

— Я — Ирида! — поправила женщина.

— Ох, простите пожалуйста! Я думала у вас нос заложен! — закрыла лицо руками Ульяна Александровна.

— Ничего, я привыкла. — ответила женщина и переключила Ульяну на Земцова.

Разговор с Земцовы вышел кратким — он обрисовал ситуацию с эпидемией на станции и отдал распоряжение группе солдат проводить доктора в лабораторию, Ульяна же рассказала ему план Андрея о криоконсервации зараженных.

Не в силах больше удерживаться в чужом сознании, я вернулась "в себя".

Всё, что мне было нужно, я узнала, а теперь нужно отдохнуть. Но сначала в душ, потому что, как оказалось, я вымокла до нитки. Пот противными струйками стекал по спине и лбу, руки мелко тряслись, ноги почти не держали. Не замечала раньше, что эта связь так много сил из меня тянет.

На Луне нет воды, поэтому душ устроен иначе, чем на Земле. Я включила аэрозольный распылитель и с наслаждением подставила лицо прохладным каплям антисептика. Сначала я дико скучала по нормальному душу, но очень быстро привыкла. Зачем тревожить душу по тому, чего нет и не будет?

Сегодня антисептик с запахом розы. Вдыхая приятный, сладковатый аромат, я все больше расслаблялась. Настроение постепенно улучшалось. Противная дрожь прошла. Мы живы и это главное! Марку лучше, Сонечка крепнет. Вот, уже скоро Лёша вернётся со своей суперсекретной миссии и все будет хорошо. А с эпидемией справятся конечно! Главное не выходить из палаты, чтобы не заразиться.

Протяжно заурчал живот, возвещая о напрасно пропущенном завтраке и обеде. Да, вот это действительно проблема!

Приносить в палату еду не положено. Да и зачем, если общая столовая в двух шагах? Только вот на завтрак я не пошла, а на обед меня уже не пустили. Дело близится к вечеру и все сильнее голод напоминает о себе.

Выйдя из душа, я налила из питьевого дозатора себе стакан воды и залпом выпила. А теперь спать, пока желудок не понял, что его обманули.

Сон мягким одеялом нежно и очень настойчиво придавливал к подушке. Я уже начала видеть ещё не совсем сформировавшийся сон, как вдруг меня пронзило острое ощущение дежавю.

Ничего не понимая, я лежала на кушетке, уставившись в потолок, не двигаясь, чтобы не спугнуть ощущение, до того как я пойму, что это.

"Этого не может быть. Просто не может. Ведь уже все прошло. Просто в стрессовой ситуации, в одиночестве мозг немного сошёл с ума!" — твердила я себе, боясь подняться с кушетки.

Но нет. НЕТ! В этот раз я не отмахнусь и не буду медлить!

Резко поднявшись с кушетки, я схватила единственный стул в палате и изо всех сил швырнула его в стену. Стул покосило, но добиться того результата, которого я хотела, с первого раза не получилось. Тогда, я швырнула стул ещё раз и вуаля! Он развалился. Схватив

две ножки в обе руки, я открыла дверь палаты и вышла в коридор.

В коридоре горел красный, аварийный свет и приятный голос настоятельно убеждал вернуться в палату, но я не вернусь. Не сейчас!!!

Мне даже не нужно было закрывать глаза и раскрывать сознание — я и так знала, куда мне идти.

Поворот, коридор, поворот, дверь, ведущая из интенсивной терапии.

С замиранием сердца тяну ручку на себя. Как во сне открывается дверь и я вижу её...

Не веря своим глазам, делаю несколько шагов вперёд.

Это какой-то сон. Или очень реальная галлюцинация. Я протягиваю руку и касаюсь её. Словно в замедленной съёмке она поворачивается, её большие глаза смотрят снизу вверх на меня, а я медленно схожу с ума.

— МАМА?

Алексей.

Мы уже пару часов как покинули Мурманск. Похоже, что Вселенная, после медведя, решила нам дать передышку и мы никого не встречали. Мотор Колбаски размеренно гудел, усыпляя. Некоторые и правда по очереди дремали на своих местах, и я не был исключением. Сам не заметил, как провалился в сон. Как и в любую другую ночь мне снились не самые приятные сны. Проснулся от того, что машина дёрнулась и я с удивлением обнаружил, что мы стоим. Адреналин бурным потоком хлынул в кровь и в мгновение ока сна, как и не бывало.

— Почему остановились? — спросил напряжённым голосом, хватаясь за оружие.

— Всё! Приехали. Нужно заправиться! — ответил водитель.

— И где же мы посреди поля возьмём топливо? — ужаснулся я.

— А прицеп на что? — ухмыльнулся командир. — Или ты думал, мы его для красоты таскаем за собой? Там и топливо, и боеприпасы есть, и провизия. Только, чтобы заправиться и достать боеприпасы, нужно выйти наружу. Есть желание?

— Н-нет!

— А придётся!

Как представляю, что может ожидать нас там, так желудок сворачивается в тугой ком, заставляя согнуться пополам. Нет уж. Из Матиза я не выйду!

— Слушай мою команду! — начал раздавать указания Елисей. — Павел, Саид заправляют колбаску, если нужна будет помощь, сами возьмете человека из охраны. Только большие "дыры" в периметре не оставлять. Игнат в прицепе есть заряды для Плети?

— Собирались впопыхах. Может и закинули пару ящиков, а может и нет! — пожал плечами Игнат.

— Тогда вместе с Лёхой ищешь заряды и если они там есть, лезешь на крышу и заправляешь Плеть. Она нам, ой как, нужна! Он на стрёме, ты возишься со своей игрушкой. Дальше. Четыре человека на погрузку боеприпасов, остальным оружие держать наготове, головой крутим на 360 градусов. Медикам сидеть в кабине и готовиться к приёму пострадавших. Водитель сидит на жопе ровно и готовится стартовать в случае опасности. Как поняли?

Многоголосый хор стал подтверждением того, что всё поняли свои задачи.

— И захватите пару коробок с сухпайком. Пора бы подкрепиться.

Уж не знаю каким надо обладать железным желудком, чтобы в такой ситуации думать о еде. Лично мне ничего бы не полезло в рот.

— Командир... Елисей! — окликнул я его. — Может я не буду путаться под ногами и внутри посижу?

— Нам сейчас все глаза нужны! — покачал головой он. — На улице темно, почти ничего не видно, так что чем больше людей будет следить за периметром, тем лучше. Полезай на крышу и смотри оттуда. Во-первых сверху виднее, а во-вторых — там люк есть. В случае опасности предупредишь всех и через него в Колбаску запрыгнешь.

Делать нечего. Придётся идти. Долохов — командир экспедиции и для нашей же безопасности все должны исполнять его приказы без вопросов.

Дверь Колбаски открылась и я понял насколько душливым был воздух внутри. Не

удержавшись, несколько раз вдохнул полной грудью и только после этого надел панорамную маску, которая фильтрует воздух. Дышать в ней то ещё удовольствие, но здоровье дороже.

Как приказал Долохов, я сразу же полез на крышу Матиза и начал наблюдать. Люди внизу действовали слажено и быстро. Кто грузил ящики, кто заправлял машину, а кто-то, как и я, стоял в охране.

Ни разу за всю жизнь я не видел такой тёмной ночи. В городе светло даже ночью, а тут непроглядная тьма. Непроглядная для всех, кроме меня. Я давно уже смирился с тем, что переход до базы изменил нас. Дело времени, когда в детях проявятся эти изменения, а пока они могут жить спокойно. Моя способность видеть в крошечной тьме уже не раз сыграла мне на руку, вот и сейчас я сразу начал осматриваться.

Похоже, что мы остановились в каком-то заброшенном, полуразрушенном поселении. Вокруг были заросшие бурьяном и кустарником развалины, припорошенные снегом горы мусора, кое-где виднелись невысокие деревья и ни единой живой души, что очень радовало, поскольку кроме нас из живых тут могли быть только мутанты.

Пустынный вид успокоил натянутые до предела нервы и я поднял глаза в небо.

Впервые в жизни я видел столько звёзд! Казалось, протяни руку и ты до них достанешь, что я, не удержавшись, и сделал.

Вид чернильного неба с яркими, сверкающими созвездиями завораживал, заколдовывал, манил. Я стоял и смотрел в небо, не в силах отвести взгляд от бриллиантовой россыпи звезд, но вскоре я понял, что светопреставление только началось!

Звёздное небо неожиданно перечеркнула неоновозелёная лента. Она начала изгибаться, вытягиваться, меняться. К зеленому свету добавились фиолетовые, красные и пурпурные цвета. И начался танец света.

Небо сияло, светилось и переливалось неоновыми красками, создавая восхитительно прекрасные и причудливые картины.

Я был настолько заворожён, загнипнотизирован северным сиянием, что ничего не замечал вокруг. А зря. Ведь мы не на прогулку вышли.

Я настолько увлёкся небесным зрелищем, что не сразу понял кто и куда стреляет. Выстрелов становилось всё больше. Я пытался разглядеть противника, но вспышки выстрелов мешали.

Я увидел его в момент прыжка. Огромный, с длинной огненно-рыжей шерстью двумордый пёс летел прямо на меня. Казалось сам Цербер вышел из преисподней, чтобы наказать нарушителей его покоя.

Моей ошибкой было держать автомат дулом вниз. Конечно, заметив пса, я вскинул оружие, попытался прицелиться и даже сделал несколько выстрелов, но животное оказалось проворнее. Сбив меня с машины, огромная одичалая собака пыталась добраться до моего горла. От удара о землю у меня выбило весь воздух из лёгких, автомат отлетел в сторону и я, только и мог, что свернуться клубком и не дать этой твари загрызть меня. Собака хватала, рвала куртку, плотные штаны, дергала, но никак не могла добраться до тела.

Несколько выстрелов со стороны немного охладили пыл моего противника и дали мне спасительные мгновения, чтобы схватить автомат.

Сходу выдаю очередь и пёс меняет траекторию движения, пытаюсь зайти с тыла. Я слежу за ним, стараясь не упускать из вида, а пёс будто и не собирается нападать. Смотрит в глаза и... Чего-то ждёт? Черт!

Обернувшись, я увидел, что от Матиза отделилась тройка собак и уже вплотную

подошли ко мне, рыжий пёс просто отвлекал меня! Вот сейчас мне стало по-настоящему страшно! Стая медленно, но верно оттесняла меня от машины. Заметив, что я раскрыл их замысел, тройка сорвалась с места и накинулась на меня. Один из псов махнул пушистым хвостом и с него сорвалось с десятков длинных тонких игл, от которых я, к счастью, успел увернуться. Но не успел я порадоваться своей ловкости, как земля под ногами начала проседать и осыпаться, из-за чего я, не устояв на ногах, упал и провалился в полуразрушенный подвал ближайшего к нам здания.

Сквозь звон в ушах я услышал, как над головой завёлся двигатель Колбаски и вскоре стих вдалеке.

— Грррр. — слышалось где-то совсем рядом. — Грррррррр.

Твою ж... Неужели одна из этих тварей свалилась сюда со мной?

Бывшие друзья человека, теперь смотрели на нас со злобой и ненавистью.

До сих пор ни одним из учёных не было представлено ни одной даже теории о том, почему у животных включилась программа по уничтожению человека. Загадка на все времена. Узнаем ли мы когда-нибудь ответ на неё?

Но сейчас мне не до глобальных вопросов, потому что я разглядел своего противника — огромный рыжий пёс, вероятно, не захотел так просто расставаться с добычей и прыгнул следом за мной.

Две морды поочередно поворачивались в мою сторону и смотрели четырьмя парами глаз, две пасти истекали слюной. Мутация "дипрозоп" очень распространена среди мутантов. Одно тело, один мозг, две морды. Хотя конкретно у этой особи похоже есть что-то ещё. Мне удалось рассмотреть, что среди колтунов свалывшейся длинной шерсти на спине шевелятся дополнительные конечности. Странно. И опасно!

Сейчас пес перестал рычать и пытался обойти меня со спины, очевидно, полагая, что в темноте я его не увижу и он сможет застать меня врасплох.

Я осторожно, стараясь не провоцировать пса, осмотрелся вокруг.

Черт. Мы находились в небольшом помещении, выхода из которого я не видел. Наверх, по отвесной гладкой стене, не вскарабкаться. Автомат отлетел на пару метров в сторону — не самый лучший расклад для меня.

Остаётся только одно — продвигаться в сторону автомата.

Только сделал шаг и нервы пса не выдержали. Оскалившись в обе пасти, тварь прыгнула в мою сторону и сбила с ног. Я же постарался направить своё тело в сторону автомата, попутно отбиваясь от двух конкурирующих челюстей.

Схватил тварь за шею, отталкивая от себя и не давая перегрызть мне глотку, а второй рукой пытался достать автомат, который находился совсем близко.

Слюни собаки капали мне на лицо, благо панорамная маска защищала. Пёс лаял, рычал и рвался ко мне, и я с трудом удерживал его.

Дотянуться бы до автомата. Вот же он, совсем близко. Я касаюсь кончиками пальцев его ремешка.

Сконцентрировав всё своё внимание на том, чтобы дотянуться до оружия, я пропустил момент, когда пёс изменил свою тактику.

Он всё ещё пытался добраться до меня, но, одновременно с этим, поднимал вверх две дополнительные конечности. Выпустив острые когти, тварь атаковала в голову, но панорамная маска спасла меня, хоть и раскололась на части. Наконец, я смог ухватить автомат и несколько раз выстрелить твари в упор в живот. Пёс дёрнулся, заорал, отпрыгнул в

сторону и попытался зализать свои раны, но я ему такой возможности не дал. Два выстрела в голову прекратили его мучения.

Тяжело осев на пол, я пытался отдышаться. От адреналина потряхивало руки и дрожали ноги. Так, сейчас немного отдышусь и попытаюсь нагнать своих.

Ещё немного, еще чуть-чуть. Несмотря на частое, глубокое дыхание мне не хватало воздуха. Перед глазами плыло и очень хотелось спать.

Я только на минуточку, совсем на чуть-чуть прикрою глаза...

Как и всегда, когда я засыпал, я видел один из своих кошмаров, которые я пережил наяву.

В этот раз я лежу в открытой медкапсуле, а передо мной человек в белом халате с планшетом в руках.

— Лаврентьевой Моники Алексеевны в нашей базе нет, но вы не отчаивайтесь! Возможно она прибыла без сознания и была сразу заморожена. Вот список неизвестных, которые были отправлены на криоконсервацию без подтверждения личности. Понимаете, там был такой хаос, а персонала не хватало...

— Да-да. Спасибо. Можно я побуду один? Хочу проверить ваши списки. — попросил я доктора.

Я пролистывал фото людей с неподтверждённой личностью до тех пор, пока список не закончился.

Нет, не может быть! Вероятно, я так торопился, что пролистнул Монику. Просто не заметил! Но Моники не было и во второй раз, и в третий, и в четвёртый...

Трясущимися руками я нажал кнопку вызова медсестры. Она появилась меньше, чем через минуту.

— Что-то случилось? — взволнованно спросила она. — Вам нехорошо?

— Нет-нет. Все в порядке. Вы, наверное, дали мне не полный список? Есть вторая часть? — голос предательски дрожал, но я старался выглядеть спокойным, чтобы меня опять не накачали седативным.

— Мне очень жаль, но это весь список! — тихо прошептала медсестра с опаской поглядывая на меня.

— Нет, не может быть. Это не весь список! Моники здесь нет! А значит должен быть другой список! — сам не заметил когда повысил голос и начал орать на неё. — Мне нужен другой список!

Медсестра выскочила в коридор и через пару секунд в палату забежал медбрат с инъектором и, не успев я и слова вымолвить, как он вколол мне успокоительное.

— Вы сейчас успокойтесь, а когда проснётесь мы вместе поищем вашу дочь в списках криоконсервированных. — тихим, успокаивающим голосом сказал он.

Но, когда я проснулся, в этих списках мы её не нашли. Зато нашли в другом списке. Более коротком. В списке погибших во время прорыва защитного контура реактора на базе.

Я не мог в это поверить, но все сходилось. Я смотрел на экран планшета, на котором было фото моей дочери, её параметры, все её особые приметы.

Фото с её медицинской карты теперь единственное, что у меня осталось от неё. Маленькое исхудавшее личико, закрытые глазки, длинные, растрёпанные, темно-каштановые волосы.

Я не уберег её и с этим мне жить теперь. Я виноват в её смерти.

Чудом не потерял Ксюшу и Марка, и малышку Софию.

— А ты, как я понимаю, сдался? — усмехнулся Кемаль

— Ты здесь откуда? — ошарашено смотрел я на друга. — Ты же погиб в поезде, в Питере?

— Я-то? Я-то погиб, да! — продолжал он смотреть на меня со смешинками в глазах. — А ты?

— Я? С чего бы я...

— А ты знаешь в чем опасность низин, подвалов и старых, полуразрушенных, подземных сооружений? — вкрадчиво шептал он, сменив тему. — В том, что там скапливается углекислый газ и другие ядовитые подземные газы. Спускаться в такие места очень опасно! Ты даже не поймёшь, что с тобой. Тебе просто захочется спать...

— К чему ты это рассказываешь?

— К тому, что ты уже почти труууууууууп! Ууууууууууууууууу! — заорал он.

Он орал так громко, что хотелось закрыть уши, но руки почему-то не слушались.

— Уууууууууууууууу... — продолжал выть Кемаль всё громче и громче. — Уууууууууууууууу...

— Хватит! ХВАТИТ! — закричал я и проснулся.

Дышать было тяжело, я весь взмок, несмотря на дикий холод. Всё тело трясло мелкой дрожью.

— Уууууууууууууууу. — раздался волчий вой над головой.

Замечательно. Мне вот прям собак не хватало, нужно чтобы еще и волки пришли!

Так, хватит расслаживаться! Ксюша не простит мне, если я не вернусь. Она так мне и сказала при последней нашей встрече: " Лаврентьев, только попробуй там погибнуть! Не прощу тебе этого! Ты понял?"

Так и слышу её голос.

Здесь действительно опасно находиться. Нужно выбираться, но как?

Я поднялся и осмотрелся. Прошёл вдоль стены и обнаружил, что выход из этого помещения завален, но кладка с одной стороны стены легко рушится.

— Уууууууууууууууу. — выли волки над головой.

Выйти отсюда? Так один я не справлюсь с волками.

Остаться здесь? Тогда рискую остаться здесь навсегда!

Придётся выходить. Может, волчий вой мне мерещится?

Я начал толкать кладку кирпича в наиболее уязвимом месте, стараясь проталкивать шатающиеся кирпичи внутрь. Даже такая несложная работа заставляла меня пыхтеть и обливаться потом, но я трудился не покладая рук. Когда стена завалилась, то даже сквозь пыль было ясно, что я на правильном пути — из дыры в стене потянуло свежим воздухом. С наслаждением вдохнул полную грудь и перешагнул на ту сторону.

Впереди был длинный и тёмный тоннель, но радовало то, что он, насколько хватало зрения, шёл под небольшим уклоном вверх. Надеюсь, что найду там выход.

Тяжело шагая вперёд я не забывал прислушиваться к тому, что происходит вокруг. Показавшийся вначале свежий воздух стал затхлым, сырым и я опасался, что в конце тоннеля не найду выхода и тогда мне придётся искать другой. А ведь моя команда на Матизе сейчас удаляется всё дальше и дальше! Не представляю, как я доберусь до них! Как мне их найти?

Через какое-то время волчий вой затих и вокруг разлилась душераздирающая тишина, которая буквально давила на уши. Казалось, что сердце стучит невероятно громко в этой тишине и что сейчас его услышат голодные хищники, затаившиеся в темноте. Время шло, а этот тоннель всё тянулся и тянулся вперёд, словно не закончится никогда. Но вскоре он разделился надвое.

По виду два абсолютно одинаковых тёмных прохода, но именно в правый мне идти не хочется, потому что на грани слуха улавливаю там какой-то шорох.

Как там в сказках говорится? Направо пойдёшь — мутанта найдёшь?

Что-ж, значит пойду налево.

Катакомбы напомнили мне о схожей ситуации, в которой я побывал не так давно. В Москве, в канализационных тоннелях я повстречал не очень доброжелательное существо. Боюсь, что и здесь меня может поджидать что-то подобное. Эх, была бы Багги со мной. Она быстро бы нашла выход отсюда.

Серый камень тихо шуршал о подошву ботинок и это был единственный звук, что окружал меня. Словно мир вымер. Или вымерз. Зябко передёрнув плечами, я попытался растереть окоченевшие руки, но это слабо помогало. Пришлось закинуть автомат за плечо и засунуть кисти рук подмышки, чтобы хоть немного отогрелись.

Пройдя достаточно большое расстояние, я понял, что свернул не в ту сторону. Стены тоннеля покрылись каплями воды, которая сочилась на пол, неприятно чавкала и скользила

под ботинками, а после и вовсе покрылись густыми зарослями мха, который при моём появлении как-то бодро зашевелился и начал фосфоресцировать.

И всё бы ничего, но дышать здесь становилось всё труднее, горло саднило, а глаза слезились.

Пришлось поворачивать обратно, чтобы проверить другой проход.

Путь обратно показался мне чуть ли не в два раза длиннее. Я уж было подумал, что каким-то образом пропустил развилку и скоро выйду к разрушенной кладке стены, но вдруг увидел вдалеке развилку.

Сколько я тут уже? В полной темноте время ощущается иначе. Оно тянется, как мёд, как смола, в которой ты застрял, как доисторический комар. А может и проносится мимо тебя со скоростью света. Никогда не угадаешь на какой эффект нарвешься именно сейчас.

Подойдя к правому проходу катакомб, вновь услышал непонятный шорох, но даже своим "ночным" зрением не смог ничего разглядеть в глубине.

Может это ветер колышет траву у выхода из тоннеля, а может там притаился мутант. Не узнаю пока не проверю.

Стараясь ступать как можно тише, я осторожно продвигался вперёд как вдруг, снова услышал непонятный звук. Как на зло, тоннель в этом месте поворачивал направо и я не мог разглядеть источник звука. Мне бы повернуть назад, но дуновение ветерка принесло из-за поворота свежий, слегка морозный, воздух. Значит там есть выход!

Только вот, что мне с этого выхода, если я нарвусь на мутанта? Но делать нечего, придётся идти.

Тихо подкрался к повороту и замер у стены. Храбрости заглянуть за угол мне хватало ровно до того момента, пока не раздался всё тот же загадочный звук. На этот раз я чётко расслышал, что источником звука является точно не шуршащая трава или ветки. Это было живое существо.

По каменной кладке пола раздавался явный скрежет когтей.

Так, я иду назад. После сегодняшних волков, медведя и собак я не готов встретиться ещё с кем либо из богатой фауны нашей обновлённой планеты.

Не отворачиваясь от источника звука, я начал тихо отступать спиной вперед. Главное сейчас не натворить шума!

Шаг. Ещё шаг. Скрежет когтей повторился и к нему добавился полустон-полувздок. Шаг. Ещё шаг. Пусть мне повезёт и я тихо смоюсь отсюда и никогда не узнаю, что за тварь за углом. Но тут, по закону подлости, под ногу мне попадает небольшой камушек и я прокатываюсь по нему всей подошвой ботинка. Равновесие удержал, но шума все-таки наделал.

Зверь за поворотом затих, затем раздалось хриплое рычание — он меня почуял!

Теперь нет смысла возвращаться назад!

Вскинув автомат, я резко выскочил из-за угла, готовый стрелять как только смогу обнаружить противника, но стрелять не пришлось.

Над полом тоннеля, на огрызках торчащей из пола арматуры, висела, практически распятая, молодая волчица. Она была высотой в холке около полутора метров, белоснежная шкура с редкими рыжими подпалинами была перепачкана в крови. Изумительно красивое существо! Сильнее всего завораживали, гипнотизировали невероятные глаза волчицы. Правый глаз мутанта был льдисто-голубого цвета, а левый практически чёрным.

На полу, под телом несчастной, натекла огромная лужа крови и было ясно, что она не

жилец, а её усиленная регенерация только продлевает муки.

Я подошёл к волчице поближе, чтобы понять можно ли ей как-то помочь. Животное глухо зарычало.

— Тише! Тише! Я же помочь хочу! — успокаивал её я.

Помню, Багги понимала меня и после того как я её спас, даже не пыталась убить. Может и волчицу смогу заговорить? Обошёл её вокруг, попутно осматривая помещение в которое попал.

М-да, как я и думал спасти её не получится. Разве что прекратить мучения, но быть палачом мне особо не хочется.

Вероятно, волчица провалилась сюда через прогнившую крышку люка колодца, снесла полусгнившую лестницу и напоролась на торчащую из пола арматуру, которая пронзила её тело насквозь в нескольких местах. Животное уже обессилено и даже не пытается спастись. Лишь наблюдает за мной из-под полуприкрытых век.

Одна арматурина полностью перебила ей позвоночник, отчего задние лапы безвольно повисли. Ещё три проткнули живот, грудь и бедро несчастной. Волчица хрипло дышала, временами поскуливая и перебирая передними лапами, словно пытаясь отползти от источника боли, но у неё получалось лишь поскрести кончиками когтей по полу.

Очередной прерывистый вздох и душераздирающий стон.

В городах почти нет животных. Это такая редкость, что увидеть хотя бы одно из них уже удача. Я уж не говорю о том, чтобы завести домашнего питомца. А сейчас передо мной в страшных муках умирает живое существо, которому я не могу помочь. Даже не потому, что она может попытаться сожрать меня, а просто потому, что такую махину мне не поднять. Я просто не смогу снять её с этих прутьев, а значит она будет и дальше мучительно умирать.

— Понимаешь... Я не могу тебя спасти! — сказал волчице, глядя в глаза. — И никто уже сможет.

Волчица, не отрываясь, смотрела на меня своими завораживающими глазами. Такое ощущение, что новая фауна планеты на порядок разумнее, чем была раньше. Или это отношение людей раньше такое было...

Но, как бы там ни было, в её глазах сейчас плескалась такая боль, такое страдание, что уйти просто так, бросив её здесь, я не мог.

Не отрывая взгляда, я подходил всё ближе к ней. На этот раз она уже не рычала и не клала зубы, пытаясь схватить меня, а смирно ожидала своей участи. Я протянул левую руку к ней, но остановился в нескольких сантиметрах от её морды. Волчица внимательно следила за рукой.

Резкий выброс правой руки и в подбородок животного, по самую рукоятку, вошло лезвие ножа.

На мгновение в глазах волчицы проскользнуло удивление, затем облегчение и они закрылись навсегда.

А я осел на пол рядом с ней пытаюсь унять дрожь в руках. Я не мог поступить иначе, не мог помочь ей, не мог оставить мучиться! Тогда почему так хреново?

Но сидеть долго не пришлось, потому как наверху, словно почувствовав смерть волчицы, тоскливо завывли её сородичи. От этого воя было не по себе. Они словно оплакивали смерть одной из них, но как они узнали, что она погибла именно сейчас? Совпадение?

Хотя какая разница? Это значит лишь одно — выбираться отсюда пока опасно.

Сколько ещё придётся сидеть в этом колодце? Я привычно засунул руки подмышки в попытке согреться. В животе призывно урчало. Что? Я осуждал людей, которые в такой ситуации могут думать о еде? Беру свои слова обратно! Как же хочется есть!!!!

Волки всё выли, и судя по звуку, находились совсем недалеко от меня. На всякий случай отошёл от люка подальше и скрылся в тоннеле, так как решил дожидаться утра здесь.

Сел на корточки облокотившись спиной о стену и достал из кармана фотографию Моники. Маленький клочок пластика, на котором изображена моя дочь в последние часы своей жизни.

Что чувствуют родители, потерявшие ребёнка?

Мир словно сжимается до крошечной точки. Становится трудно дышать. Боль разрывает грудь, каждую клетку тела. Ты снова и снова прокручиваешь в голове момент потери и пытаешься найти способ спасти. И самое страшное, что находишь этот способ, но время не повернуть вспять. Ты знаешь, что если бы ты поступил иначе, то она была бы жива! И это мучает тебя изо дня в день.

Есть ли у человека душа? Если есть, то где она находится? В древности верили, что душа как раз находится в груди человека. Ерунда, скажете вы. Но отчего тогда такая боль в груди? Не от того ли, что твоя душа рвётся на части? Каждый раз, изо дня в день, от часа к часу. Время лечит? Как такое можно исцелить? Эта боль не проходит. Никогда! Просто кто-то находит то, ради чего можно жить и живёт дальше. А кто-то не находит.

Смотрю на фотографию и понимаю, что снова и снова рву свою душу на мелкие части. Но убрать фото не могу.

Она так похожа на Ксюшу! Темно-каштановые волосы, острый подбородок, маленький, чуть вздёрнутый носик. Глаза у Моники тоже Ксюшины, но на фото они закрыты.

Так сложно теперь смотреть на жену. Ведь каждый раз, когда я смотрю на неё, я вижу дочь. Это невыносимо! Может поэтому я и отправился на эту миссию? Да, наверное, именно поэтому. Ксюша и дети сейчас в безопасности. Им ничего не угрожает, а мне нужно время. Время чтобы смириться с гибелью дочери. Время, чтобы перестать хотя-бы ненавидеть себя за то, что не уберёг её. Или я просто хотел наказать себя?

Когда я узнал, что Моника все-таки погибла, я поднял всех на уши. Несколько дней меня держали на успокоительных. Андрей очень часто приходил навестить меня. Его-то я уговорил распечатать фото Моники. Хочу, чтобы хоть что-то у меня осталось от дочери.

Руки заоченели окончательно, поэтому я засунул фотографию обратно во внутренний карман куртки, и спрятал их подмышки, а нос за пазуху. Так было немного теплее.

Я не ожидал, что смогу уснуть, но, несмотря на холод и дрожь в теле, я начал постепенно погружаться в сон.

Глубоко уснуть мешал лишь волчий вой и странный звук.

Та-та-та. Та-та-та-та. Та-та-та.

Да что же там такое?

Внезапное осознание заставило подскочить на ноги. Я прислушался, молясь, чтобы всё было именно так как мне показалось.

Та-та-та-та!

— Да!!! — радостно подпрыгнул я. — Да! Да! Да!

Счастье переполняло меня и сон как рукой сняло, ведь эти звуки были ничем иным как автоматной очередью. Значит мои ребята здесь, совсем рядом! Выстрелы раздавались неподалёку, нужно только выбраться из этого треклятого колодца и я смогу их догнать!

Я стал озираться в поисках того, что могло помочь мне. Недалеко от трупы волчицы лежала покорёженная, но вполне ещё узнаваемая металлическая лестница. Может если её приставить к стене, то получится дотянуться до не оборвавшихся перекладин сверху?

Подтащил лестницу, уже понимая, что это не сработает, потому что она гнилая. Но чисто из упрямства решил все-таки проверить.

Приставил железную конструкцию к стене и попытался забраться по ней, но, к сожалению, я был прав — лестница не выдержала моего веса и, сначала прогнулась, а затем и вовсе развалилась.

Выстрелы наверху не прекращались, но всё же мозг лихорадочно искал выход отсюда, ведь ребята могут вновь погрузиться в Колбаску и уехать и тогда мне точно их не догнать!

Эх, мне бы верёвку! Хм, так она у меня есть! Правда не совсем верёвка и коротковата, но, как говорили в древности, "на войне и гвоздомёт оружие!".

Снял энергоблок с автомата и положил в карман — не хватало ещё башку себе прострелить. Дальше дело оставалось за малым. Нужно отстегнуть ремешок с одной стороны автомата и закинуть его так, чтобы он крепко "встал" между перекладинами оставшейся наверху лестницы.

Сказать проще, чем сделать!

Автомат никак не хотел держаться на лестнице, всё время соскальзывал. Несколько раз я, не рассчитав силу, швырял его о стену. Хорошо, что энергоблок вытащил!

Уже отчаявшись, я в сердцах швырнул автомат вверх что есть силы и о чудо! Он перелетел чётко через перекладину. Теперь оставалось осторожно потянуть за ремешок так, чтобы он "встал" между перекладинами. И это мне удалось! Схватившись за кончик ремешка, я попытался подтянуться и залезть по нему, но это оказалось очень сложной задачей, так как ремень тонкий и короткий. К моменту как я добрался до первой перекладины лестницы, я весь взмок, а руки горели так, что ледяной металл показался мне наивысшим блаженством для них. Правда ненадолго.

Осторожно, стараясь не доломать хлипкие от времени перекладины, я поднялся на поверхность и упал прямо на грязно-рыжий снег.

Мне нужна минута, только лишь минута, чтобы отдышаться.

Выстрелы раздавались всё реже и реже. Неужели у наших кончаются боеприпасы? Тогда почему не уезжают? Меня ищут?

С сожалением поднялся, вставил энергоблок в автомат и трусцой, постоянно оглядываясь, побежал в сторону выстрелов.

Стрелявшие прочно обосновались за стеной разрушенного строения, периодически отстреливаясь от круживших неподалёку волков. Матиза нигде не было видно и это настораживало.

До укрытия стрелявших оставалось ещё метров двадцать, но уже сейчас я мог разглядеть обороняющихся там людей. И то, что я там видел приводило меня в крайнее замешательство!

— Это что за...?

— Это что за?... — вырвалось у меня.

За полуразрушенной стеной находились далеко не солдаты, которых я ожидал там увидеть, а горстка ободранных, перепуганных людей в гражданской одежде.

Я был настолько шокирован увиденным, что на мгновение забыл о собственной безопасности и замер как вкопанный.

Но рассматривать и дальше группу людей мне не дали — что-то сильно толкнуло меня в бок и я кубарем скатился с насыпи дороги. На меня надвигался огромный волк, раза в полтора больше, чем волчица в колодце. Он был точной копией несчастной — такая же белоснежная, с рыжими подпалинами, шкура, такие же разные, невообразимые глаза. Волк двигался осторожно, принохиваясь и не отрывая взгляда от меня. Я вскинул автомат и уже почти нажал на спусковой крючок, как одним резким движением этот зверь вырвал из рук оружие и откинул его. Я даже моргнуть не успел.

Вся жизнь пролетела перед глазами. Я вспомнил детство, родителей, вспомнил как познакомился с Ксюшей... Нашу свадьбу и путешествие. Рождение Моники и Марка... Потеря Моники и рождение Софии.

Ксюша, Марк и София! Кто теперь защитит их?

Зверь не торопится нападать, а внимательно принохивался, потом опустил голову, внимательно изучая мои руки. Вот же зараза! Мои руки до сих пор в крови волчицы.

— Слушай, я не хотел её убивать! — Волк медлил, и я по привычке попытался поговорить с ним. — Она мучилась! И мучилась бы ещё долго! Никто не в силах был ей помочь!

Мутант приподнял верхнюю губу, оскалив жёлтые клыки, и глухо, утробно зарычал.

Словно в замедленном фильме я видел, как волк открывает пасть и делает последний прыжок в мою сторону.

"Ксюша, прости!"

Закрыв глаза, позволяя случиться неизбежному.

Я смирился, да. А мне что оставалось? Помощи ждать не откуда.

Но, как оказалось, я не прав. Помощь пришла откуда не ждали.

Я даже не сразу распознал оглушительный рёв плети. Просто упал на землю и закрыл голову руками. Рядом упал волк, но буквально через пару мгновений подскочил и скрылся, оставляя за собой кровавый след. Всё-таки уж очень живучие твари.

— Опп-ля, ребят, смотрите кто здесь загорает! — послышался знакомый голос из подъехавшей Колбаски. — А мы-то гадаем, кто здесь войнушку устроил?

— Это не я! — ответил, улыбаясь командиру нашего отряда. — Я даже ни разу выстрелить не успел.

Ребята вышли из Колбаски и помогли мне подняться. Как оказалось, меня никто и не собирался искать. Считали погибшим. Заметили лишь вспышки выстрелов. Остановились проверить и слышали перестрелку. Решили вернуться и посмотреть, кто на этом пустыре воюет.

— Там, за той стеной выжившие! — сказал я Елисею.

Все смотрели на меня как на обезумевшего. Разве можно выжить здесь? Без поддержки, без энергокуполов? Но в этот момент из-за стены начали выходить люди.

— Э-эй! — кричал мужчина, выходя из укрытия. — Вы военные? Помогите нам! Тут один из ваших!

За мужчиной потянулись и другие. Мужчины, женщины и... Даже двое детей.

Ребята из моего отряда долго смотрели на выживших, словно, не веря своим глазам, но вскоре опомнились и подогнали Матиз ближе к их укрытию.

— Раненые есть? — спросил Долохов.

— Есть, — ответил мужчина, что вышел первым, — все в разной степени ранены! Но сильнее всего Константин Павлович. Он, кажется, из ваших.

— Из наших? — оживился командир.

— Ну из военных. — уточнил тот. — Слишком уж хорошо с оружием управляется, да и знания специфические. Как выжить, где укрытие искать, как в дозоре стоять. Без него не выжили бы мы. Да вот волки нас покоцали сильно.

Пришлось задержаться, пока медики помогали пострадавшим. Сильнее всего действительно пострадал Ветров Константин Павлович. Подполковник в отставке. Целый месяц помогал выживать группе гражданских в Североморске, но потом они поняли, что за ними никто не вернётся и скорее всего их считают погибшими.

— Так мы и решили выдвинуться в Мурманск. — рассказывал он, пока медики зашивали рваную рану на его ноге. — Вскрыли военный склад, набрали оружия, припасов и отправились в путь. Машину брать не стали. Эти твари уж больно агрессивно реагируют на них. Так и пошли пешком. Только проредили нас знатно. Из 40 человек, что я собрал в Североморске, осталось 15.

Долохов тихо выругался. Все были с ним солидарны, ведь неизвестно сколько таких выживших они бросили, улетев на Луну.

— Мы сейчас выдвигаемся к Североморску... — начал объяснять Долохов, но Константин перебил его.

— Нет-нет. Там не выжить! Вы не понимаете! Там все заполонили эти твари!

— Константин Павлович, это вы не понимаете. — строго ответил командир группы. — Мы не на прогулку вышли! У нас задание и нам необходимо добраться до Североморска! Вы поедете с нами. Как только задание будет выполнено, вас эвакуируют в безопасную зону! Поверьте, теперь вас не бросят!

— Что за задание? — спросил Ветров.

— Закрытая информация! — отрезал Долохов. — Не имею права распространяться!

— Может помочь чем смогу? — настаивал Константин.

— Это вряд ли! — ответил Елисей. — Эй, мужики! Грузимся! Готовность пять минут! Помогите раненым и женщинам.

— Командир! — подбежал Игнат к нам. — Не влезем все в Колбаску! Че делать? Не оставлять же их!

Женщины обеспокоенно смотрели на командира, мужчины насторожились. Понять можно — один раз их уже бросали.

— Конечно не оставим! — поспешил успокоить их Долохов. — Но кому-то придётся поехать в прицепе! Там конечно холодно и трясёт, но нужно потерпеть, тем более недалеко осталось. Желающие есть?

Желающих было хоть отбавляй. Никто не хотел бросать выживших на произвол судьбы.

Было решено женщин, детей и раненных посадить в Колбаску. Более-менее целые мужчины из выживших, а их набралось всего трое, сели в прицеп, так как одежда у них была

более приспособлена для местного климата. Остальные тянули жребий, в котором не участвовали лишь Игнат, как оператор Плети, оба водителя и командир.

Не знаю, что я почувствовал, когда вытащил пустую гильзу — облегчение от того, что поеду в кабине или, наоборот, разочарование, ведь на вытянувших полный патрон смотрели как на героев.

Наверное, все-таки облегчение, ведь я не очень хорошо переношу холод, да и панорамная фильтрующая маска у меня разбилась.

Ребят, что должны поехать в прицепе, одели, насколько возможно, тепло и накрыли брезентом. Надеюсь продержаться до Североморска, по словам командира осталось недолго.

Через пару километров я начал жалеть о том, что судьба выбрала для поездки в прицепе не меня. Народу в колбаску набилось битком, вентиляционная система не справлялась и, помимо того, что было тесно, в кабине стало ещё и душно. К тому же дети, словно почувствовав себя в безопасности, начали плакать и капризничать.

Где-то через час, Колбаска остановилась и я уж было испугался, что у нас новые проблемы, но ребята всего лишь решили сменить тех, кто был в прицепе. Хотя, как оказалось им и там было неплохо. Тёплая одежда защищала от холода, а брезент от ветра, но ребята не отказались от предложения и бодро стали перекочевывать в кабину Матиза. Пока происходила смена, Игнат что-то напряжённо разглядывал на востоке.

— Ребят, — наконец позвал он, — в зоне видимости олени. Будьте осторожны!

Дозорные принялись крутить головами и всматриваться в предрассветные сумерки.

— Вижу! — наконец выкрикнул один из них. — большое стало. Огромное!

— Да заткнись ты! Чего орёшь? — зашикали на него товарищи. — Знаешь какой у них слух?

Мне стало интересно, что там за олени такие, что все ребята замерли в напряжении.

— Опасные? — спросил я у командира.

— Не совсем. — ответил он, всматриваясь в бинокль. — Могут пройти мимо и не тронуть. Но это только в том случае, если ты их не спровоцируешь, а это нелегко, ибо твари пугливые.

— А если все-таки...

— А если все-таки на пугаешь, то тебе крышка! — ответил он, протягивая мне бинокль и уступая место у окошка-бойницы.

Я принял бинокль и решил не упускать шанса рассмотреть местную фауну. Все-таки при обучении в Агентстве очень мало времени уделяли этому моменту.

Сначала я ничего не видел, но потом, по подсказке Долохова понял на что нужно было смотреть.

— Здоровые! — восхитился я. — Почему-то я думал, что олени рогатые...

— Так они и есть рогатые. — шёпотом пояснил Артём, который сидел возле меня. — Просто рога не в боевой форме! Видишь эти дреды, что свисают с головы? Ну как будто косы?

— Ну! — подтвердил я.

Действительно, у большинства оленей были странные, толстые косы на голове. Когда животное поворачивало голову или просто двигались, эти косы болтались как тряпочные.

— Так это и есть рога. Пока олень не видит опасности, рога безвольно висят. Но как только он почует, что ему ли стаду что-то грозит, рога поднимутся вверх и станут твёрже камня. Да ещё и острые. Это я молчу о копытах и здоровенный зубам! Короче, уйти от такой

хрени даже на Колбаске на всей скорости не сможем. Я такую тварь только дохлой видел. Волки на них охотятся, а мы у них отбили для учёных. Страшные твари!

— Так что будем сидеть здесь, пока стадо не уйдёт. — дополнил рассказ Артёма Долохов. — Ни к чему нам сейчас драка с таким противником.

И мы ждали. Как на зло, стадо обосновалось на поляне надолго. Олени неспешно щипали траву, отдыхали и уходить не торопились.

— Как вы остались одни? — спросил я у Ветрова от скуки. — Почему вас не эвакуировали?

— Почему не эвакуировали? — на автомате переспросил Ветров.

Лицо его стало хмурым, а взгляд замер на одной точке. Так выглядит человек, который "провалился" в воспоминания...

*

— Минуточку внимания! Сейчас к нам подлетит вертолет. Прошу не толкаться и не паниковать. Заберут всех! Может не сразу, но всех. Сначала к вертолету идут женщины и дети. Потом только мужчины. Повторяю, заберут всех. — пытался перекричать толпу сержантик.

Но парня никто не слышал и не слушал, как бы он не надрывал связки. Люди в страхе толкались и наседали на ворота вертолетной площадки. Если они сейчас туда прорвутся, то вертолет и вовсе не сможет сесть.

— А-ну, рты закрыли и слушаем, что вам говорят! — зычным голосом гаркнул я. — От ворот отшли! Детей и женщин вперед пропустили! Сейчас прилетит вертолет. На вертолетную площадку проходим по одному! Поняли?

К нам и правда подлетал вертолет. Я оценил его размеры и понял, что давки не избежать.

— Так, народ! — в горле запершило от напряжения связок, но я продолжил. — Вертолеты будут подходить по одному. Не толпиться, не толкаться иначе нас не заберут. Отшли от ворот! Быстро!

Люди нехотя начали отходить от ворот, а я подошел к сержанту.

— Подполковник Ветров... В отставке. — сержант вытянулся по струнке. — Вольно. Говорю же, в отставке! Сейчас здесь начнется ад. Тебе придется самому выбирать из толпы людей и садить в вертолет. Вскинь автомат, чтобы не рыпались, а то задавят массой. Так хоть бояться будут.

— Спасибо! — кивнул солдат. — А вы мне не поможете?

— Так чем мог, уже помог! — усмехнулся я.

Конечно я понимал парня — один против обезумевшей от страха толпы. Врагу не пожелаешь.

Парень "нырнул" в будку КПП, вытащил еще один автомат и сунул его мне.

— Мне нужна помощь! — уже более настойчиво и тихо сказал он. — Вертолет один. Не знаю будут ли еще. Говорят, сейчас в других городах такой же ад. Нужно загрузить этот вертолет и оттеснить толпу, чтобы он взлетел. Потом он вернется... Если сможет...

Вертолет тем временем уже приземлился и я начал высматривать из толпы женщин с детьми.

— А-ну быстро сделали живой коридор напротив меня! — гаркнул я.

Люди, толкаясь, сделали узкий коридорчик и с надеждой смотрели на меня.

— Женщины с детьми идут первыми! — отдал следующий приказ я и народ

подчинился, пропуская несколько женщин с детьми. Их было всего трое, но у одной было аж двое детей, которые тесно прижимались к своей маме.

За зданием казармы раздался оглушительный рев, выстрелы, а затем и взрыв. И людей накрыла паника.

Все. Теперь нам не сдержат толпу. Надо попытаться переключить их внимание. Я вскинул автомат вверх и дал короткую очередь. Толпа затихла.

— Страшно? — заорал я не своим голосом. — Так я страшнее! Всем стоять на месте! Я лично показываю, кто пройдет в вертолет. Остальным стоять! Ты, ты и ты! Быстро в вертолет!

Лучше пусть считают меня монстром и ублюдком, чем сорвут эвакуацию. Может когда-нибудь поймут.

Женщины, на которых я указал, с трудом пробившись сквозь толпу и направились к воротам.

— Эй, сержант! Ты на воротах! — крикнул я парню. — Запускаешь, кого пропустил я и сразу закрываешь, понял?

Сержант кивнул. По глазам я понял, что его не радует такая грубость с людьми, но спорить он не рискнул. Что ж, молодец! Меня тоже не радует перспектива быть монстром для всех, но сейчас так надо!

— Дальше. Ты, ты и ты! — показал на следующую тройку женщин я.

Женщины начали пробиваться к воротам, но не успели. Из-за здания казармы вырулил "членовоз" — респектабельный, дорогой автомобиль премиум класса, который и не собирался скидывать скорость перед толпой, а пёр напролом. Сразу видно — начальство прибыло! Люди, толкаясь и роняя друг друга, спешили убраться с дороги машины.

Я направил автомат в лобовое стекло и встал у них на пути. Конечно, у такого автомобиля бронированные стекла. В этом я не сомневался, но затормозить я их успею.

— Эй, ты, чего раскорячился со своей пукалкой посреди дороги? — крикнул, высунувшийся в окно охранник. — Сейчас тебя размажем по асфальту и не заметим.

— Так чего притормозили? — огрызнулся я.

— Тачку мыть неохота потом. — ухмыльнулся тот. — Отойди по-хорошему. Не видишь какие номера?

— Вижу. Но сначала в вертолет сядут женщины и дети. Потом вы.

— Чего? — протянул тот, но в автомобиле ему что-то сказали и он, напоследок гаденько ухмыльнувшись, закрыл окно, а автомобиль, взвизгнув покрывками, сорвался с места.

Чтобы не попасть на капот автомобиля, словно свадебная игрушка, мне пришлось отпрыгнуть в сторону, а машина, протаранив ворота, уже въезжала на вертолетную площадку.

— Что делать? — шепотом спросил сержант, помогая мне подняться.

— Я разберусь. Ты держи толпу. И потихоньку женщин сюда подтягивай.

Убрав автомат за спину, чтобы телохранители важной "шишки" не сочли за угрозу и не пристрелили на подходе, я мелкой трусцой направился к вертолету, в который уже грузились "дорогие костюмчики".

— Че надо, вояка? — улыбался во весь рот телохранитель.

— Поговорить с твоим начальством.

— Ага, щаз.

— Валера, чего ты там телишься? — выглянул из вертолета "костюмчик".

— Послушайте. — начал я. — Вертолет у нас один. Нам необходимо эвакуировать сначала женщин и детей. Подождите, пожалуйста, пока мы их загрузим, потом, если места хватит, погрузитесь и вы.

— Так погрузились мы уже. Че, нам, выходить что ли? — лыбилась лоснящаяся рожа.

— Так, ладно. Сейчас приведу женщин. Подождите.

С такими мордоротами можно не спорить. Все равно не поймут и сделают по-своему. Да и женщин там осталось не так много, так что все войдут.

— Что значит приведу женщин? Что... Ты что, хочешь, чтобы Я, с ЭТИМИ всю дорогу ехал? Чтобы вот эти вот мне под ухо орали, ревели и ныли всю дорогу? Да ты знаешь КТО я? Не знаешь? Нет? Ну так узнаешь! Я тебе такую веселенькую жизнь устрою, утырок, что малс не покажется! Багрович Вячеслав Сергеевич. Запомни! Потому что я тебя запомнил салдафон!

— Но другого транспорта пока нет. — попытался вразумить его я. — В пути ещё. Нам нужно как можно скорее эвакуировать гражданских...

— Вот и подождут! И нечего мне тут... Валера! Почему ЭТИ все еще тут? Долго я еще ждать буду пока ты их выкинешь из вертолета?

— Одну минуту, Вячеслав Сергеевич. — залез безил охранник. — Так дамы, выгружаемся!

— Что значит выгружаемся? — начала возмущаться одна из них.

— Тут же всем места хватит- подхватила другая.

— Не хватит. Не хватит! Выгружаемся. — подталкивая их, сказал охранник.

Две растерянные женщины вышли из вертолета, прижимая детей к себе. Но третья, с двумя детьми, забила в дальний угол салона вертолета и ругалась с телохранителями.

— Никуда я не пойду! У меня дети! Вы не имеете права! — кричала она.

— Да выкинь ты ее отсюда! — заорал Багрович. — Че, с бабой справиться не можешь?

Охранник выкрутил женщине руки за спину и вытолкнул из вертолета, следом за ней полетели ее дети. Я еле успел их поймать.

— Взлетаем! — крикнул Багрович и дверь вертолета захлопнулась.

— Вот тварь! — выругался я, отдавая детей заплаканной матери. — Нам нужно отойти!

Не успели мы сделать и пары шагов как вертолет начал взлетать.

Сержант не смог сдержать людей и те, выбежали на ветролетную площадку.

— Почему они нас бросили?

— Что теперь будет?

— За нами прилетят?

Я повернулся к волнующимся людям:

— Спокойнее, спокойнее! Сейчас прилетит другой вертолет. Всех заберут. Не переживайте!

"Багрович. Я тебя запомнил, тварь!" — раскаленной занозой засела мысль в голове.

Крик женщины заставил отвлечься от мстительных мыслей:

— Они идут... Идут! Помогите! — кричала она до тех пор, пока не захлебнулась собственным криком.

Посадочная площадка вертолётa со всех сторон ограждена высоким забором, а в ворота, не спеша, вваливались несколько огромных тварей. Мы в ловушке...

— Константин Павлович, с вами все в порядке? — потряс его за плечо я, после того как Ветров ушёл в себя на добрых десять минут.

— А? Что? — посмотрел он на меня, будто впервые видит. — А! Почему нас оставили? Да кто ж его знает! Паника была. Неразбериха... Устал я, посплю...

И он, прислонившись к стенке кабины, закрыл глаза, притворяясь, что спит. Об этом говорила его напряжённая поза, подрагивающие веки и пальцы, сжимающие оружие до побеления костяшек.

Я не стал больше лезть к нему. И дураку понятно, что этот человек слишком много пережил, чтобы вести светские беседы.

Через пару часов стадо оленей скрылось за холмом и мы наконец могли ехать.

Все, кроме выживших, восприняли это с радостью, ведь до Североморска оставалось совсем чуть-чуть и уже не терпелось выйти, наконец, из тесной колбаски, да распрямить спину.

И только наши новые знакомые, новость о том, что мы скоро прибудем, восприняли с опаской и волнением.

К моменту, когда мы подъехали к Североморску, в кабине царила напряжённая тишина.

Машина замедлила ход и все, кто был у бойниц настороженно всматривались в приближающийся город, остальные пытались хоть что-то разглядеть из-за их спин, даже дети затихли, почувствовав напряжение взрослых.

Около остатков купола мы наблюдали ровно ту же картину, что и в Москве — тысячи трупов мутантов, пытавшийся пробиться сквозь барьер. И им это удалось. Как и в Мурманске, да и других городах, в Североморске царила разруха. Разбитые, покорёженные машины порой преграждали путь и нам приходилось объезжать их по соседним улицам.

— Это что за срань...? — выругался Игнат, как всегда, всматриваясь в визор пульта управления Плетью. — Всем на три часа! Смотрите!

Все, кто мог, кинулись к правому борту Матиза и пытались разглядеть что там увидеть Игнат.

— Да что ты там увидел? — не выдержал Серафим. — Нет же ничего!

— Вверх... Вверх смотри. — прохрипел оператор.

— Твою ж...

— Что за хрень?

— Как такое возможно?

Удивленные голоса раздавались со всех сторон. Я не выдержал и тоже попытался пробиться к бойнице по правому борту. И лучше бы у меня это не получилось. Как говорится, меньше знаешь, крепче спишь. Вот после того, что я увидел я сомневаюсь, что вообще смогу когда-нибудь заснуть.

Алексей.

Люди в кабине притихли, а выжившие в Североморске люди, казалось, и вовсе пытаются слиться со стенами и полом Колбаски.

Большинство верхних этажей домов были переплетены паутиной. Лёгкая, тонкая, едва мерцающая она была почти везде, на каждом доме, на каждом столбе. Местами она перекрывала целые улицы, от низа до верха, и нам приходилось искать другой путь.

— Это что? Паутина? Здесь пауки? — спросил я.

— Но ведь мы на Севере! И температура явно ниже нуля, может они в спячке?

— И не надейтесь! — прошептал Ветров. — Ни хрена они не в спячке, а очень даже бодрые и опасные, и защита у них от холода имеется. Мы специально не входили в этот район, когда выходили из города. Предпочли пойти в обход, чем встретиться с этими... Но, как оказалось, зря старались...

— Да как же... Это же насекомые... Они же не могут в такой холод жить?

— Ну, строго говоря, пауки это не насекомые, но да, вы правы, в такой холод они не могут функционировать. — подал голос один из биологов.

— А эти могут. Да ещё как! — огрызнулся Ветров.

— Почему не предупредил? — спросил его Долохов.

— А это что-то изменило бы? Когда мы отсюда уходили, город был почти полностью захвачен колониями пауков. А сейчас и подавно они повсюду здесь. Как я понял, вам позарез нужно было сюда. Сделаем дело, да свалим отсюда поскорее. Днем эти твари почти не показываются. Тут главное не увязнуть в паутине. Она крепкая. Очень.

— Вижу. — мрачно ответил Елисей, внимательно рассматривая застрявший в паутине, затянутый почти до неузнаваемости, вертолет, вокруг которого было множество небольших продолговатых коконов.

— Пауки пришли не сразу. — рассказывал Ветров. — По крайней мере, захватили город не сразу. Сначала город смели твари покрупнее. Затем, когда оборона города пала и нас бросили на произвол судьбы, твари постепенно начали уходить. И мы обрадовались. Думали, что пережили этот ужас и теперь все наладится. Потом, конечно, поняли, почему ушли звери... Так куда нам нужно? Мы покинули Североморск пять дней назад. Может я знаю безопасный путь?

— Нам нужно пробиться к военной базе и для начала отключить РЭОБ.

— Ну, это можно! — улыбнулся Константин. — Там здания невысокие, такие паукам не очень нравятся, поэтому там относительно свободно. Нам направо, там, частные дома и пауков совсем почти нет. Правда, могут быть другие твари.

По указанию Ветрова, группа быстро добралась до военной базы. Близился закат и было необходимо найти укрытие. Долохов торопил водителей, ведь с наступлением темноты город будет кишеть тварями и, если люди в Колбаске были более-менее защищены бронёй, то те, кто был в прицепе, оставались лёгкой добычей. Когда же, наконец, добрались до базы, то оказалось, что ворота были снесены напрочь, а машины разграблены.

— Ваша работа? — спросил командир.

— Наша! — с грустью ответил Константин. — много народу мы здесь потеряли, но в бункер попасть не смогли. Нужен пароль. А тех, кто его знал, на тот момент уже не

осталось.

— Удивительно, да? Город обесточен, а антенна РЭОБ работает! — воскликнул я.

— У бункера свое аварийное обеспечение. Геотермальная энергия. Не требуется топливо и подзаряд энергоемкостей. — пояснил Ветров. — Поэтому мы и пытались попасть туда.

Тем временем группа беспрепятственно подошла к небольшому ангару. Никаких тварей поблизости не наблюдалось, что было крайне подозрительно.

Долохов ввёл на приборной панели сложный код и дверь с тихим щелчком открылась.

Ангар внутри оказался даже меньше, чем казался снаружи. Было удивительно и странно, что группа выживших пыталась пробиться сюда ценой многих жизней. Но, как только Долохов подошёл к противоположной стене и открыл скрытую панель, я понял, что не все так просто. Ангар был лишь наземной точкой входа в укрепленный бункер. Елисей быстро ввёл новый код на открывшейся панели и стена по соседству отъехала вбок — ясно, почему ангар внутри кажется меньше, чем снаружи.

За открывшейся панелью была кабина лифта. Но, хотя он оказался очень вместительным, все в нем не поместились. Пришлось делить группу на две части. Я оказался во второй группе.

Когда дверь лифта захлопнулась перед нашим носом, унося с собой первую группу, я понял, что мы совершили ошибку. Нельзя было разделяться! Теперь мы никогда больше не увидим ребят из первой группы, да и сами вряд ли выберемся. Зря я вообще затеял эту миссию! Нет еды? Ну и что? Есть же синтефабрики! И учёные, умы которых подстегиваются опасностью вымирания. Придумали бы что-нибудь! В конце концов, есть процедура криоконсервации, время у нас было! Зачем я потащил этих людей обратно на Землю? Теперь их смерть будет на моей совести!

"Так, стоп! Лаврентьев! Хватит параноить! Ты все просчитал! Нам просто необходимо было вернуться. И без материалов с Земли, люди на Луне обречены на голод и вымирание! Да и группа Ветрова погибла бы! "

Так-то оно так! Но вот вымирания нам в любом случае не избежать... Рано или поздно...

— Леха, ты в норме? — спросил Игнат, заметив мою нервозность. — Всё будет отлично! Ребята профессионалы! Да и опасности внизу никакой быть не может! Вход-то только здесь!

— Ага, как же. На базе в Подмосковье тоже вход только один был и охранялся. Однако как-то в реактор мутанты проникли и повредили его! — выдал я, сам удивляюсь столь здоровой мысли.

— Тут ты прав, конечно. Не стоит нам расслабляться. — ответил он тихо и, уже громче добавил. — Оружие наготове, не расслабляться!

Народ тут же подобрался. Даже гражданские подняли оружие, приготовившись обороняться. Все верно! За все это время, проведённое здесь, они привыкли рассчитывать только на себя!

Время тянулось и люди от напряжения были взвинчены словно натянутая струна.

Казалось, что лифт с первой группой ушел целую вечность назад.

— Что же они долго-то так? А? — не выдержал один из биологов. — Может, случилось что, а?

— Не дрейфь, Виктор. — тут же откликнулся Игнат, которого оставили за старшего во

второй группе. — Проверить им нужно там все, прежде чем тащить туда гражданских!

Но народ уже начал волноваться и перешептываться. Кто-то настаивал на том, что пора идти на выручку первой группе, другие же твердили, что пора сваливать отсюда и искать безопасное место. Обстановка накалялась. Игнат откровенно не справлялся.

И в этот момент дверь лифта с тихим шелестом отъехала в сторону, открывая нашему взору довольного солдата из первой группы. Я вздрогнул, сжав ствол автомата крепче, но увидев, что опасности нет, чертыхнулся, выдохнув с облегчением.

— Всё чисто! — крикнул разведчик. — Давайте все сюда быстрее! Там тепло и безопасно!

Уговаривать никого не пришлось. Тепло и безопасно — это главные критерии счастья этого нового мира. Ещё бы пожрать чего-нибудь!

Через пару мгновений, когда народ погрузился со своим скарбом, лифт двинулся вниз и, судя по тому, как желудок радостно рванул наверх, с довольно приличной скоростью.

— Глубоко? — тихо спросил я у Игната.

— Точно не знаю. Я сам здесь впервые, но да, должен быть очень глубоко! — ответил он.

Когда прибыли вниз, там уже всю кипела работа. Кто-то обустроивал ночлег, кто-то готовил ужин, кто-то обрабатывал раны, кто-то был занят какой-то важной работой, так что нас быстро распределили в помощники занятым и передохнуть мы смогли лишь глубокой ночью.

Я лежал в одном из помещений, на брошенной прямо на пол собственной куртке и, несмотря на усталость, не мог заснуть.

Воровато огляделся и сунул руку за пазуху, чтобы вытащить самое ценное, что у меня есть — фотографию дочки.

Моя принцесса.

Прости, что не уберёг, не защитил. Не справился я с родительский долгом.

Мне так не хватает её смеха, и объятий каждое утро, и тёплого взгляда золотисто-медовых глаз.

— Дочка? — спросил Долохов, который как-то незаметно появился рядом со мной.

— Да, дочка. — ответил, вроде бы ровным голосом, я, убирая фото во внутренний карман.

— На жену похожа. — улыбнулся он.

— Что? Откуда ты знаешь мою жену? — удивился я.

— Я твою жену не знаю! — вполголоса хохотал он. — Просто она на тебя совсем не похожа, а значит пошла внешностью в жену твою!

— Точно. В неё.

— А у меня на станции никого. — грустно прошептал он сам себе. — Да и вообще не успел я семью завести до этой катавасии, а теперь уж и не суждено наверное!

— Кто знает! — увернулся от ответа я. — Как РЭОБ? Удалось отключить?

— Наш спец занимается этим. К утру должен вырубить. Отправим сообщение на станцию и на шаттл. А дальше опять радиомолчание. Твари каким-то образом чувствуют радиоволны. — Долохов отвернулся от меня и шепнул через плечо. — Спи, Леха! Завтра много работы предстоит!

И я уснул. Вернее даже не просто уснул, а вырубился. Впервые за последнее время меня не мучили кошмары. Впервые я спал без снов.

Проснулся я от окружающей меня суеты. Люди вокруг уже были заняты делами. Кто-то обустроивался поудобнее и надолго, кто-то собирался в путь.

Как оказалось, я проспал целых 12 часов кряду. Долохов приказал всем отсыпаться, отдыхать и завтра утром мы выдвигаемся, ведь мы ещё даже не на середине пути.

После полноценного сна последовал горячий и сытный завтрак, хотя по времени уже, пожалуй, даже обед. Дальше меня ждал настоящий рай — горячий душ. Поверить не могу, что так скучал по обычной горячей воде. На луне дефицит воды и поэтому её не тратят на такие вещи как душ, стирка, уборка... Там для этих целей используются дезинфицирующий аэрозоль.

После душа меня направили к медикам на осмотр, где выяснилось, что, кроме пары царапин и ушибов, ранений у меня нет. Везунчик. Многие ребята из боя с собаками вышли с серьёзными рваными ранами. А в группе выживших и вовсе в разной степени были травмированы все. Чудо что вообще кто-то жив остался.

После осмотра я отправился искать командира отряда, чтобы тот направил меня на усиление групп, которые занимались подготовкой к нашему выходу или укреплению остающихся.

Бункер был совсем небольшой. Кроме зала с мониторами и креслами, было ещё два прямых коридора и склад. Один коридор вёл в служебные помещения, кабинеты, лаборатории, мед центр. А второй в небольшой жилой отсек с казармами, столовой и душевыми.

Всех гражданских и раненных вчера сразу расположили здесь, но кроватей на всех не хватило, поэтому все остальные располагались на ночлег кто где смог. По большей части, люди, так же как я, просто улеглись на пол.

В жилой отсек я не пошёл — вряд ли командир там. Как я и предполагал, он оказался в служебном отсеке, в кабинете, от пола до потолка заполненном всяческой аппаратурой.

— О, Леха проснулся! — обрадовался командир. — Как спалось?

— Впервые, за последнее время, отлично! — блаженной потянулся я. — Как дела, Елисей? РЭОБ отключили? Со станцией связаться получится?

— РЭОБ отключили. Со станцией и шаттлом связались. — отмахнулся он. — Пока все по плану... Ну, это если не считать выживших. Но и с ними вопрос решён.

— И что же ты решил?

— Они останутся здесь. Брать их с собой опасно, а здесь тепло и есть еда. Будут дожидаться нас здесь. Оставим им оружие и раненых. Продержатся.

— Не боишься? Вдруг мутанты прорвутся?

— Боюсь. Но по пути у нас будет гораздо больше мутантов, чем, если они здесь тихонько отсилятся. Если будут вести себя тихо, то ничего с ними не случится!

— А не лучше их на Колбаске отправить к шаттлу? Там бы и дождались нас!

— Я думал об этом. Но сами они могут не доехать, а отправлять с ними много наших я не могу. Все-таки наша миссия важнее. И ещё они могут скомпрометировать шаттл. Сейчас на него мутанты внимания не обращают. А вот если появится народ...

— Ясно... Для меня какие указания?

— Для тебя? Да никаких! Отдыхай. Хотя, погоди... Пойди на склад и получи необходимую амуницию. Сейчас с каждым днем будет становиться все холоднее. Без спецодежды ты не выдержишь.

— Как скажешь. Тебе виднее.

Получив на складе большой куль с необходимыми вещами и сбросив его в "своём" кабинете, я отправился снова в столовую, ибо жрать опять хотелось невыносимо. Видно организм, предчувствуя трудные времена, отъедался впрок. И, похоже, не только мой, поскольку в столовой был полный аншлаг.

Получив свою порцию и с трудом найдя место за столом, я принялся уплетать незамысловатый, но очень питательный обед попутно прислушиваясь к беседе, ведущейся за столом.

— А, если не успеют? — спросил шёпотом кто-то.

— Успеют! — ответил ему сержант из нашей команды, который должен остаться с выжившими.

— Ну, а если все-таки не успеют? — упрямылся мужчина. — Или погибнут все! Мы ведь не знаем, куда и зачем они идут!

— Ну, а если погибнут, то мы сами отправимся в Мурманск к точке эвакуации! И отставить панику! Провизии достаточно!

— Мы тебе не военные! Нечего нам тут приказы раздавать! — разозлился тот.

— Вы находитесь на военной базе! Так что будьте добры...

— ТИХО! Развели тут балаган! — рявкнул, внезапно появившийся рядом, Ветров. — Сержант прав. Это военная база и правила здесь тоже военные. Не в нашем положении срач разводить!

— Но военные...

— Спасли наши жизни! Я, если помните, тоже военный... — попытался успокоить мужчину Константин.

— Бывший...

— Бывших военных не бывает! Я в отставке, если не помнишь. — сказал Ветров своему собеседнику.

— Да какая разница? — махнул тот рукой и вышел из столовой, после чего все остальные быстро успокоились и стали расходиться по своим делам.

— Проблемы? — спросил я у Константина.

— Что? Нет. Все хорошо. — ответил он. — Людям страшно. Они устали болтаться в "подвешенном" состоянии. Им хочется добраться до места, где будет все как раньше.

— Но ведь такого места нет. — тихо напомнил я ему.

— Нет. — так же тихо ответил он. — Но им это говорить не обязательно. Со временем сами поймут.

Я кивнул головой, соглашаясь с Ветровым. Если кому и придется сообщать им такие новости, то пусть это буду не я.

Моё дело найти семенохранилище, открыть его, да решить, что необходимо взять с собой.

Оставшееся время я предпочёл потратить на сон.

Утром следующего дня нас ждал ранний подъем, быстрый завтрак и напряжённый выход наверх.

Мы не должны были привлечь внимание мутантов к бункеру, чтобы у оставшихся внизу людей была возможность покинуть его.

Поэтому выходили в полном молчании. Все вопросы обсудили заранее, амуницию закрепили так, чтобы нигде ничего не брякало и не шумело.

В этот раз каждый участник похода нёс рюкзак с провизией для себя на несколько дней.

Этому поспособствовало то, что я умудрился отстать от группы. Если бы меня не нашли так быстро, то я вполне мог погибнуть от голода.

Поэтому каждый член команды нёс рюкзак со всем необходимым для выживания.

Долохов не обманул — амуниция, что мне выдали в бункере, действительно защищала от холода гораздо лучше, чем моя одежда, хотя выглядела менее объёмной и очень лёгкой.

На выходе из бункера пришлось надеть ненавистную панорамную маску с фильтрующей системой. Только теперь у каждого было несколько запасных сменных фильтров. Опять же, для выживания.

В случае, если кто-то отстал, то ему необходимо будет вернуться в бункер.

Ждать никого не будут, потому как наше время ограничено.

Нам необходимо завершить миссию до того, как у оставшейся группы закончатся припасы. Иначе их ждёт либо голод, либо опасное путешествие в Мурманск к шаттлу.

До следующей точки было решено двигаться пешком. Во-первых, чтобы не привлекать внимание к оставшимся. Во-вторых, чтобы у них был надёжный транспорт на случай отступления. И в третьих, потому что идти было недалеко.

Меня радовал факт того, что нам не нужно было идти через паутину. Очень уж не хотелось встречаться с её хозяевами. Хотя, как ученого, все же одолевало любопытство, как же все-таки пауки смогли приспособиться к местному климату?

Надеюсь, что на этот вопрос я все-таки не получу ответ.

Группа двигалась быстро и слаженно. Передышка в бункере дала всем время набраться сил, поэтому, отстающих не было, даже среди неподготовленных учёных.

Пройти нам предстояло всего около двух километров, а дальше... Дальше сплошная авантюра. Мы должны погрузиться на корабль и уже по морю добраться до острова Шпицберген.

По холодному, токсичному, переполненному жуткими огромными тварями, морю. К тому же зима близко, а это осложняет дело.

Но выхода нет. Придётся рискнуть. Тем более с нами группа морпехов, для которых выход в море — всего лишь работа.

Впереди волновалось море — доки совсем близко, но на пирсе я увидел всего несколько потрёпанных небольших кораблей. В мореходстве я полный ноль, но разве можно на такой лодчонке преодолеть такое расстояние?

— Елисей, а не маловата лодочка? — не выдержав, спросил я у командира.

— Нет конечно! — удивился тот. — Погоди-ка! Ты решил, что мы поплывем на одной и этих лодок?

— Конечно. Разве нет?

— Э-э-э нет, друг. Наша лодка находится во-о-он там, на другом конце пирса.

— Но там ничего нет! — возмутился я.

— Конечно нет! Она ж в закрытом доке стоит.

Я только и мог, что удивлённо покрутить головой. Все-таки наша страна — великая! И люди здесь самые бесстрашные. Другие страны давно отказались от путешествий по морю, но не русские!

Только наш народ может спокойно жить в условиях крайнего севера.

Только русский человек может радоваться хрусту снега под ногами.

Только наш человек, услышав крик своего товарища бежит к нему на помощь, а не от него, спасая свою жизнь.

Как и сейчас, когда один из, прикрывающих группу, солдат зашелся в нечеловеческом крике, все его сослуживцы рванули к нему на помощь. Но вскоре помощь понадобилась всем.

Пару минут я не мог ничего понять и разглядеть. На рыже-белой маскирующей куртке кричащего солдата образовался такой же рыже-белый нарост величиной с его голову. Этот нарост и пытались с него снять несколько человек, в то время, как все остальные, отстреливаясь от тучи таких же комков, пытающихся зацепиться за кого-нибудь.

Дальше произошло то, что совсем повергло меня в шок. Долохов, который шёл во главе группы, подбежал к пострадавшему солдату и выстрелил в него.

— Отступаем! Всем держать строй! Укушенных не подбирать. Если увижу — лично пристрелю! Живо к доку! — и группа, отстреливаясь начала отступать. — Леха, не спи! Времени мало. Их будет все больше!

Я не верил, что человек, который ведёт нашу группу, которому все доверили свои жизни, мог так поступить с подчинённым. Но, похоже, остальных такой исход устраивал.

А рыжие, меховые комки все прибывали. Казалось, что они материализуются сразу возле группы и в безумном прыжке пытаются прицепиться к кому-нибудь. Так не повезло одному из биологов. Тварь неожиданно возникла рядом с ним и вцепилась круглой пастью ему в ногу.

Учёный упал на спину и выгнулся дугой. От его крика заложило уши.

Я попытался отодрать тварь от ноги, но у меня ничего не вышло — тварь намертво прилипла к нему.

Времени было мало. Бросать человека в беде — самое паскудное, что можно придумать, но группа отступала, а тварей становилось все больше.

— Леха бросай его! — заорал Долохов. — Он уже труп! Брось его, говорю тебе!

"Ага, щаз! Может ещё и пристрелить его, как ты того... Пристрелить!" — внезапно меня осенило!

Я направил дуло автомата на меховую тварь и нажал на спусковой индикатор. От энергетического разряда мутанта разорвало на мелкие куски, окрасив снег вокруг в красный цвет.

Но, вопреки моим ожиданиям, учёный не перестал кричать и корчиться от боли. Из рта у него шла пена, его били судороги. Я схватил его за куртку и потащил в сторону доков, но кто-то выстрелил ему в голову. От неожиданности я дёрнулся и упал на снег, чем и постарались воспользоваться твари, прыгнув ко мне сразу с нескольких сторон.

Меня спас дружный раскат выстрелов и чья-то рука, которая тянула меня за шкуру в нужном направлении. Когда мы вошли в круг солдат и опасность миновала, мне позволили встать и, тут же, на меня обрушился гнев Долохова.

— Я сказал тебе бросить его! Значит нужно бросить! Ты понял?

— Нет, урод. Я снял с него ту штуку! Я бы дотащил его! Это ты его убил? Ты?

— Он уже был мёртв! После укуса никто не выживает! Если укусит эта тварь, то тебя ждёт медленная, страшная смерть! Понял? Нет противоядия! Ты рисковал жизнью ради трупа!

Его слова немного охладили мой гнев и мне стало по-настоящему страшно. Если все так, то я уже раз пять мог погибнуть. Меня спасли лишь меткие выстрелы ребят, которые отказывались бросить меня.

— Соберись! Из-за тебя рискует вся группа! — рыкнул Долохов. — Подними оружие и прикрой нас!

Оказывается мы уже добрались до закрытого дока и пока часть ребят отстреливалась от тварей, другая открывала нам проход внутрь.

— Готово! — закричал Игнат.

— Ковач, Чехов — прикрывают. Остальные все внутрь, быстро! — тут же отдал приказ Долохов.

Больше нарушать приказ я не стал. Хватит. И так подвергал группу риску.

Я зашёл внутрь дока, а через пару минут нас нагнали и прикрывающие. Дверь с глухим стуком закрылась, но снаружи ещё несколько минут слышалась возня. Потом все стихло.

Люди сидели на полу, пытаясь отдышаться, а мне стало страшно, что и тут нас могут поджидать мутанты.

— Ребята уже все проверили. Здесь чисто. — заметив мои метания, сказал Долохов. — Десять минут отдых и по коням.

— Виктор, Что это были за твари? — спросил я у биолога.

— О, это зайчики. — ответил тот

— Что?

— Это хреновы зайцы! Понимаешь? Ну, такие, с ушками, с хвостиком. Только эти без ушек и хвостиков. — не выдержал Долохов.

— Это действительно родственники полярного зайца. — подтвердил Виктор. — Только эти уменьшили массу тела, лишились длинных ушей и хвоста, отрастили вместо нормальных четырёх лап, шесть укороченных с перепонками и когтями, и видоизменили челюсть с пищеварительной системой. Короче, полный апгрейд!

— Охренеть!

— Не то слово! Их пасть представляет собой круглую присоску с несколькими рядами зубов. Присасываясь к жертве они выворачивают свой желудок впрыскивая в жертву крайне агрессивный желудочный сок. Добыча буквально переваривается заживо. А дальше им остаётся только посасывать питательный переваренный бульон.

— Твою ж... Лучше заткнись! — простонал я, сдерживая рвотный позыв.

— Противоядия нет!

— Я понял.

— Прости. Просто нервы на пределе. А когда я нервничаю, я много говорю. — сказал Виктор.

— Я понял.

— Это совершенные твари. — не унимался он. — Многочисленные стаи практически не имеют врагов. Лишь медведи с толстой бронёй могут на них охотиться, да лисы с морскими львами разоряют гнезда с беззащитным молодняком, пока стая на охоте.

— Морской лев?

— Ну да. А я разве не говорил, что зайцы одинаково хорошо чувствуют себя и на суше и в воде?

— Нет.

— Ну вот! Я же говорю — совершенные твари!

Тем временем перерыв закончился и народ начал подниматься.

— Эй, морпехи, вам хватит людей, чтобы завести эту детку? — спросил Долохов.

— Для неё и одного морпеха хватит! — улыбнулся тот. — Она проста в управлении, как

велосипед!

Я оглянулся, чтобы рассмотреть, о чем они говорят и у меня естественно отвисла челюсть.

— Да вы издеваетесь? — хрипло прошептал я. — Я их только на картинках в детских книжках видел!

Ксюша.

— Мама?

Этого не может быть!!! Изо всех сил жмурю глаза и медленно открываю — видение не исчезло.

— Ма-ам?

Это она! Боже, это моя девочка!!!

— Моника... — хватаю её на руки и сжимаю так, что она начинает кряхтеть.

Живая! ЖИВАЯ!!! Не верю!

— Моника! МОНИКА! — слезы текут ручьём, меня всю трясёт, будто от холода, но я не могу оторвать свой взгляд от дочки.

Я не могу поверить, что это она! Столько раз я её теряла! Столько раз разбитая надежда рвала мне душу! Столько раз я от отчаяния была.

— Мамочка! — Моника тоже плачет. — Мама! Мам, я думала вы все умерли!

— Нет! Нет! Все живы! — шепчу ей на ушко. — Все живы! Теперь и ты с нами. Теперь я никогда не оставлю тебя одну!

Время вокруг остановилось. Сейчас в целой Вселенной есть только я и моя дочь. Не могу отпустить её даже на секунду. Не могу надышаться ей. Полной грудью вдыхаю её запах. Все ещё не верю, что она здесь, со мной. Все ещё боюсь, что это плод моего воображения, что она сейчас просто исчезнет, оставляя в моей душе кровоточащую дыру.

— Мама, а где Марк и папа? — все ещё шёпотом спрашивает дочь.

— Марк... — словно прихожу в себя. — Доченька, он тут, в больнице. Нам нужно идти к нему. Только тихо!

Глаза Моника расширяются от осознания.

— ОНИ здесь? — озирается она.

— Нет, солнце. Монстров здесь нет. — почему-то сразу понимаю о ком она.

— Но здесь есть нездоровые люди и мы не должны попасться им на глаза. Пойдём!

Беру дочку на руки, просто потому что не могу отпустить её. Не могу даже на секунду расстаться с ней.

Удивительно! Моника выглядит отлично. А ведь она, как и мы, провела много времени в заражённых землях. Да и видела я её в последний раз всю истощенную и израненную, едва ли в сознании.

Марк до сих пор в медкапсуле. До сих пор не может оправиться. А она выглядит так, словно ничего и не случилось. Только страх в глазах выдаёт, что она пережила.

Продвигались по коридорам тихо и быстро. Ни на секунду не отпускала её из рук, да она и сама вцепилась в меня мёртвой хваткой.

В конце коридора показались военные с оружием наготове. Остановилась, не выпуская Моника, попыталась показать руки.

— Укусы? Царапины? Контакт с зараженными? — резко спросил военный, поравнявшись с нами.

— Нет-нет! — поспешила ответить я. — Не было контакта! Не было!

— Почему в коридоре? Система оповещения предупреждала, что нужно сидеть в своих

палатах!

— Я вышла за дочерью! Она была в другой палате, одна! — и ведь даже не соврала ему!

— Дочь?...

Только сейчас я заметила Ульяну Михайловну, прятавшуюся за спинами военных.

— Да, это моя дочь! — ответила, сильнее прижимая к себе малышку. — Мы разминулись в Москве и она прибыла на базу без нас. Мы искали её, но почему-то она оказалась в списках погибших...

— Вероятно это случайность. Там был такой хаос! — поспешно ответила доктор.

— Конечно случайность... Что же ещё... — ни на грамм не поверила ей.

— Ксения...

— Андреевна!

— Ксения Андреевна, ваша дочь только прибыла с разморозки. Мне необходимо взять у неё кое-какие анализы. Это вопрос её здоровья. Вы не против?

— Я буду присутствовать! — выпалила я, а мгновение спустя, уже более спокойно добавила. — Понимаете, я её больше от себя не отпущу!

— Конечно, я вас понимаю! — она улыбнулась грустно и, как мне показалось, искренне. — Моника, котик, нужно сделать ещё пару анализов. Потерпишь?

"Вот ты и прокололась! Змеюка! Знаешь имя мой дочки, но не знаешь, что она моя дочь? — вертелись мысли в моей голове. — Как же она тогда была записана в неизвестные? Ох и темнит наша врач! Ох и темнит!!! Но я докопаюсь до истины!"

— Потерплю. — ответила дочка с улыбкой.

Что ж, значит, к Монике Ульяна Михайловна относилась хорошо, раз дочь ей так доверяет. Пусть так! Но тут что-то не так!

В сопровождении военных мы дошли до палаты вполне спокойно.

Ульяна Михайловна просмотрела показания Марка и Софии и лишь после этого достала необходимые для анализов инструменты.

— Я сделаю заявку, чтобы в эту палату принесли ещё одну кровать. Для Моника. — сказала наша Ульяна, пока в пробирку набралась кровь из вены дочки. — Будет немного тесно, но зато вы будете все вместе!

— Спасибо! А зачем столько крови? С Моникой что-то не так? — спросила я, увидев, как врач меняет третью пробирку.

— Нет, Ксения Андреевна, с ней все в порядке. — Ульяна вздохнула, а затем, словно с не охотой, продолжила. — Нам с вами нужно будет поговорить наедине о состоянии вашей дочери. С ней правда все в порядке. Она здорова. Но есть некоторые моменты, которые вам необходимо знать. Я зайду к вам, как только это будет возможно и мы все обсудим, хорошо?

— Хорошо. А что с теми людьми? Они чем-то больны? Нам что-нибудь угрожает?

— Да, эти люди больны. Нет, вам ничего не угрожает, если вы не контактировали с ними. — внимательный взгляд в нашу сторону.

— Нет-Нет! Даже близко к ним не подходили!

— Хорошо. Эти люди опасны как для себя, так и для окружающих. Сейчас их изолируют для дальнейшего лечения.

— Это возможно?

— Не знаю. Но мы приложим все силы для этого!

Ульяна Михайловна, забрав с собой пробирки с кровью Моника, ушла, а я осталась в тяжёлых раздумьях.

Как долго нам ещё сидеть взаперти? Что делать, когда проголодается Моника? Как долго ещё продлится этот дурдом?

В животе заурчало...

Что же я такая забывчивая? Увидела Монику и все из головы вылетело. Нужно было сразу попросить, чтобы нам еду принесли.

— Моника, дочка, давай поспим немного? Уже поздно.

— Хорошо, мам!

Мы улеглись вместе на мою кровать и я впервые за последнее время смогла спокойно заснуть. Мои дети здесь, рядом. Марк сопит в медкапсуле. Его состояние стабилизировалось и даже улучшилось. София в медицинском кувезе. За неё врачи уже почти и не переживают. Сильная девочка. И Моника. Наконец-то Моника со мной. Прижала дочь к себе и полной грудью вдохнула родной запах. До сих пор не верится, что она здесь, со мной. Словно это сон. Так страшно, что проснусь, а её нет. Я этого не переживу. Не вынесу.

Осторожный стук в дверь разбудил меня и я забыла как дышать.

Моники не было.

Мир померк. Сердце остановилось, грудь разрывало от боли. Неужели приснилось? Неужели мне все это только приснилось?

— Можно? — мужчина в военной форме приоткрывает дверь. — Что-то случилось? Вам плохо? Позвать врача?

— Мама?

Поднимаю глаза, а там Моника, взъерошенная, как мокрый воробей.

— Мамочка! — подбегает и обнимает меня. — Мамочка я только в туалет и умыться выходила! Я здесь! С тобой!

Дрожащими руками прижимаю к себе её.

— Не приснилась! — улыбаюсь сквозь слезы. — Не приснилась!

— Кх-кх. — обратил на себя внимание военный.

— Ох, да! Простите! — спохватилась я, вытирая слезы. — Просто я чуть не потеряла дочь, а тут проснулась, а её нет. Вот меня и накрыла паника!

— Я вас очень понимаю! — с грустной улыбкой отвечает он. — Я сам потерял всю семью. Так что могу представить, что вы пережили.

— Сочувствую вам!

— Благодарю! Я уже пережил свое горе и нашёл смысл своей жизни. — сказал он, глядя в глаза. — Вы верите в Бога?

— Нет, не особо. — честно ответила я. — Может быть раньше верила, но не сейчас. Не после того как все это произошло!

Неловкое молчание повисло в палате. Почему-то мужчина внушал страх. Вроде бы доброжелательный, вежливый и спокойный, но что-то в нем заставляло внимательно отслеживать его реакцию.

— А я, как раз наоборот, после всего этого и начал истово верить в него.

— Как же так? Как Он мог допустить такое?

— Но он не допускал! Он сам все это сделал!

— Что? Зачем?

— Вспомните Библию. Всемирный потоп. Бог уже тогда хотел уничтожить человечество, ибо понял, что создал самое страшное чудовище! Но тогда Он, все-таки, дал нам шанс. Позже, когда человечество разрослось до немыслимых цифр, начались эпидемии,

катастрофы, катаклизмы! А дальше на нас было послано проклятие бесплодия! Мы бы вымерли тихо и безболезненно, но мы потащили за собой целый мир. После нас не осталось бы ничего! Голый камень! И Бог послал гедоний! Не для нас, нет! Он послал его для возрождения планеты, а чтобы мы вновь не успели все уничтожить, он обратил природу против нас! Бог отвернулся от нас! Он желает, чтобы род людской был истреблен, а мы снова и снова изворачиваемся. Идём против Его воли!

Никогда не встречала фанатиков, но сразу поняла, что этот мужчина именно им и является. Когда он говорил, его глаза словно светились. Он яро верил в то, о чем говорил и пытался меня обратить в эту веру. И мне стало страшно. Такие люди способны на что угодно, ради своих убеждений! Что нужно делать, когда встречаешься с психами?

— Но Бог настиг нас и здесь! Эпидемия, которая чуть не погубила станцию — это его Творение! — говорил он с восхищенным придыханием.

— Но эпидемия остановлена! Все хорошо. Наверное, Бог нас простил! — попыталась привести его в чувство я.

— Конечно, простил! Мы же Его дети! И, как бы мы ни шалили, он любит нас и простит. Как Отец прощает непослушное дитя. Но расшалившегося ребёнка нужно наказать, иначе он не поймёт, не вернётся на путь истинный! Бог хочет истребить род людской. И мы не должны ему противиться! — взгляд на кувез с Софией, а потом на медкапсулу с Марком. — Продлевая их жизнь, вы продлеваете их мучения! Они могли бы быть уже в Раю! Могли бы быть прощены и счастливы! Могли бы быть с Богом!

И вот тут мне действительно стало страшно. Что если, следуя своим убеждениям, он сейчас захочет навредить Софии и Марку? Как мне справиться с ним? Да он в два раза больше меня. Я всегда была хрупкой и слабой, а он в отличной физической форме.

Внезапно дверь резко открылась и в палату влетела медсестра.

— Что такое? Что-то случилось? — воскликнула она, просматривая показания детей на планшетах. — Всё в порядке. Почему же тревожная кнопка сработала?

Тревожная кнопка? Так вот почему она так резко забежала в палату. Резко и вовремя! Мужчина при её появлении поднялся и направился к выходу.

— А вы что-то хотели? — спросила я его. — Вы же зачем-то приходили? А мы с вами заболтались совсем.

— Да, Ульяна Михайловна просила принести вам ещё одну кровать. — спокойно ответил он. — Я зашёл спросить удобно ли будет сейчас её принести?

— Да, конечно! Сейчас в самый раз! — ответила я и он вышел.

— Ничего не понимаю. — бормотала медсестра, осматривая капсулу Марка. — Почему же кнопка, сработала?

— Простите, но, кажется, это я случайно нажала! — невинный взгляд Моники мог растрогать любого. — Я так беспокоюсь за брата! Так скучаю по нему! Мне показалось, что он пошевелился и я подумала, что он просыпается. Вот и наклонилась к нему и случайно нажала кнопку. Простите, пожалуйста!

В медовых глазах Моники словно золото плавилось. Такой чистый, такой невинный взгляд. И конечно медсестра растаяла.

— Ну что ты, милая! — заворковала она. — Тебе не за что извиняться. Ты же не знала, да и нажала не специально! Это очень здорово, что ты так переживаешь за брата! С такой группой поддержки он непременно поправится быстрее!!!

— Правда? — улыбка Моники растопила последние сомнения в медсестре.

— Ну конечно правда! — ответила она. — Ну а мне нужно идти! У меня много пациентов!

— До свидания! Приходите к нам, пожалуйста! — продолжала строить из себя ангела дочка.

— Обязательно зайду!

Медсестра вышла, а Моника спокойно подошла к двери, щёлкнула замком и уселась на мою кровать.

— Ну и что это за концерт невинности? — спросила её я. — Ведь ты же не случайно нажала эту кнопку?

— Не случайно. — она опустила глаза. — Я очень испугалась того дяденьку. Он говорил страшные вещи! И сам был очень страшным. Ты ведь и сама его испугалась, да, мам?

— Да, доченька.

— Он большой. И страшный. Выгнать мы его не смогли бы. Вот я и нажала кнопку, чтобы кто-нибудь пришёл. — объяснила она. — Может, нам не нужна вторая кровать? Мы и на твоей помещаемся!

— Да, пожалуй, не нужна! — ответила я. — А вот покушать нам с тобой не помешает! У меня уже руки трясутся от голода. Я схожу на пост, поговорю, чтобы нам в палату еду принесли.

— Хорошо, мамочка! — обрадовалась дочка. — Я тоже голодная!

Я вышла в пустой коридор и направилась к посту дежурных медсестёр. В этот раз опасностью от коридоров не несло. Эта тишина и пустота была умиротворяющей. На посту медсестёр не было — наверное, где-то на обходе. Зато в одном из кабинетов послышался голос Ульяны Михайловны. Вот сейчас мы и поговорим!

Стукнула пару раз в дверь и вошла. Ульяна что-то обсуждала с кем-то на планшете. Завидев меня, она быстро завершила разговор и отложила планшет.

— Надеюсь, я не сильно вас отвлекаю? Простите, но вы говорили, что нам необходимо поговорить о Монике. Наедине.

— Да, все верно. Нужно поговорить. И нет, не сильно отвлекаете. — устало улыбнулась она. — Может, даже и к лучшему, если я немного отвлекусь. А то мы уже сутки на месте "топчемся".

— Так что вы хотели рассказать?

— Для начала, вы должны понять, что я на вашей стороне! Подождите, не перебивайте! Как бы там ни было, я действительно на вашей стороне! — Ульяна опустила лицо в руки, растерла виски и глубоко вздохнула. — Это я записала Монику в погибшие!

— Я это знаю. — спокойно ответила я. — Зачем?

— Я не знала, что у неё есть живые родственники. На тот момент вас на базе ещё не было, а потом началась такая свистопляска, что я и подумать не могла, что кто-то из её родни появится.

— Всё это понятно, но ЗАЧЕМ вы это сделали?

— Я её защищала.

— Защищала? От чего или кого? Ей грозит опасность? — забеспокоилась я, вспоминая фанатика.

— Всё очень сложно. Вы должны понять, что Моника — особенный ребёнок! И я не смогу больше скрывать её особенность. От этого зависит наша выживаемость!

— Так! — разозлилась я. — Хватит ходить вокруг да около! Говорите все, как есть, по

порядку!

— Да, вы правы. Просто, я не понимаю с чего начать. — Ульяна несколько секунд собиралась с мыслями, а потом как на духу выпалила. — У вашей дочери положительная мутация. Это невероятно. Я полагаю, что на неё повлияло долгое нахождение в заражённых землях. Она питалась зараженной пищей, пила зараженную воду, дышала неочищенным воздухом. И, если для всех других людей это имело печальные последствия, как для Марка, например, то организм вашей дочери смог приспособиться к новым условиям.

У меня в голове зашумело от подобных новостей. Сердце громким стуком отдавало в ушах и я начала пропускать то, что говорит врач.

— Так, погодите... — остановила её я. — Дайте секундочку... Переварить...

— Да, конечно. — понимающе сказала врач.

— Вы говорите, что у Моники мутация? В каком смысле? Что за мутация?

— У вашей дочери исключительная регенерация! И именно поэтому я не могу больше скрывать...

— Регенерации! Это же хорошо? Это же значит, что она здорова, так? — перебила я её.

— Да, это так. Моника абсолютно здорова. Несмотря на то, что она перенесла, до того как попала на базу. Не смотря на то, что была в зоне поражения, когда произошла перегрузка защитного контура реактора. Несмотря на криозаморозку. Она здорова.

— Это же замечательно! — обрадовалась я. — Но от чего тогда вы её "защищали"?

— Послушайте. Все медики, все учёные получили распоряжение — обеспечить выживаемость человеческой расы, любой ценой. Любой! Понимаете?

— Надеюсь, что нет...

— Что такое жизнь одного ребёнка, по сравнению с гибелью всех людей?

— Что? Вы серьёзно так рассуждаете? А если бы это была ваша дочь? — разозлилась я.

— У меня нет детей. И я так не считаю. — грустно улыбнулась она. — Именно поэтому я записала Монику в список погибших. По документам она была в зоне поражения и выжить никак не могла. Если бы я не сделала этого, её бы отправили для изучения. Тем более, нет никого из родственников. Да вы бы и не узнали, что она была здесь!

Откровение доктора повергло меня в шок. Действительно, что значит жизнь одного ребёнка-сироты, по сравнению с гибелью человечества. Ничего! Но только не для меня! Я за неё сама лично всех перебью.

— К сожалению, сейчас я больше не могу скрывать эту особенность Моники. Простите!

Я даже не сразу поняла о чем она, но когда до меня дошло, то волна паники накрыла с головой.

— Что? Почему? Я вас как мать прошу, пожалуйста, не нужно этого раскрывать! Не нужно. Пусть Моника будет погибшей, пусть! Но не нужно этого делать! Её же заберут у меня!

— Простите. Я не хотела этого делать, но эпидемия все решила. Кровь Моники — ключ к защите от этого заболевания. Она не восприимчива к этой болезни. Вы спрашивали, зачем я так много крови беру у неё. Я брала для предварительных тестов. И они удивительны! Вирус просто не может пробиться сквозь оболочку ее клеток и погибает в первые же сутки. Там, где обычный человек испытывает адские муки, ваша дочь почувствует лишь лёгкое недомогание! К тому же, факт о положительных мутациях уже известен и через какое-то время на базе будут у всех брать анализ на их наличие. Возможно, именно это даст нам шанс на выживание!

— На станции есть ещё люди с мутациями, кроме Моники? — удивилась я.

— Да. Есть мальчик, который выжил после заражения. Возможно, они с Моникой спасут всех тех заболевших, что сейчас находятся на криоконсервации. А может, и вашему Марку помогут. Ведь кто знает, может, мы сможем передать её регенерацию другим людям? — с воодушевлением говорила доктор.

— Думаете это возможно? — с надеждой в голосе спросила я.

— Конечно! Нужно только время!

— Я очень хочу, чтобы Марк поправился!

— Я понимаю! — с сочувствием выдохнула Ульяна Михайловна.

— **НО НЕ ЦЕНОЙ ЖИЗНИ МОНИКИ!** — сжав кулаки, рыкнула на нее я.

— Я думаю, сейчас мы сможем её защитить. — пыталась убедить меня она. — У неё есть родные, да и для меня ее судьба стала не безразлична. К тому же, ваш муж не последний человек на станции! Он поможет её отстоять! Позовите вашего мужа, мы должны вместе решить, как защитить вашу дочь.

— Его нет... — растеряно прошептала я.

— Что?...

— Его нет на станции! Он на Земле! И я не знаю, вернется ли он вообще!

Андрей.

Не виделся с Ульяной уже несколько дней. После того, как она покинула жилой отсек, военные очень быстро очистили все уровни от заражённых. Они решили последовать моему совету и отправлять больных на криоконсервацию, чтобы дать им шанс на выживание. Ульяна благополучно добралась до лабораторий и всё свое время теперь проводила там, занимаясь поисками вакцины и лекарства. Когда мы разговаривали с ней по коммуникатору, она сказала, что дело, хоть и медленно, но продвигается и в этом ей, отчасти, помогла кровь той девочки, что вместе с Надюшей выжила после аварии в реакторе. А девчужка, как оказалось, была пропавшей дочерью моего друга Алексея.

Эх, Леха! Он так тяжело переживал потерю дочки! И переживает до сих пор! Жаль, что я не могу сообщить ему о том, что Моника жива, ведь связь с группой на Земле не поддерживается из соображений безопасности.

С Ульяной мы очень сблизились, когда она наблюдала и исследовала мою дочь. За заботой о моей Надюше мы и не заметили, как стали дороги друг другу. Несмотря на внешнюю строгость и даже жёсткость, она оказалась очень доброй и внимательной. Она очень много времени проводила с нами и, как-то очень быстро, запала мне в душу. Она, как лекарство для души. Общение с ней стирает тот след, что остался после случившегося на Земле. Я столько раз видел смерть, столько раз терял людей и прощался с жизнью, что долго не верил, что все-таки жив, но Ульяна помогла мне. Она словно глоток воздуха в душной комнате.

Ульяна очень старалась выяснить, что с Надей. И выяснила. Последний дар от нашей планеты — геном моей дочки изменился. Надюша совершенно не воспринимает радиацию. Никакую! Ульяна много раз облучала её кровь и клетки, но никакая радиация не причиняла им вреда.

Вместе с Надей Ульяна изучала и кровь Моника. У неё тоже обнаружилась мутация — совершенная регенерация. Её клетки восстанавливались с невообразимой скоростью! Судя по многочисленным анализам Моника почти невозможно убить. И даже стареют её клетки гораздо медленнее, чем у обычного человека.

Это просто удивительно, ведь вероятность положительной мутации так мала, а тут сразу два ребёнка с таковой!

Кстати, Моника была одной из причин, по которой Ульяна так рвалась вернуться в медотсек. Оказывается её уже разморозили и она в тот момент лежала в медикаментозном сне и в любой момент могла очнуться и попасть прямо в руки к заражённым.

Ульяна очень надеялась, что регенерация этой малышки поможет им спасти заболевших людей, но им так и не удалось передать эту способность другим.

Зато неожиданно обнаружили мальчика, обладающего иммунитетом к вирусу бешенства. Перепуганного мальчишку нашли рядом с погибшей мамой. С ним-то и работали сейчас.

После эпидемии станция словно замерла в ожидании новой беды и, как бы не убеждало людей руководство, что все под контролем, люди стали сторониться друг друга.

Все больше мрачных лиц, все чаще люди срывались, не выдерживая эмоционального напряжения. Из-за этого даже приостановили программу разморозки людей.

Каждый день приходят отчёты о людях, попавших в лазарет с нервным срывом, но сегодня день выдался очень уж тяжёлым.

Новость разрушительной волной прокатилась по станции — групповой суицид. Три человека, не оставив ни предсмертной записки, ни каких либо других сообщений о своём решении, ушли из жизни. Я вообще ни разу о таком не слышал! На Земле, даже в самых бедных районах, люди ценили и боролись за жизнь. Уж слишком мало нас осталось! Тем более сейчас!

Ульяна говорит, что после эпидемии большинство людей находятся в депрессии и они даже не в силах им помочь — люди просто потеряли надежду.

А я... Мне просто некогда об этом думать. Моя маленькая принцесса забирала всё моё время. К тому же, Ульяна подкинула мне работу — попросила присмотреть за Аланом, тем мальчишкой, у которого обнаружился иммунитет к бешенству.

Сейчас я нахожусь на изоляции. Это официальная формулировка — изоляция на время эпидемии. Но на деле это отстранение за неосторожно высказанное мнение. Багрович совсем сдурел! Прав был Леха, когда говорил, что попьёт нашей кровушки этот гад. После того, как заразился Тарковский Виктор Юдинович, он развил бурную деятельность. Станным образом, люди, противоречащие ему, оказывались зараженными и отправленными на криоконсервацию. Я лишь высказал свое удивление по этому поводу и сразу же был отправлен на изоляцию. Теперь держу язык за зубами — мне ведь ещё дочь растить!!! И Алан теперь тоже под моей опекой.

Так что я теперь безработный, многодетный отец-одиночка.

В дверь отсека постучали, отвлекая от безрадостных мыслей и смены подгузника Наде.

— Алан, open the door!

— Ok, Andry.

Похоже, опять прислали военных для сопровождения Алана в лабораторию. Странно, ведь сегодня Ульяна об этом не предупреждала. Лучше поговорю с ними сам.

— Добрый день! — обратился я военным, выходя из отсека. — Вы за Аланом?

— Немедленно вернитесь в свой отсек! — хором заорали они, направляя на меня оружие.

— Спокойно-спокойно! — поднял руки я, отступая назад. — Вы чего, ребята? Я же просто беспокоюсь за своего пацана!

— Он не ваш сын!

— Да, не мой, но я являюсь его опекуном! — подозрения все усиливались. — Выход ведь не по плану? За Аланом должны были прийти через два дня. Мне Ульяна Михайловна так сказала.

— Это не тв... — начал было один из военных, но второй жестом оборвал его.

— Да, выход не по плану, но мы люди подневольные. Нам приказали сопроводить ребёнка в лабораторию, мы и пришли. — уже более дружелюбно сказал он. — Наука штука не точная. Видно, им нужно провести ещё какие-то тесты. Сами понимаете, их подгоняют, ведь у замороженных людей с каждым днём все меньше шансов.

— Да-да, конечно! Я сейчас соберу Алана. — и я закрыл дверь отсека.

Что-то в поведении этих ребят было подозрительным и мне пришла мысль, позвонить Ульяне и спросить обо всем у неё.

— Алан, собирайся к Ульяне.

— Улийаначка! Ура! — ломано воскликнул пацан и побежал переодеваться.

А я тем временем пытался дозвониться до неё, но на связь Ульяна не выходила.

В дверь нетерпеливо постучали. Потом ещё раз и ещё, а Ульяна так и не подтверждала соединение. Это бесполезно! Возможно, она очень занята или на совещании. А может, просто спит... Я надеюсь, что она хоть иногда спит, а то по её виду на прошлом сеансе связи этого не скажешь.

В дверь начали стучать уже бесперебойно. Настойчивые ребята! В кроватке недовольно завозилась и закричала Надюша... Ну вот, только уснул! Эти братцы сейчас уйдут, а мне расхлебывать плоды их нетерпения. Когда Надю будят не вовремя, она суший демоненок!

"А, ладно! — подумал я. — Что может случиться? Это ведь военные, а не головорезы!"

Открыл дверь и сразу же наткнулся на две недовольные морды, которые бы заставили усомниться в мыслях про "не головорезов", но тут Надюша проснулась окончательно и решила устроить показательное "выступление".

— Bye, Andry! — пропел убегающий Алан.

— Bye, Alan! — крикнул вдогонку ему я и остался наедине с очень недовольной дочерью.

Надя буйствовала весь день. Что я только не делал, чтобы она успокоилась. И песни пел (ей это совсем не понравилось), и сказки про космических пришельцев рассказывал (вот это ей очень понравилось, хотя, подозреваю, что ей больше нравилось какие рожи я корчил в ходе рассказа), и покрывал трехэтажными матами шумных вояк, что её разбудили (знаю, это неправильно, но Надюша была в восторге от этого и мы минут сорок придумывали им позорные прозвища и страшные кары). И только к вечеру она успокоилась и позволила уложить себя в кроватку.

К этому моменту я был уже выжат, как тряпка. Блаженно плюхнулся в кресло и благополучно заснул, даже не стал уносить в мусороприемник использованные подгузники, а то вдруг Надя проснется!

Проснулся я глубокой ночью от вибрации планшета на который шёл вызов от Ульяны. Ну хоть одно приятное событие за день! С улыбкой принимаю вызов и сразу же наталкиваюсь на её обеспокоенное лицо.

— Андрей, что-то случилось? У меня от тебя восемь пропущенных вызовов! — тихо шепчет в микрофон она. — Прости, что не приняла сразу, просто я...

— Выспалась? — улыбаясь спросил я.

— Да! Впервые за неделю. А откуда ты знаешь? — удивилась она.

— Ульян, ты когда на столе засыпаешь, ты хоть подушку под лицо подкладывай, — посмеивался я, — а то, по отпечаткам на твоём лице, можно сразу понять, что там у тебя бардак!

— Не правда! — возмутилась она. — У меня на столе не барда... Издеваешься, да?

— Ага! — вполголоса хохотал я.

Её растрепанный и заспанный вид был услодой для моих глаз. Впервые за неделю я вижу её отдохнувшей.

— Ах, ты! Ну, я тебе отомщу! — притворно пригрозила она.

— Умоляю, не надо! — притворно ужаснулся я. — Лучше расскажи как у вас дела?

— Всё очень хорошо! — оживилась она. — Мы сегодня... То есть уже вчера, очень продвинулись в разработке вакцины! Правда с лекарством, пока совсем глухо...

— Не расстраивайся! Не все сразу! — утешил я её. — Сейчас вы продвинулись с защитой здоровых, а потом и с лечением дело пойдет! У тебя все получится, я уверен!

— Спасибо! — она мило опустила ресницы, а на её щеках появился румянец. — Твоя поддержка мне очень важна! Знаешь, а ведь нам палки в колеса вставляют. По-хорошему, нужно было сначала разобраться с больными, ведь их время не бесконечно! Но руководство станции решило по-своему.

— Багрович? — догадался я.

— Да. — зло фыркнула она. — Этот гад так за свою жизнь трясётся, что вооружил добровольцев и приставил к себе, как охрану.

— Слушай, а может ты признаешь его невменяемым? Всем стало бы легче! — подал идею я.

— Не получится. У него там своя команда. — грустно покачала головой она. — По сути, я уже не главная здесь. Багрович собрал команду учёных и медиков, которым доверяет. Теперь они требуют от нас отчёты и вмешивается в нашу работу. Мне кажется, они что-то затевают.

— Вот сволочь! — вырвалось у меня. — Надеюсь, вы скоро вылечите всех заражённых и Тарковский наведёт здесь порядок. Багрович, похоже, только его и боится!

— Я тоже на это надеюсь... — прошептала Ульяна.

За беседой с ней время летело, как ненормальное. Я понимал, что нам нужно спать, ведь утром у Ульяны снова начнётся битва с этой новой заразой, а у меня утром будет битва с Надюшей, но прервать разговор с ней не мог. Только сейчас понял, как мне её не хватает.

— Ульян, а давай, как все это закончится, ты переедешь ко мне?

— Что? Ты это что, мне предложение делаешь что ли? — удивилась она.

— Ну да.

— Знаешь что, Андрей? Мы слишком мало знакомы! — с серьёзным видом ответила Ульяна, а потом расхохоталась в голос. — Ой, прости-прости! Я детей не разбудила? Просто у тебя тако-о-ой вид был!

— Детей? Да вы, сударыня, страдаете склерозом! — решил отомстить в ответку я. — Каких таких детей? Не давеча, как сегодня днем ваши, сударыня, люди забрали Алана и не привели обратно! Так что детей у меня тут нет, а есть только одна Надюша, которая, набушевавшись днем, спит без задних ног!

— В смысле? — все ещё улыбаясь, переспросила она.

А вот мою улыбку словно смыло.

— Ульян, ты чего? Алана сегодня днем забрали в лабораторию для новых тестов. И до сих пор не привели. Я думал, вы задержались допоздна и он уснул, а ты не стала его будить...

— Андрей, Алана сегодня не было в лаборатории! Я не посылала за ним!

— Что? Кто же тогда... Зачем? — шок был настолько сильным, что я даже не мог мысли сформулировать.

— Я разберусь. Наверняка это ошибка! — напряжённо сказала она, что-то чиркая на листке. — Не переживай. Куда может исчезнуть ребёнок с космической станции... Ладно, мне пора! Пока! Целую.

Она, буквально, на несколько секунд показала мне свою запись на листке и отключилась. А у меня до сих пор перед глазами её записка: "Никому не верь. Всё очень плохо. Алан в беде. Береги Надю и предупреди

Багрович.

Все получилось как нельзя лучше. Настолько лучше, что я и мечтать не мог. Каких Богов мне благодарить за эту болезнь? Хотя нет, не так. Каких Богов мне благодарить сначала за апокалипсис на Земле, а потом за эпидемию?

Кто бы мог подумать, что мне так повезёт?

Ведь раньше, на Земле, я не мог подпрыгнуть выше, чем глава Мурманска. Мелкая сошка. Как я ненавидел всех, кто надо мной, всех, перед кем приходилось отчитываться, стелиться, лебезить, чтобы заметили, но все тщетно. Много лет не получалось выбраться из этого ненавистного Мурманска. Много лет меня не замечали и не подпускали к большой политике. А ведь я могу!!! Я много чего могу!!!

Какое счастье, что случился конец света! И людишек стало гораздо меньше, и шанс появился. Шанс стать кем-то значимым! Кем-то, с кем теперь всем приходится считаться.

К черту Землю, к черту всех этих бесполезных людишек, что погибли там. Главное я смог выбраться! Я!

Натерпелся, конечно, я страху там. Еле успел на последний вертолёт, но это уже не важно! Я выжил! А те, кто там погиб... Мне хватит и оставшихся людей для правления ими. Мне хватит и станции, главное, чтобы Я был выше всех. Главнее всех. А потом народ как-нибудь расплодится и моя власть станет ещё больше.

Я смог выжить на Земле. Конечно, пришлось пожертвовать многими, но они не важны. Смысл их жизни был в том, чтобы спасти меня.

Когда я прибыл на базу, меня никто и слушать не стал, хотя я настаивал на немедленном отбытии на Луну. Но руководство, этот чёртов Орехов, решило ждать. Они хотели собрать как можно больше народа. Зачем? Мне бы и пары тысяч хватило! Но они не слушали. Сказали, что у меня истерия и отправили на заморозку. Хорошо, что я успел договориться с одним из докторов о том, чтобы меня разморозили одним из первых. Да, власти многие желают! В том числе и этот сморчок в очках. Пообещал ему место Петровой, он и растаял. Дурак!

После разморозки, я узнал, что на Земле не осталось городов. Все разрушены и теперь эта станция на Луне наш родной дом до конца жизни.

Как же я обрадовался тому, что мир сузился до одной станции — уж тут-то я смогу проявить себя. Смогу добиться власти. Нет, ВЛАСТИ!

Ведь я достоин этого. Я смогу распорядиться ей. Но и тут меня ожидал провал. Чёртов Орехов уже подсуетился и подобрал власть под себя. А чтобы никто не смог отобрать её у него, собрал вокруг себя своих прихвостней. Много же их у него!!!

Выживание... Разморозка... Благополучие... Да кого он хочет обмануть? Я-то знаю, вижу, что ему только власть нужна, а вот это вот все только для того, чтобы народ ему в рот заглядывал.

И ведь они заглядывали! Эти тупые скоты так восхищались им, что и шагу без него не могли сделать. Даже беженцы с других стран признали его лидером.

Ха! Но и на Орехова нашлась управа! И на всех этих его прихвостней...

Эпидемия. Как же вовремя она случилась! Большая часть размороженных военных отправлена на планету, а здесь, на станции, начался настоящий хаос!

О, как же меня любят Боги!!! Это точно судьба! И я не могу ей противиться! Они ещё увидят, на что я способен. Хотя... Вряд ли!

Не собираюсь даже рисковать. Орехов и его банда никогда не выйдут из криозаморозки. Ни-ког-да! Уж я-то об этом позабочусь! Как позаботился о том, чтобы они туда попали!

Как же сложно было все это устроить, но для моего гениального мозга нет преград.

Один из моих телохранителей заразился и надо было видеть этот ужас в его глазах! Да, я понимаю его, ведь новая болезнь неизлечима. Я потерял одного из своих верных людей, но приобрёл оружие.

Пообещав телохранителю, что как только изобретут лекарство, так он сразу же его и получит, я уговорил его покусать Орехова и его приближенных. Воистину, моя гениальность безгранична!

Конечно, избавиться от всех не получилось, но я отрубил голову этой змее. Жаль моего мальчишку застрелили. Пригодился бы.

Ха! Было бы здорово, спускать его, как цепного пса, на моих недоброжелателей. Тогда-то уж я быстро бы пришёл к власти. Безграничной власти. Но и так хорошо получилось!

Главное, чтобы сейчас, пока я не укрепился в руководстве станцией, не изобрели лекарство! Поэтому надо этих гребаных детишек устранить! Эка мерзость, мутанты среди людей. Кто знает на что они способны... Нужно устранить этих и вычислить других, если такие ещё есть на станции.

Команду учёных собрать получилось легко. Все-таки я из Мурманска, а там одни из самых лучших учёных. Лучших и незаслуженно принижённых. Посулил им золотые горы и они мои с потрохами!

Все-таки как же вовремя начался этот апокалипсис!

— Вячеслав Сергеевич, можно? — в дверь кабинета проснулся нос одного из моих учёных. — Есть новости.

Вот же приставучий этот учёный. Пришлось сделать серьёзное лицо. Негоже перед подчинёнными так выдавать себя.

— Надеюсь хорошие? — сурово спросил я. — Хватит нам уже плохих новостей!

— Вячеслав Сергеевич, группа доктора Петровой значительно продвинулись в поиске вакцины от вируса бешенства. — учёный поправил очки и с надеждой смотрел на меня.

— И? Что ты предлагаешь? — наехал я на него.

— Я? — удивился он. — Но... Но... Но вы же говорили, что это моя команда должна исследовать эту болезнь. Это должна быть наша работа. Именно мы должны найти лекарство и вакцину!

— Ну так, что вам мешает? — я уже начинал терять терпение.

Этот пёс мешал моим раздумьям. Мне нужно придумать, как сделать так, чтобы Орехов не вышел из анабиоза. А этот червяк учёный не то, что моим проблемам не помогает, так ещё и свои на меня сгружает.

— Я и так запретил Петровой заниматься лекарством! — рычал я на него. — И все свои отчёты она передаёт вам. Чего тебе ещё не хватает?

— Я уже говорил, что нам нужен мальчишка! — промямлил он.

— Ну так заведи его! — что же он такой тупой? Неужели мне придётся всю грязную работу за него делать?

— Как завести? У него же есть опекун. Да и Петрова пристально следит за ним.

— Что ж ты такой... Бесхитрый? — нельзя оскорблять подчинённых. Они мне ещё

нужны. — Как часто Петрова забирает пацана в лабораторию?

— Примерно раз в неделю.

— Ну так проследи, чтобы пацан был в своём жилом отсеке и пошли туда наших людей, якобы это Петрова за ним послала. Вот и все!

— А, как же тогда ей потом это объяснить?

— А ей ничего и не надо объяснять. Заберёшь мальчишку. Выкачаешь из него кровь и в расход его.

— К-как в расход?

— Обыкновенно. Пацан — мутант. Кто знает, может это он причина эпидемии. Да и не нужно тебе, чтобы он снова попал к Петровой. Нет пацана — нет конкурентов. И ты будешь первым и единственным изобретателем вакцины и, возможно, лекарства. Ты станешь героем! Спасителем человечества!

— Было-бы здорово... — с ослотившими глазами прошептал учёный, но сразу же встрепенулся, будто сбросил с себя мой гипноз. — Но... Все же избавляться от мальчишки... Это как то не гуманно! Может, просто заморозим его?

— Заморозим? — этот червяк меня уже порядком взбесил.

Ну, что непонятного я говорю? Неужели сложно чётко, без вопросов выполнять приказы?

— Н-ну, вдруг он нам ещё понадобится? — подал он голос.

— Что ж. Можешь заморозить, раз так. Но под твою ответственность! Если пацана найдут и все вскрыется, то вся вина будет на тебе! Понял?

— П-понял.

— Отправлю к тебе своих людей. Когда выяснишь расписание пацана, пошлешь их за ним.

— Хорошо! Спасибо, Вячеслав Сергеевич. — просил червяк очкастый и направился к выходу.

— И вот ещё что... — остановил я ученого. — Лучше убить двух зайцев сразу.

— Что? — не понял этот тупоголовый.

— Говорю, девчонку тоже надо припрятать, а лучше сразу убрать! Слишком много у неё родни на станции... Будут искать. И ни дай бог найдут. Так что убрать! Понял?

— Да, понял. Материалы на исследование можно забрать?

— Нет, никаких материалов! — ещё не хватало, чтобы с её помощью лекарство сделали. — Убрать так, чтобы и следа от неё не осталось!

— Но, Вячеслав Сергеевич! — вытаращил глаза учёный. — У девочки уникальная мутация! Мы можем такую уже никогда и не найти!

— И не надо!

— Но, что если мы сможем передать её способность другим людям... Например, вам... Ведь не обязательно обнародовать эти исследования. Их можно оставить засекреченными и позволять использовать только избранным. Представьте только — это же почти бессмертие!

— Бессмертие? Избранным? А ты не такой тупоголовый, как я думал раньше. Но-но, не стоит обижаться. Это же комплимент. — сказал я, увидев обиженную морду ученого. — Ты действительно очень перспективный учёный... Но девчонку не должны найти! Мне не нужно лекарство от бешенства! Ты меня понял?

— Конечно, Вячеслав Сергеевич! Я вас отлично понял. — ухмыльнулся он и вышел из кабинета.

Бессмертие. Бессмертие!!! Да! Вот оно! То, что мне нужно!

Заполучить власть и бессмертие! Это было бы восхитительно. А потом пустить этих учёных в расход. Ведь жить вечно может только один. ТОЛЬКО Я!

И больше не нужно будет бояться смерти, как там, на Земле. И преемник мне будет не нужен. Я — единственный и вечный!

Ещё бы разобраться с этими фанатиками чертовыми. Как же они надоели мне. Нет, конечно, они оказались крайне полезными. Убрали тех, кого не смог убрать я. Да и натравить этих идиотов, на этих, не нормальных детей проще простого! Да! Ведь они будут против бессмертной девочки. Да, против. И это мне на руку!

Помню, как до усрачки перепугался, когда наткнулся на этих идиотов.

Я шёл от Орехова, который отказался мне раскрывать некоторые засекреченные документы. Сволочь. Тварь! Смотрел на меня как на грязь под ногтями, но я ему показал... Не в этот день конечно. В этот день только начал зреть план.

Я шёл по коридору станции. Настроение было отвратное. Да что там... Я был в бешенстве. Пока не услышал их...

"Наши страдания закончатся. — вещал чей-то голос. — Это гнев божий, вы сами навлекли его жизнью в грехе и разложении!"

Очень интересно стало, что же это происходит на станции и я пошёл на голос, пока не увидел толпу из пары десятков людей в одном из отсеков. Дверь была открыта, так что мне ничего не стоило встать рядом и наблюдать за происходящим.

— От воли господа нет защиты и здесь не укрыться. — продолжал приятный мужской голос. — Мы должны готовиться встречать нашего создателя, пришёл конец времен, а я пытаюсь спасти ваши души. Господи, дай мне сил помочь этим людям! Дай сил донести твой свет! Не все они плохи, кто-то может услышать тебя чрез уста мои! Если спасутся хотя бы немногие, тогда моя жизнь не напрасна, тогда я заслужу место в чертоге твоём! Я помогу тебе отделить зерна от плевел! А остальным гореть в вечном пламени.

— Чего же он хочет от нас, скажи! — воскликнула молодая девушка.

— Искупительной жертвы! — вещал мужчина распаяясь. — Мы видели, как Он покарал Землю тварями летучими и ползучими. Мы видели, как развезла вдруг Земля уста свои и исторгла хулу и брань, зло излилось на Землю, чистое зло, наказание господне, казнь господня, мы сами навлекли её на себя. Те, кто погиб там, на Земле, уже в чертогах Господа нашего. А мы, грешники, бежали, спасаясь от кары Его. Нам нужно искупление! Аллилуйя Искупительная жертва!

— Искупительная жертва!!! — вторила ему толпа.

— Кто из вас способен внемлить гласу божьему? Кто из вас готов искупить свои грехи? Сегодня? Придите ко мне, придите! Узрейте истину, наказание за то, что нарушили слово божье. Жизнь — это против воли божьей. Он послал тварей, чтобы истребить род людской! Азм есьм уста его, вы столь слепы, вы не верите в Бога? Гордыня обуяла вас, коли вы стремитесь выжить! Докажите смирение и богочестие! Нужна жертва! Кто готов пролить свою кровь?

Признаться, тогда меня до жути напугали его слова. Я думал и люди вокруг, услышав такое, разойдутся, вызвав бригаду медиков. Но, к моему удивлению на его призыв вышло трое.

— Мы должны отказаться от будущего! — продолжал этот сумасшедший. — Иначе, гореть нам в вечном пламени! Только те слепы, кто не желает видеть! Раскройте глаза, пусть

спадут шоры, все уже сказано в библии!

— Да, мы видим, мы видим! — ответила вышедшая троица.

— Вы готовы к искуплению? Готовы, встретиться с создателем?

Вышедшая троица замялась, но тут парнишка лет двадцати смело выступил вперёд и громко ответил:

— Да! Готовы! Мы уже давно должны были встретиться с Создателем! Вся моя семья уже в Его чертогах и если бы не руководство станции я был бы уже с ними! Это жестоко разлучать нас! Я хочу к ним! Хочу исполнить слово Божье и искупить вину!"

"Да они чокнутые! — вертелось в моей голове. — Что же здесь происходит? Это сумасшествие какое-то!"

— Подойди, сын мой! — не унимался этот шизоид, которого почему то вся эта толпа слушала, открыв рот. — Я отпускаю твои грехи! Иди с миром к своей семье и к Создателю!

И с этими словами он вложил парню какой-то свёрток в руки. Парнишка, совершенно счастливый, развернулся к толпе и воскликнул:

— Восславим слово божье! Искушим вину! Искупительная жертва! Я помолюсь за вас братья и сестры! Встретимся в чертогах божьих! — и парень торжественно, под одобрительный гул и поздравления, ушёл с собрания.

Молодая девушка из их компании всхлипнула и начала пятиться назад.

— Ты! Дочь моя! Подойди ко мне! — увидев её сомнения, фанатик решил подтолкнуть её к нужному ему действию.

Девушка как-то затравленно дернулась и залопотала:

— Нет-нет, я ещё не готова. Я ещё не готова. Я попозже... Я пока не хочу!

— Братья, помогите ей встать на путь истинный! — громогласно воскликнул этот чокнутый и несколько бравых молодцев подхватили даму под руки и подвели к оратору.

— Как тебя зовут, дитя моё?

— А-алиса.

— Кого ты потеряла в том грешном мире, Алиса?

— Всех! — плакала она. — Я потеряла всех, но я пока не готова...

— Конечно готова! — перебил её фанатик. — Это демоны! ДЕМОНЫ СЕЯЮТ СОМНЕНИЯ В ЕЁ ДУШЕ! Братья! Сестры! Не дадим пасть этому дитя! Поможем встретиться с создателем!

И он подошёл вплотную к девушке и что-то тихо зашептал ей на ухо. Девушка плакала и качала головой. Было видно, что она не может принять то, что говорил ей фанатик. В какой-то момент в толпе, сначала шёпотом, а потом все громче, стали раздаваться возгласы:

— Искупление! Искупление! ИСКУПЛЕНИЕ! — скандировала толпа.

Мне казалось, что ничто не может убедить девушку поступить так, как от неё ожидают все. Но, к моему удивлению, она начала успокаиваться, а потом и кивать головой, в знак согласия с фанатиком. Через минуту девушка со счастливой улыбкой и свертком в руке покинула зал.

Смотреть дальше на это безумие не было желания и я развернулся, желая уйти. И так понятно, чего добивается этот "пророк".

Пообещав себе поднять этот вопрос на ближайшем собрании, я со спокойной душой попытался покинуть собрание.

Но, народ вновь зашевелился, провожая третьего участника. Парень был счастлив и трепетно держал свёрток двумя руками. Люди вокруг поздравляли его и подбадривали.

На следующий день всех троих нашли мёртвыми в своих жилых отсеках.

Трое молодых, здоровых людей покончили с жизнью по наставлению какого-то шизоида! Как он так смог запудрить им мозги? Его бы умение, да в нужное русло...

Но эти мысли пришли мне в голову гораздо позже. А сейчас я хотел лишь покинуть собрание, да получше отмыться, а то вдруг это безумие заразно? Мне и своего хватает.

Толпа пришла в полный восторг. Несколько человек даже решили повторить подвиг троицы, но "пророк" не позволил.

— Не сегодня, дети мои! — скорбно сказал он. — Иначе руководство станции заподозрит нас, предпримет меры, чтобы остановить это! Но я обещаю, что ваш день наступит! И мы торжественно проводим вас! А сейчас прошу поприветствовать нашего гостя! Он скромно стоял в стороне всю нашу литургию, но не поднял тревогу. Не сбежал. поприветствуйте нашего нового брата! Брат Багрович Вячеслав Сергеевич! Он поможет нам нести нашу веру в руководство станцией и наша миссия будет выполнена! Весь род людской сгинет со света!

Я тогда решил, что жутко попал, но кто мог знать, что я обрету верных помощников.

Наобещал я им с три короба о том, что помогу истребить всю станцию... Со временем конечно. Со временем. И попросил притихнуть пока, чтобы не вызывать подозрения. Так у меня и появились личные телохранители и исполнители грязной работы.

А как с ними потом расправиться я придумаю. Обязательно придумаю, когда добьюсь полной и безоговорочной власти. И бессмертия, конечно!

— Ну почему нельзя плыть на нормальной лодке? Вон там, снаружи, их столько! К чему эти сложности?

— Эти, как ты их назвал, нормальные лодки всего лишь музей на воде. Они давно выведены из эксплуатации. А наша малышка, не просто на ходу, она самое совершенное чудо техники! — разошёлся морпех. — На ней мы будем в полной безопасности!

— Но, может быть, все-таки, лучше на обычной лодке? — не терял надежды я.

— Только Левиафан может преодолеть этот путь! И то, если будем осторожны! В море есть твари, которые опасны даже для него! Надеюсь, конечно, что они нам не повстречаются. А на тех углых лодчонках выйти в открытое море — верная смерть. К тому же там и экипаж побольше нужен. А для Левиафана не нужна такая толпа.

Я стоял и смотрел на наш транспорт и не мог заставить себя зайти на борт этого чудовища.

— Ты чего топчешься тут? — спросил морпех. — Все уже давно внутри. Погоди-ка! Ты что, боишься? Клаустрофобия?

— Не то чтобы прям Клаустрофобия, но меня страшит долговременная изоляция в тесном пространстве и возможность захлебнуться токсичными водами океана.

Морпех зычно рассмеялся.

— Не бойсь! Не захлебнёшься. Не успеешь. Помрешь раньше, чем вода заполнит трюмы! — хохотал он. — А вообще это странно, ты не находишь? Ты вполне комфортно чувствовал себя на шаттле в открытом космосе, а сейчас боишься.

Морпех пожал плечами и легко взбежал по сходням на лодку.

Что ж, в чем-то он прав. В любом случае выбора не остаётся.

Прежде чем подняться на борт корабля, я решил хорошенько осмотреть его. Да уж. Действительно чудо техники!

Вытянутая, металлическая конструкция корабля напоминала древний патрон огнестрельного оружия. Плавная обтекаемая форма, без единого изъяна, заставляла любоваться ею. Матовая черная поверхность будто приглашала погладить её, приласкать. Но больше всего поражали колоссальные размеры корабля. Как такая махина вообще держится на плаву и не идёт ко дну?

— Подлодка... — пробурчал я себе под нос. — Ну почему именно подлодка? Черт, ладно, пора на борт.

Осторожно подошёл к сходням судна, словно это живое существо, способное сожрать меня в один присест. Да уж, похоже, после всех этих событий с мутантами, психика окончательно нарушена, если уж в неодушевленном предмете мерещится чудовище. Ещё название такое... Подходящее. Левиафан. Древнее чудовище морских пучин. Умеют же наши военные придумывать атмосферные названия.

Подняться по сходням не составило труда, а дальше передо мной открылся зев люка и блестящие, отполированные перекладины лестницы.

Сделав несколько вдохов-выдохов, я опустил ноги в люк и начал спускаться. Только достигнув последней ступеньки, я понял, что задержал дыхание, словно перед погружением под воду. Шумно выдохнув, я поспешил осмотреться.

— Ну что, живой? — хохотнул морпех, поднимаясь наверх и заdraивая люк. — проходи,

устраивайся. Жилые каюты в хвосте корабля.

Я благодарно кивнул морпеху и отправился искать каюты. Как ни странно, внутри было довольно уютно. По моим ощущениям здесь должно было быть темно, мрачно и душно. Но нет. Всё внутреннее пространство заливал мягкий свет, а воздух был свеж и приятен, а ведь я уже начал забывать каково это — дышать без фильтрующей маски.

Коридоры лодки были светлыми и чистыми, словно идёшь по больничному коридору. Через пару метров, я понял, как обеспечивается такая чистота — по полу сновали роботы-уборщики. Наверное, включились, когда команда активировала корабль.

Дойдя до кают, я понял, что большая часть нашей группы уже с удобством расположилась в них и занимаются своими делами.

Не стал тянуть резину и я. Выбрал первую пропавшую я каюту и сбросил на койку свои вещи. Каюта была рассчитана на четверых. Две койки были уже заняты мирно спящими на них морпехами. Во дают! Уже дрыхнут!

Выйдя тихонько из каюты, я наткнулся на Игната.

— Ты чего, в каюте морпехов поселился? — удивился он.

— Ну да. А что?

— Ты это, лучше перенеси вещи в мою каюту. Там как раз место свободное есть. Морпехи просто предупреждали, чтобы в их каюту никто не селился.

— А чего так?

— Ну, так они ж вахтами работают. Пока первая пара в отсеке управления, вторая пара отсыпается.

— Ясно. Я-то думаю, чего они уже спать завалились.

Перенёс вещи в каюту Игната и задумался, чем бы занять себя.

На удивление атмосфера внутри подлодки была умиротворяющей, народ вёл себя расслабленно. Кто-то уходил в глубь корабля, кто-то мирно общался, словно и не погребло меньше часа назад несколько наших товарищей.

— Ну ты чего тормозишь-то? — спросил неугомонный Игнат топчась у выхода из каюты. — Здесь остаёшься?

— А что, есть предложения чем заняться?

— Эх, Леха. Пропустил вводный инструктаж, делай как все! Сейчас будет сход на воду! Интересное зрелище, наверное! А потом Влад обещал экскурсию провести. Пропустишь всё самое интересное!

— Ну, так я с вами! — ответил я, поднимаясь с узкой койки и направляясь вслед за Игнатом. Всяко лучше, чем оставаться одному, без дела под гнетом своих мыслей. — Ты говоришь, что зрелище будет интересным? Но только вот как мы все это увидим? Ведь лодка совсем глухая! Смотровых окон я не заметил.

— А я почём знаю? — пожал плечами Игнат и отправился в сторону отсека управления.

Народу здесь оказалось достаточно много, так что пришлось потесниться к стенам, чтобы не мешать команде управлять судном.

— Ну что? Все желающие собрались? — усмехнулся Долохов. — Передаю командование капитану второго ранга Мезенцеву Матвею Петровичу и его команде. Теперь все зависит от вас, ребята! Пост сдал.

— Пост принял! — откликнулся капитан. — Начинаем спуск на воду. Воропаев, открыть обзор!

— Есть открыть обзор!

Только сейчас я понял, как мы будем наблюдать спуск корабля на воду. Это было потрясающе. После некоторых манипуляций все стены отсека управления стали прозрачными. Подойдя близко и уткнувшись носом в стену можно было увидеть её впечатляющую толщину.

— Не может быть! — восхитился я. — Бартоломеевский сплав!!! Очень дорогая технология!

— Запускай плавдок, выводи нас! — раздавал указания капитан.

— Есть запустить плавдок! — тут же откликнулся Влад Воропаев.

И снаружи закипела работа.

— Слушай, Лёх, а что там за бартоломеевский сплав? — шёпотом, чтобы не мешать команде работать, спросил Игнат.

— Давай позже, ладно? — попросил я его. — Интересно ведь!

Игнат кивнул в знак согласия, потому что происходящее было интересно не только мне.

— Люки задраены? — спросил капитан.

— Так точно! — ответили ему.

Тем временем судно слегка тряхнуло и по бокам подлодки начали подниматься вертикальные башни плавдока до тех пор пока судно не оказалось в прямоугольном горизонтальном понтоне с водой, с двумя вертикальными полыми стенками. Перед судном открылись ворота и через них тут же хлынули потоки рыже-белых меховых комков, которые, огибая плавдок, устремлялись вглубь сооружения, в поисках добычи.

— Вывожу плавдок на воду. — сосредоточенно пробубнил Воропаев.

Плавдок с подлодкой на борту мягко вырубивал на середину реки. К этому моменту уже вовсю догорал закат. Тускло-серое, вечно затянутое облаками, небо окрасилось в грязно-розовый цвет, а с противоположной стороны медленно, но неотвратимо надвигалась тьма.

— Начинаю докование. Итак, топим плавдок! Балластный насос запущен! — отрапортовал тем временем Воропаев и подал короткий звуковой сигнал.

По всему кораблю зазвучал приятный женский голос:

— Внимание! Докование! Заборный клапан открыт. Заполняются горизонтальные балластные цистерны. Всему экипажу быть предельно внимательными. При обнаружении течи, немедленно сообщить в отсек управления!

— ГБЦ заполнены. Начинаю заполнять боковые башни.

Судно, вместе с плавдоком плавно опускалось на воду.

— Закрываю клапаны балластной системы. Боковые башни заполнены. Левиафан на плаву! Спуск на воду прошёл без происшествий. — отрапортовал морпех.

— Запустить реакторы. Малый вперёд. — отдал команду капитан.

— Есть, малый вперёд!

И судно, плавно рассекая воду, покинуло плавдок, как птенец покидает свое гнездо. Несколько минут все заворуженно наблюдали за тем как жадно лижут волны борт корабля, а потом начали расходиться.

— А я не понял, — возмутился Игнат, — мы погружаться не будем что-ли? Это ж подводная лодка!

— Не в русле реки. — ответил Долохов. — Слишком опасно! Выйдем в море и вот тогда...

— Всё понятно, командир! — дурачился Игнат. — Концерт окончен.

— Именно! — и Долохов вышел из отсека управления.

— Так что? — повернулся Игнат ко мне. — Расскажешь мне про этот варфаломеевский сплав? Почему ты так удивился?

— Не варфаломеевский, а Бортоломеевский. — поправил я его. — И да, расскажу. Около двух лет назад японский учёный, Бартоломео И, изобрёл многокомпонентный сплав с удивительными физическими свойствами. Помимо того, что это аустенитный сплав, то есть жаропрочный, и сверхпрочный, он ещё обладает способностью временно становиться абсолютно прозрачным под воздействием определённого энергетического импульса.

— Так почему он редкость? Почему не используется повсеместно? — не унимался Игнат.

— Всё не так просто. — Ответил ему я, заметив что капитан Мезенцев прислушиваться к нашему разговору. — Многие компоненты этого сплава находятся в таком дефиците, что я не удивлюсь, если на эту стену потратили весь годовой запас нашей страны. Плюс к тому, сложный механизм изготовления и установки. Пластины из этого сплава устанавливаются ещё не остывшем, пластичном виде, потому что позже, когда она остынет, подогнать заготовку будет невозможно. То есть эту стену устанавливали на Левиафан непосредственно в том месте, где происходило изготовление сплава. Ну и вишенкой на этом торте будет тот факт, что до сих пор не научились контролировать время, на которое сплав становится прозрачным. Это непредсказуемый фактор. То есть Левиафан мог иметь все шансы заполучить стену, которая становится прозрачной на доли секунды. И это при том, что стоимость компонентов колоссальная! А энергетические затраты просто чудовищны! Уже сейчас ты сам можешь заметить как мутнеют стены корабля. И это неплохой результат! Лабораторные исследования были менее продолжительны.

— И все равно судно только выиграло, когда установили её! — вмешался Мезенцев. — Теперь эта лодка практически неуязвима!

— Капитан...

— Можно просто Матвей Петрович. Мы же с вами прекрасно понимаем, что того мира, в котором придумали эти звания, уже нет. — грустно усмехнулся он.

— Матвей Петрович, — поправился я, — вы же понимаете, что практически неуязвима, не равно абсолютно неуязвима! Мы-то с вами знаем, на что способна природа, которую разозлили.

Матвей Петрович опустил голову, соглашаясь со мной.

— Никогда мир не видел столь кровожадных и живучих тварей...

— Давайте будем честны, — не согласился я, — они кровожадны только по отношению к человеку! Как только из зоны их видимости исчезает человек, они становятся обычными животными...

— Обычными? — воскликнул Игнат. — Ну, ты загнул!

— Да, обычными! Пусть и непривычными нам, но все же это просто животные. Просто вся экосистема Земли изменилась. Человека, как бы, удалили из неё и мы стали здесь чужими. Вот все живое и пытается уничтожить эту чужеродность, ради собственного благополучия.

Мы долго молчали, глядя на постепенно уплотняющуюся стену.

— Так что, человечеству "крышка"? — зло спросил капитан. — Человечеству вынесен смертный приговор и обжалованию он не подлежит?

— Да, пожалуй так оно и есть. — согласился я.

— Неужели ничего нельзя сделать? — вмешался Игнат. — Может со временем появится

способ как-то зачистить территорию, чтобы стало безопасно и люди вернутся на Землю?

— Зачистить целую планету? — удивился я. — Уничтожить всю экосистему? Нет, не получится. К тому же воздух, вода и почва тоже изменились. Тем более мы пытались и у нас ничего не вышло. А сейчас и тем более не выйдет.

— Почему?

— Потому что нас слишком мало, Игнат. И потому что мы уже проиграли эту войну.

— Так что теперь? Просто лечь и помереть?

— Нет, конечно. — улыбнулся я. — Для этого мы сюда и прилетели. Необходимо наладить приемлемую жизнь оставшимся людям. По крайней мере, в данный момент мы можем только это. А все остальное будем решать позже. Сейчас главное — выжить.

Все надолго замолчали. Стены отсека управления вновь стали непрозрачны и теперь судно шло только по приборам.

— Матвей Петрович, проведёте нам экскурсию по кораблю? — спросил я.

— Это лучше Владу сделать. — отмахнулся он. — Лучше него никто не знает корабль. Воропаев, проведёшь экскурсию нашим любопытным пассажирам? Я подменю тебя на посту.

— Конечно, Матвей Петрович. — откликнулся парень. — Пойдёмте, ребята. Покажу и расскажу, на что способна эта детка.

— Ты говоришь о ней, как о любимой женщине! — усмехнулся Игнат.

— Что? Нет, конечно!!! Левиафан гораздо лучше! Он само совершенство! Я люблю этот корабль больше всего на свете. Жаль, что на Луну его не забрать.

— Понимаю. — вздохнул Игнат.

— Итак. Отсек управления вы уже видели. — вдохновенно начал рассказ Влад. — Под ним, уровнем ниже находятся глаза Левиафана, сканеры, гидроакустические сенсоры, с десятков одноразовых передающих буёв и прочая техническая составляющая корабля. Там же находится и Малый Гедониевый Реактор.

— Малый? Насколько малый? — заинтересовался я. — Как такую махину может поддерживать малый реактор?

— Вот как раз в этом и есть вся прелесть Левиафана. МГР необходим только для выхода в море и запуска Главного Реактора.

— Зачем такие сложности? Зачем два реактора?

— Конструкция Левиафана очень сильно отличается от конструкции старых подлодок. Главная балластная цистерна находится не в "рубашке" корпуса, как раньше, а в центре корабля, являясь одновременно частью реактора.

— Ничего не понимаю. — удивился я.

— Неудивительно. — Улыбнулся парень. — У Левиафана много сюрпризов. Дело в том, что главная цистерна является одновременно и балластом для погружения, и реактором, и системой жизнеобеспечения.

Влад замолчал, упиваясь нашей растерянностью.

— Хватит ходить вокруг да около. Мы уже удивлены как никогда. Рассказывай!

— Ладно-ладно! — смеялся он. — Только не бейте. Все дело в Главном реакторе. Вода из Главной Балластной Цистерны поступает в реактор, где подвергается..... Та-д-ам... Гидролизу!!!! Под воздействием электрического тока морская вода разлагается на кислород, который поступает в системы жизнеобеспечения, и водород, который является чистейшим источником энергии. Вот такое безотходное производство! Все гениальное. — просто!

— А первоначальный импульс для запуска реакции гидролиза реактор получает от Малого Гедониевого Реактора? — догадался я.

— Именно! Поэтому и малый, что нужен лишь для запуска основного.

— Удивительно! — покачал головой я. — Если бы подобные технологии были лет двести назад, то, возможно, мы не довели бы планету до такого состояния.

— Самое удивительное в том, что это технология 21 века! Только они не смогли придумать применение. Или же не захотели.

Влад долго водил нас по кораблю, показывая то высокотехнологичные лаборатории, то системы вооружения, которыми очень заинтересовался, заскучавший было, Игнат.

Так и пролетели несколько часов.

Уставшие, но довольные мы с Игнатом вернулись в свою каюту, а Влад вернулся на пост.

— Я устал! — простонал Игнат, блаженно потягиваясь на узкой койке.

— Ребят, вы если ходите где-то полночи, то хотя бы не шумите, возвращаясь. Люди тут спать пытаются! — послышалось с верхней койки.

— Спать? — удивился я. — А который сейчас час?

— Да уже половина пятого, Леха! — хмыкнул Игнат. — И правда, спать пора.

— Вот это экскурсия! — присвистнул я и с удовольствием закрыл глаза.

Но, поспать нам этим утром было не суждено.

Алексей.

Через колонки внутренней связи раздался короткий звуковой сигнал и приятный женский голос возвестил:

— Внимание всему персоналу! Приготовиться к погружению! Внимание! Приготовиться к погружению.

В коридоре послышались голоса и топот множества ног. Наши соседи по каюте с протяжным стоном встали и тоже отправились на выход.

— Ну и куда они все? — спросил я у Игната, который тоже уже собирался выходить.

— На инструктаже, который ты пропустил, говорили, что при погружении все должны присутствовать. Каждому определяют зону ответственности, в которой он будет следить за целостностью корабля. Сказали, что опасно очень.

— Вот и поспали! — в сердцах сказал я.

— Да не переживай! Поспим. Это ненадолго. Надеюсь...

Я хмыкнул от такого оптимизма и отправился вместе с Игнатом в общую столовую, где происходило распределение людей по зонам корабля.

Многие, уже получив свое задание, выходили из столовой и отправлялись на свои точки.

— Леха, ты с Игнатом отправитесь в лаборатории. — сообщил нам Влад, когда подошла наша очередь. — Ничего делать не нужно. Просто сидите там и в случае, если заметили течь, то сообщаете в отсек управления. Дальше уже будет работать аварийная команда.

— Ясно. — устало буркнул я. — Ну, и какова вероятность течи?

— На моей памяти на Левиафане ни разу не было. Но все правила техники безопасности написаны кровью погибших людей! Так что лучше перебдеть!

— Ага, ясно. — ответил я и отправился на свой пост. — Надеюсь погружение пройдет быстро и без происшествий. Спать хочется зверски!

— Это точно! — усмехнулся Игнат. — Может тебе энергетик кольнуть? Реально плохо выглядишь!

— Да не, справлюсь. — отмахнулся я.

— Ну, смотри, моё дело предложить...

Разговаривать дальше не было ни сил, ни желания, поэтому до лаборатории мы с Игнатом добрались молча, благо идти было недалеко.

"Внимание! Всем персоналу! Дифферент на нос. Внимание! Дифферент на нос". голос из динамиков раздался настолько неожиданно, что я подскочил на месте и затравленно начал озираться. Когда понял, что произошло, с облегчением выдохнул и обернулся на Игната. Напарник выглядел ничуть не лучше меня — обеспокоенный взгляд, напряжённое тело.

— Да уж, психику нам всем нужно подлечить. — хмыкнул он и сделал вид будто ничего не произошло. — Так недолго и «кукушке поехать».

Я промолчал, поскольку глубоко сомневался, что моя «кукушка» на положенном ей месте. Да и вряд ли такое лечится. И специалистов наверняка не осталось. Хотя, нужно будет предложить ввести на станции обязательную беседу с психологом, если таковые есть. А то мало ли, что могут натворить люди, находясь в пограничном состоянии рассудка.

Между тем лодка начала слегка вибрировать и издавать странные звуки. Складывалось

ощущение, будто снаружи кто-то навалился на металл, и он стонал от тяжести и напряжения, а временами, будто кто-то огромный, проводил когтями по обшивке, от чего раздавался мерзкий скрежет.

Спать сразу расхотелось. В ушах шумело и пульсировало.

— Эй, ты чего? — всполошился Игнат.

— А ты не чувствуешь? — удивился я. — В ушах шумит!

— Да нет, ничего у меня не шумит. Да и не должно! Тебе бы доку показаться.

— Да нормально все. Уже прошло. — отмахнулся я. — Просто у меня сотрясов за последние месяцы было больше, чем за всю жизнь. Да и совсем недавно башкой хорошенько приложился, когда в подвал упал.

— А-а-а, ну понятно. Но ты это... Все равно к доку сходи, а то мало ли...

— Угу...

На этом разговоры как-то сами собой стихли. Мы напряжённо ходили по лабораториям и всматривались в стены.

"Внимание всему персоналу! Дифферент на ноль. Внимание! Дифферент на ноль Дежурной смене явиться в отсек управления. Остальным отбой".

Голос из динамиков, как обычно, прозвучал неожиданно, но в этот раз я смог сдержать себя и не вздрогнуть.

"Спокойно, Леха! — мысленно успокаивал я сам себя — Здесь вроде безопасно".

— Ну что? — спросил Игнат. — По койкам и на боковую?

— Угу... С ног уже валюсь.

До нашей каюты дошли уже в полусне и не раздеваясь завалились спать.

Сон навалился тяжёлым, ватным одеялом и не отпускал очень долго.

Когда же я проснулся, то почувствовал себя невероятно отдохнувшим. В теле присутствовала какая-то лёгкость, на душе отчего то было радостно.

Не понимая своего состояния, я нахмурился и попытался найти причину изменений в своем организме, но ничего не вышло.

— Проснулся, спящая красавица? — хохотнул Игнат с соседней койки. — Я уж беспокоиться начал.

Игнат, тоже выглядел бодро и свежо.

— Че за фигня? — буркнул я. — Меня словно накачали чем-то.

— Чё, настроение хорошее? — ржал напарник.

— У тебя, как я погляжу, тоже не печальное! — рыкнул я.

— Спокойно-спокойно! — ответил Игнат, поднимая руки в успокаивающем жесте. — Нас, можно сказать, и правда накачали. Кислородом.

— Чего?

— Ну, помнишь, Влад рассказывал про главный генератор судна? Так вот, его запустили. Чтобы двигать такую махину, необходимо много водорода, соответственно и кислорода у них в избытке. Вот его и пустили в системы жизнеобеспечения. Наше состояние связано с хроническим кислородным голоданием, но мы скоро привыкнем к такому уровню кислорода и эйфория пройдет.

— А ты откуда знаешь? — уже спокойно спросил я. — Вроде не учёный.

— Так я, проснувшись, первым делом к доку сгонял. Он-то мне все и рассказал.

— Ясно. Долго я спал? Что нового случилось?

— Дрыхнешь ты уже почти сутки. Док сказал не будить тебя. Все равно заняться особо

не чем. Вот и отлеживаем бока. А нового... Нового ничего нет. Судно идёт тихим ходом, чтобы не привлекать к себе внимание живности. Так что скука смертная!

— Ясно. — в животе забурчало, напоминая о том, когда я в последний раз ел. — Пойду, пожру. А то голодный, как стадо мутантов.

— О, здравая мысль! — оживился Игнат. — Я с тобой!

Несмотря на голод, в теле чувствовалась сила и энергия. Да уж, практически сон в барокамере получился. Организм насыщен кислородом под завязку.

Лёгкой походкой, чуть ли не вприпрыжку, мы добрались до камбуза, где, как оказалось, находилось довольно много народу.

— Часть людей направлена на обучение и усиление дежурных смен, часть находится на смотровой палубе, ну и часть здесь. — объяснил Игнат. — тут камбуз совмещён с кают-компанией. И тебе жрачка, и развлечения.

Действительно, народ в помещении был занят самыми разнообразными делами. Кто-то читал электронные книги, кто-то играл в шахматы, кто-то в настольный теннис, а кто-то и вовсе пребывал в виртуальной реальности.

Мы подошли к аппарату синтеза пищи и я завис над меню.

— Твою ж...

— Ага, я тоже подохренел над рационом подводников. — ухмыльнулся Игнат. — Это ты ещё не попробовал!

— Настолько все здорово? — машинально спросил я. — Вот сейчас и попробую. Лимит есть?

— Не-а! В том-то и прикол. Жри, сколько влезет!

Я лишь мог удивлённо покрутить головой. Заказал себе самое невероятное меню — овощной салат, гарнир из бобовых и лососевый стейк, бутерброд с красной икрой и смородиновый морс. Конечно, вся пища синтетическая, но исходники, необходимые для ее изготовления невероятно дорогие. Вот это финансирование!!!

Дождался пока аппарат издаст сигнал о готовности пищи и с подносом ушел за свободный стол. Выглядела вся еда просто потрясающе, словно настоящая. Несколько минут я даже не мог решиться попробовать такую красоту. А когда попробовал...понял, почему у высшего руководства станции своя столовая со своими синтефабриками. Да уж, несмотря на свои заслуги перед страной и миром, я до такого ещё не дослужился. А тут простые моряки питаются элитной пищей.

— Это все связано со стрессом. — прервал мои раздумья капитан Мезенцев.

— М-м? — удивился я. — Разве я что-то спросил?

— Да на лице у всех вас это написано! — расхохотался он — Подводники долгое время находятся в замкнутом помещении. Это влияет на психику, а вкусная, разнообразная еда стимулирует выработку эндорфинов. К тому же каждый выход в море — это смертельная опасность. Неужели мы не заслужили хотя бы нормальной еды?

— Пока что я тут никакого стресса не заметил. — пробурчал я с полным ртом сочного стейка. — Условия как на курорте.

— Это пока! — возразил он. — Вы здесь всего второй день, а мы месяцами, порой, не вылезаете из этой консервной банки. Ешь и радуйся, что тут такая синтефабрика, не то наше путешествие было бы гораздо тяжелее. Советую на ужин взять бокал вина. Спать спокойнее будешь...

И с этими словами капитан взял свой поднос и отправился к утилизатору, а затем и

вовсе покинул камбуз.

— Ну что, Игнат, покажешь мне, как тут время скоротать? — спросил я, когда мы закончили завтрак.

— Ну, в общем, тут и показывать нечего. Все здесь, — развел руками он, — на камбузе. Смотри и выбирай, что по душе.

— Да уж, не густо. — пробормотал я. — Но оставим развлечения на момент, когда совсем все плохо будет. А пока расскажи, что ты там про обучение говорил?

— Ну, некоторых из наших приставили к специалистам подлодки, чтобы в случае чего подсобить могли. Это раньше при любой экстренной ситуации подлодка могла вернуться и запросить замену пострадавшему члену экипажа, а сейчас заменить-то некем. Здесь только мы.

— Ну что ж. Пойдем к капитану. Он определит, чем мы можем быть полезны здесь. Не хочется, в минуту опасности «сидеть на жопе ровно» и надеяться, что кто-то спасёт тебя.

Я нарочно сказал это громко, чтобы праздно слоняющиеся по камбузу призадумались. И это подействовало! Несколько человек, отложив свои дела, решили пойти с нами.

Так мы дружной компанией и ввалились в отсек управления, где, на удивление, царило оживление и суета.

— Кажется мы не вовремя! — прошептал Игнат. — Им тут не до нас.

И правда, народ в отсеке управления суетился, сверялся с данными и что-то полусшепотом обсуждал меж собой. Мы же тихонько отошли в сторону и старались не мешать, дожидаясь подходящего момента для нашего вопроса.

Я молча смотрел на Игната и стоящих рядом парней, подмечая, насколько они изменились после погружения.

Вообще, Игнат меня очень удивил. Уверенный в себе, боевой, с уникальными способностями парень, вдруг превратился в нерешительного и забитого. И чем больше я присматривался к нему, тем больше понимал причину. На земле Игнат был стрелком, чуть ли не главным в своем отряде. От его умения и его оружия зависели жизни товарищей, он был ответственным за них. А теперь что? Он всего лишь балласт. До поры до времени, конечно, но бесполезный балласт.

В последнее время на станции я много раз видел такие же потерянные глаза как у него, такие же, чуть втянутые в плечи, напряженные шеи. Люди на станции были вырваны из привычной среды и не могли приспособиться к новым условиям. Меня все мучил вопрос, как же я могу им помочь? Мне хотелось сделать жизнь на станции более комфортной для всех, чтобы люди начали привыкать к новому дому. Но все время меня отвлекали более насущные дела — еда, воздух, расширение территории, разморозка людей, эти чёртовы бюрократы. Но вот сейчас, сейчас ведь у меня вагон времени и, если я пойму как помочь Игнату, то пойму и как помочь остальным.

— Игнат, ты всегда был стрелком на Колбаске? — спросил я первое, что пришло в голову, лишь бы начать разговор. — Всегда был оператором Плети?

— Что? — удивился он. — А! Ну нет, конечно. Плеть вообще недавнее приобретение. Раньше пулеметами, да автоматами обходились. А однажды, мы в такую засаду попаду, что уже и не чаяли выбраться. Энергоблоки для оружия разряжались со скоростью света и в итоге остались только автоматы, да один пулемет. Но мы-то были в окружении тварей. Вот я и вылез на крышу с единственным оставшимся пулеметом. Выбрались мы тогда, конечно, больше чудом, чем благодаря мне, но после того случая на крыше появился, сначала пулемет

на круговой платформе, а после и Плеть приспособили. Так я и стал оператором Плети. У нас ещё двое умеют ей управлять. Это на случай... Ну, ты понял.

Удивительное дело, когда Игнат рассказывал свою историю, он оживился, расправил плечи, а когда закончил, в глазах затаилась тоска. Человек, потерявший способность влиять на собственную жизнь. Человек, попавший в зависимость от других. Вот оно! Вот что его беспокоит! И я знаю, как это исправить!

— Алексей, с чем пожаловали? — спросил один из морпехов. — Нам тут сейчас немножечко не до вас.

— Вот мы как раз за этим и пожаловали! — быстро, пока нас не отшили, ответил я. — Мы хотим быть полезными! Вам нужно распределить всех людей на борту и закрепить за дежурными сменами. Так мы и слоняться без дела не будем, и пользу приносить! Да хоть бы мелкие поручения выполнять.

— Ну, вообще, сейчас не до...

— Дело он говорит! — вмешался капитан Мезенцев. — Дело! Действительно нужно этим заняться! Но сейчас для вас будет особое поручение. Сразу для всех.

— Слушаем! — ответил я за всех, заметив, как оживились ребята, понимая, что они нужны команде.

— Вам необходимо пройти по всему кораблю и сообщить всем, что впереди у нас опасный мутант. Мы "ляжем" на дно и переждем, пока тварь проплывет мимо. Всем необходимо соблюдать полную тишину, до тех пор, пока по внутренней связи не будет объявлено, что опасность миновала.

— А почему бы по внутренней же связи не объявить об этом? — удивился Игнат.

— Потому что тварь уже близко, а слух у нее хороший! Ясно?

— Так точно!

— Тогда выполняйте приказ. А потом желающие могут прийти на смотровую палубу и полюбоваться тезкой нашего корабля. К нам левиафан пожаловал, что очень странно. Редко они заплывают в столь холодные воды.

— Так подлодка была названа в честь мутанта? — опешил я.

— Ну да. Руководству это показалось удачной идеей. Лодка огромна и чем-то напоминает морское чудовище. Но вам некогда здесь лясы точить. Хотели помочь? Помогайте! И помните, нужно соблюдать тишину!

Ближайшие минут пятнадцать мы ходили по кораблю и шепотом объясняли всем ситуацию. Мы уже почти закончили, когда корабль несильно стукнулся об дно. Это было неприятное ощущение — осознавать, что над тобой миллионы тонн токсичной воды и тысячи тварей, жаждущих сожрать тебя. Толчок вызвал небольшое волнение, но все быстро успокоились и разошлись по своим каютам.

Желающих посмотреть чудовищного исполина почти не нашлось. Только я, Игнат, пара морпехов, да биолог наш решили идти на смотровую палубу, где стены уже стали прозрачными, а свет отключили, чтобы нам было лучше видно чудовище в темной бездне вод.

Сначала я даже не понял, куда нужно смотреть, но потом огромный, более темный, участок океана подернулся и начал двигаться в нашу сторону. Мне даже показалось, что это обман зрения, но я быстро понял, что это не так. Тварь приближалась с правого борта и все взоры были устремлены на нее.

— Самую большую опасность несёт не сам левиафан, а его орда. — шептал мне на ухо

биолог Даниил. — Огромная стая рыб-прилипал уничтожает все живое на своем пути. Это морская саранча.

Тем временем мы уже могли рассмотреть не только силуэт твари, но и ее огромную, зубастую пасть, фосфоресцирующие полосы на теле, короткие лапы и тучу мелких, по сравнению с ним, рыбок. Все замерли, боясь шелохнуться. Эта громадина была величиной с наш шаттл!!!

— А он нас не увидит? — обеспокоенно прошептал Игнат.

— Нет, не должен. — так же тихо ответил Даниил. — Свет специально выключили, чтобы его внимание не привлекать. Сейчас мы неотличимы от дна.

Внезапно яркие светящиеся полосы на теле твари погасли и она резко повернула в сторону.

— Почему он так резко свернул? — тихо спросил я у Даниила.

— Не знаю. Может добычу почуял. — пожал плечами он. — Вон, видишь и лампочки свои выключил — маскируется, наверное.

Все согласились с предположением биолога, ведь выглядело все именно так. Но как же мы ошибались! Тварь вовсе не охотилась, а улепетывала подальше от врага пострашнее. Но кто мог предположить, что у такого гиганта могут быть конкуренты.

Ксюша.

Последующие несколько дней мы провели, практически не выходя из палаты. Моника очень изменилась. Стала замкнутой, задумчивой, слишком спокойной для ребенка. Она могла долгое время сидеть и смотреть в одну точку, находясь в своих мыслях. Доктор Петрова предупреждала, что такое возможно, ведь даже вообразить страшно, что пережила на Земле моя малышка. Посттравматический синдром. Возможно, когда-нибудь она будет готова рассказать мне о своих злоключениях, а пока я стараюсь не давить на нее. Лишь отвлекаю от ее грустных мыслей.

Все эти дни Моника старалась не отходить от меня. Помогала с Софией и пыталась вызнать, когда же всё-таки разбудят Марка от медицинского сна. Все чаще она смотрела на меня таким взглядом, что сердце мое просто разрывалось. Я старалась как можно чаще обнимать ее и говорить ласковые слова. Сможет ли она оправиться? Ведь то, что у нее повышенная регенерация не означает, что и душа исцеляется быстрее.

Вот и сейчас Моника уже минут десять сидела на кушетке и монотонно болтала ногой, а мыслями была где-то глубоко внутри себя.

— Моника, что с тобой? — не выдержала я. — Ты сегодня какая-то задумчивая? Малышка дёрнулась, словно проснулась от глубокого сна, прерывисто вздохнула и тихо спросила:

— Мам, почему вы меня не искали? Почему вы бросили меня? От ее слов я лишилась дара речи. Так и стояла, вытаращив глаза на дочь.

— Не понимаю. Ты вроде была рада меня увидеть? — по-своему истолковала мое молчание она. — Так почему ТАМ не искали меня? Ведь я была совсем рядом. А вы просто ушли. Я вам не нужна? Я могу уйти к тете Уле!

— Что? Какая тетя Уля? — очнулась я. — Никуда я тебя не отпущу! Мы искали тебя! Искали, Моника! Папа сразу же вернулся за тобой! И потом тоже искали! Но, наверное, не там. Я... Мы... Да мы с ума чуть не сошли, когда думали, что навсегда потеряли тебя!

Моника стояла, опустив голову. Складывалось впечатление, что она не верит мне.

— Моника? — ласково позвала ее. — Моника, доченька, ты что, не веришь мне?

— Я не... Я не знаю. — тихо прошептала она. — Я схожу до столовой. Принесу нам что-нибудь поесть — Я пойду с тобой! — категорично заявила я ей. — Я не оставлю тебя больше одну никогда!

— Мам, я сама! — отмахнулась она. — Хочу одна побыть.

И с этими словами Моника вышла из палаты, оставив меня в полном недоумении. Что мне теперь делать? Как все это разгрести одной? Как мне объяснить ей, что ее не бросили? В смятении я металась по палате из угла в угол, пока на планшет не пришел вызов.

— Андрей? — удивилась я. — Что-то случилось? От Лёши есть новости?

— Ну почему сразу что-то случилось? — улыбается друг, но мне он почему-то кажется встревоженным. — Все в порядке. От Алексея, конечно, нет вестей, но ты же сама понимаешь... Там не до звонков родным. Я позвонил просто, спросить, как ваши дела? Как дети?

— Все хорошо. — заторможенно отвечаю ему, а сама вытаращив глаза пялюсь на лист бумаги, что мне показывает Андрей. — Дети поправляются. Ну, насколько это возможно.

Скоро переедем в жилой отсек. Как ты? Как дети?

— Ой, у нас тоже все отлично. — говорит он, а сам качает головой и прикладывает палец к губам. — Надюша совсем к рукам привыкла, теперь целыми днями приходится ее на руках носить. Алан в лаборатории с Ульяной пропадает. Ты, кстати, давно ее видела? Вам бы пообщаться!

— А, да? Да! Давно пора. Как раз хотела попросить ее, чтобы она нас поскорее выписала. Все равно Марку уже лучше не будет, а поддерживающую терапию можно и у нас проводить.

— Это отличная идея!!! — показал большой палец вверх Андрей. — Ну, ладно. Мне пора кормить Надюшу. Будьте осторожны и звоните мне почаще!

Андрей отключился, а я ещё с минуту сидела и смотрела в пустой экран. Что значит Моника в опасности? Куда я ее должна спрятать? Что он имел в виду, когда показал мне лист с этой записью? Боже! Моника ушла в столовую!

Не теряя ни секунды, я открыла дверь палаты и нос к носу столкнулась с вооруженными людьми. И, что самое странное, они не выглядели как военные.

— Лаврентьева Ксения Андреевна? — спросил один из них.

— Д-да. — кивнула я.

— Нам нужна ваша дочь, Моника Алексеевна. Где она?

— Зачем? Что случилось? — начала задавать вопросы я, чтобы дать себе время подумать. — Никаких вопросов. Нам приказано сопровождать ее в лабораторию.

— Но ее уже забрали! — соврала я, молясь, чтобы Моника подольше задержалась в столовой. — Буквально минут пятнадцать назад!

— Что? — удивился мужчина. — Нам не сообщили!

— Ну, наверное, ошибка какая-то вышла. Но Моника здесь нет!

— Отойдите от двери. Мы должны осмотреть палату. — и меня грубо вытолкали в коридор. — Что вы творите? — возмутилась я. — Там же больные дети! Вам нельзя туда!

Но меня никто и не слушал. Быстро осмотрев палату, а также туалет с ванной комнатой, мужчины, ничего не объясняя, ушли.

А я стояла в коридоре и ничего не понимала. Зачем им моя дочь? Это то, о чём предупреждал Андрей? Нужно найти Моника немедленно!

— Мама? — Моника стояла возле меня и обеспокоенно топталась с ноги на ногу. — Кто это был?

— Моника! — Я схватила дочку и затащила в палату. — С тобой все в порядке?

— Да-да, все хорошо. Кто были эти люди? И зачем им я?

— Ты все слышала?

— Я уже подходила к палате, когда ты открыла дверь. Я все видела, поэтому свернула и зашла в одну из соседних палат. Там и переждала. И ты не представляешь кого я там встретила!

— Это все потом, Моника! Нам срочно нужно встретиться с Ульяной Михайловной. Здесь я тебя оставить не могу, так что пойдешь со мной.

— Мы прячемся от этих людей?

— Да, Моника, мы прячемся от этих людей и как только они поймут, что я соврала, то вернутся в палату, поэтому ты идёшь со мной!

— А если они встретятся нам в коридоре?

Моника была права. Со мной ей идти было тоже не безопасно. Где же мне ее спрятать?

И главное как? Как можно спрятать человека на станции?

— Мам, а может я пережду в той палате, где пряталась? Там ведь...

— Не может быть и речи! С чужими людьми я тебя не оставлю!

— Но там ведь...

— Моника! Пожалуйста, дай мне подумать! Мне нужно тебя спрятать, чтобы выяснить, что хотят от тебя эти люди, понимаешь?

— Понимаю, мама. — дочка взяла меня за руку и отвела на кушетку. — Но, если ты меня выслушаешь, то и думать не нужно будет! В той палате, где я пряталась, лежит тётя Лена. Она спит ещё, но я ведь все равно могу там посидеть. А если спросят, то скажу, что она моя родственница. Все равно проверять никто не будет.

— Подожди. Какая тётя Лена? Лена? ЛЕНА?

— Да, мам. Тётя Лена. — улыбалась дочка. — Она лежит в двух палатах от нас. Пойдем покажу? Мы быстро перебежали из нашей палаты в одну из соседних, и я обомлела. На медицинском ложе, вся подключенная к проводам и приборам, лежала моя подруга Ленка. Все ещё погруженная в медицинский сон. Наверняка ее совсем недавно привезли после криоразморозки. Но это была она! Моя Ленка! Живая!

Подумать только, ведь я ни разу не попыталась узнать жива она или нет. После нашего последнего разговора, я была уверена, что она погибла. Но она здесь.

Несколько минут смотрела на нее и улыбалась. Все-таки так здорово найти в этом хаосе хоть кого-то из прошлой, счастливой жизни.

— Моника, ты права. Тебе лучше побыть здесь. Никуда не уходи, а если зайдут медсестры, то скажи, что это твоя любимая тётя и ты за нее очень переживаешь. И слёзно попроси побыть здесь.

— Не переживай, мам. Все будет в порядке! Только... — Моника на мгновение опустила глаза, но потом все же продолжила. — Только возвращайся поскорее, ладно?

— Хорошо, доченька!

Я вышла из палаты и начала оглядываться во все стороны, но в коридоре было совсем пусто. Дошла до сестринского поста, постоянно ощущая, будто кто-то следит за мной.

— Добрый день! Вы не подскажете, где я могу найти Ульяну Михайловну? — спросила я у дежурной медсестры.

— А что случилось? С детьми что-то? Я сейчас вызову дежурного врача! — засуетилась она.

— Нет-нет, что вы! С детьми все хорошо. Это личный вопрос. Мне очень нужно с ней увидеться!

— Но Ульяна Михайловна сейчас работает только в лабораториях. К ней нельзя! Она не принимает!

— Вы поймите, она сама мне сказала обращаться к ней в любое время! Она не будет сердиться!

— Да при чем тут сердиться? Вас просто не пустят в лаборатории! Это просто невозможно!

— Ну что же делать? — не унималась я. — Может вы ей позвоните и скажете, что ее ищу я? Скажите, что Лаврентьева хочет с ней связаться.

— Да что же вы никак не поймете? — негодовала медсестра. — Ульяна Михайловна сейчас очень важным делом занята! Ей не до вас! Прекратите считать себя центром вселенной!

— Но поймите...

— Ничего я понимать не буду и Ульяну Михайловну тревожить не стану! Вернитесь в свою палату!

— Спасибо, Лиза, за то, что так рьяно защищаешь меня. — Ульяна Михайловна подошла незаметно.

— Но все же в следующий раз, если меня будет кто-то настойчиво разыскивать, сообщи мне. Ксения Андреевна, пройдёте в мой кабинет. Нам действительно есть, что обсудить.

— Но как же... Да, Ульяна Михайловна, я поняла вас. — удручённо ответила медсестра. Ульяна взяла меня под руку и быстро повела к своему кабинету и, как только за нами закрылась дверь, сразу же накинулась на меня с вопросами:

— Андрей предупредил вас? С Моникой все в порядке? Она одна осталась в палате? Нужно было привести ее сюда!

— Ульяна, тише! Дай мне ответить!

— Да, прости. Просто Алана мы не уберегли, я не переживу если и Монику потеряю! Я так ее полюбила!

— Постой! В каком смысле не уберегли Алана? Что с ним?

— Его забрали люди Багровича. Они, конечно, все отрицают, но кроме них больше некому. За Аланом пришли и сказали, что от меня. Сказали, что отведут его в лабораторию, но он пропал и найти я его не могу!

— Что значит не можешь? Куда пропал? Как может пропасть ребенок на космической станции? Нужно обыскать здесь всё! А Моника, зачем им Моника?

— Я полагаю, что дело в их мутациях. Сейчас на станции черти что творится. Главный вроде бы Багрович, но на деле какие-то фанатики, которые считают случившееся на Земле карой небесной. Я боюсь, что могло случиться самое страшное! Я боюсь, что они могли убить Алана! Ульяна закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Это я виновата! — сквозь слезы причитала она. — Я так хотела найти лекарство, что раскрыла способности Моника и Алана. Думаю, именно из-за этого на них началась охота.

— Почему ты так считаешь?

— Багрович запросил способ обнаружения людей с подобными мутациями. Сказал, что вакциной и лекарством теперь займётся его команда, а наша цель выявление этих людей. Мы тормозим работу как можем, но и в нашей команде есть "крысы", которые докладывают Багровичу. — Ульяна, что же нам делать?

— Нужно спрятать Монику! — вмиг стала собранной она. — Я проверила, Марк и София не обладают такими особенностями. Им ничего не грозит. А вот ты и Моника...

— Я?

— Я сама удивилась. Обычно у взрослых людей не бывает мутаций. Да и, строго говоря, у уже родившихся тоже, ведь мутации возникают внутриутробно. Но, если с детьми все проще — вы могли просто не успеть обнаружить особенности, то с тобой все действительно странно. Скажи, ты не замечала за собой ничего странного?

— Я? Нет. — быстро ответила я и поспешила перевести разговор на другую тему. — Ты говоришь, что Монику нужно спрятать. Но как? Куда? Здесь же найти ее проще простого!

— Я думала об этом... — замялась Ульяна. — И мне на ум приходит только одна идея... Но она вам не понравится!

— Говори, что за идея! Если она поможет защитить Монику, то это хорошая идея!

— Ксюша, нам нужно снова заморозить Монику!

— Что?

— Подумай сама! В любом отсеке, где бы ты её ни спрятала, ее могут найти! К тому же питание строго ограничено и тебя сразу заподозрят, если ты будешь брать порцию и на Монику. Им просто стоит за тобой проследить и все! А на криоскладе ее никто не будет искать! Я проведу заморозку лично и никто ничего не узнает. Спрячу ее так, что никто не найдет! А потом... Потом мы что-нибудь придумаем!

Я долго молчала. Подвергать дочь повторной заморозке я не хотела, но другого выхода не видела. Это действительно был хороший план. Криосклад огромный. Там до сих пор находится огромное количество замороженных людей и спрятать там одного ребенка было проще простого!

Ксюша, я обещаю, она выдержит! Я не берусь это гарантировать с другими людьми, но Моника особенная! Ее регенерация защитит ее!

— Похоже это и правда единственный вариант спрятать ее, но мне нужно поговорить с ней.

— Где она? — забеспокоилась Ульяна. — Неужели ты оставила ее одну в палате?

— Нет, конечно! — возмутилась я. — К нам уже приходили, так что я не могла её там оставить. Она прячется в соседней палате. Мы там мою подругу случайно обнаружили, вот Моника с ней и осталась.

— Ксюша, но кроме тебя и меня никто не должен знать где Моника. Ни твоя подруга, ни даже Марк!!!

— Но я полностью могу им доверять!

— Нет, не можешь! Марк — ребенок! Он может случайно проболтаться. А подруга... Ты не знаешь, что на уме у людей. Особенно после того, что все мы пережили!

Слова Ульяны, хоть и вызывали во мне протест, но все же были справедливы. Эта катастрофа перевернула все в нашей жизни.

— Хорошо. Ты права. — нехотя согласилась я с ней. — Когда... Когда ты это сделаешь?

— Сегодня!

— Что? Сегодня?

— Да, Ксюша, сегодня! Чем быстрее, тем лучше! Пока они не нашли и не забрали ее!

— Но как они посмеют? Может, если я открыто заявлю, что не отпускаю ее, что не разрешаю забирать ее, то они побоятся тронуть ее? Ведь, ну не беззаконие же у нас творится!

— Именно беззаконие! Когда все рушится, люди проявляют свою истинную сущность! — сказала Ульяна. — Они просто объявят ее заражённой и заберут! Или ещё что-нибудь придумают. А может и объяснять ничего не будут. Люди столько натерпелись, что вряд ли станут рисковать и вступаться за чужого ребенка! А тем, кто рискнёт быстро заткнут рот. Эпидемия давно подавлена, но к нам все ещё поступают заражённые люди. И все они, как ни странно, являются противниками Багровича. Смекаешь?

— Боже! — пораженно застыла я. — Как же такое допустили?

— Руководство станции почти в полном составе на криоскладе. Их доставили с признаками заражения. Теперь всем руководит этот Багрович. Та ещё мразь! Думаю, он специально тормозит разработку лечения от бешенства, чтобы не вернулось старое руководство! Я даже на всякий случай подделала медицинские карты, чтобы спрятать их, чтобы шавки Багровича не добрались до них. Надеюсь, все же, получится вылечить их.

Находясь в заботах о своих детях, я, похоже, пропустила переворот на станции. Как могли допустить такого человека к власти? Зачем он это делает? Ведь людей и так осталось

слишком мало!

— Монику сейчас привести? — осипшим голосом спросила я.

— Нет. Ближе к вечеру. Я как раз все подготовлю и отвлеку свою команду новым заданием.

— Хорошо. Я поговорю с ней.

Я уже хотела выйти из кабинета, но все же повернулась и сказала:

— Ульяна, пообещай, что защитишь ее! Я не могу потерять её снова!

— Я клянусь, что сделаю все, чтобы защитить ее! Она мне тоже дорога! Ведь я думала, что ее родители погибли и уже хотела удочерить ее!

Я лишь удовлетворённо кивнула и отправилась прощаться с дочерью. Как бы мне не хотелось оставить ее около себя, но сейчас с нами ей небезопасно. Мне придется снова отпустить ее от себя. Надеюсь, в последний раз!

Как в тумане я прошла весь путь от кабинета Петровой до палаты Лены. И лишь у самой палаты начала озираться, пытаюсь понять не следит ли кто за мной. Коридор все так же был пуст. После эпидемии, когда по коридорам бегали неуправляемые заражённые, все предпочитают сидеть в своих палатах или жилых отсеках. Люди замкнулись в себе и практически перестали общаться. Каждый видел друг в друге опасного врага.

Когда я зашла в палату мое сердце рухнуло вниз. Моники не было.

— Моника? — с надеждой позвала я ее.

— Ма-а-ам? — откликнулась она откуда-то снизу.

Послышалась возня и дочка вылезла из-за маленького диванчика, что стоял в углу палаты. Я подбежала и схватила дочку в охапку и долго-долго обнимала ее. Я всеми силами оттягивала тяжёлый разговор, но Моника сама начала его.

— Что сказала тётя Уля? Зачем те люди приходили за мной?

— Понимаешь, милая...

Я на секунду замаялась, пытаюсь сообразить, как объяснить маленькой девочке, что сейчас происходит.

— Mam, не нужно придумывать для меня мягкую версию! Я уже взрослая! Скажи, как есть! Я вздохнула и закрыла лицо руками.

— Mam?

— Твоя кровь, твоя способность быстро исцеляться, возможно может помочь исцелить всех заразившихся людей. А этим людям...эти люди...

— Не хотят этого? — закончила за меня дочка.

— Да, понимаешь не все люди хорошие, есть...

— Есть и плохие. — подхватила она. — Я знаю, мам. Знаю, что есть плохие люди...

Встречала...

— Что? Когда?

— Это не важно. Да и не хочу о них говорить. Может потом. Ты мне сейчас скажи, что мы будем делать?

Я смотрела на свою дочь и не узнавала. Она выглядит как ребенок, но говорит совсем как взрослая, причем повидавшая многое на своем жизненном пути. Я в который раз задумалась, что же она пережила, пока была одна? Что ей пришлось вынести, чтобы выжить?

— У Ульяны Михайловны есть идея, как можно тебя спрятать. Но тебе это не понравится. Моника напряглась, но задавать вопросов больше не стала, лишь молча ждала,

когда я ей все расскажу.

— Тебя временно снова заморозят. — сказала я и, увидев реакцию дочки, тут же добавила. — ВРЕМЕННО! Это только чтобы сбить этих людей с толку. Потом мы чтонибудь придумаем.

— Мамочка, пожалуйста, только не снова! — я поразились как быстро слетел налет взрослости с моей дочки. Все-таки она ребенок, притворяющийся взрослым. — Мамочка, давай меня просто спрячем где-нибудь. Я не хочу, чтобы меня замораживали. Я буду сидеть тихо-тихо, столько, сколько нужно!

— Дочка, так нужно!

— Мама, там так холодно! И снятся холодные сны!

— Что? Ты чувствовала холод?

— Да, я не могла шевелиться и поэтому приходилось постоянно спать. Но даже во сне было очень холодно! Пожалуйста, можно не замораживать? Я буду сидеть в отсеке и никуда не буду выходить, а если кто-то придет буду прятаться. Никто не узнает про меня! Обещаю!!!

— Я поговорю с Ульяной, но Моника, в отсеке спрятаться не получится. Те люди, что тебя ищут... У них есть возможности найти тебя в любом отсеке и никто не сможет им помешать!

— Тогда...тогда... — Моника не нашла слов и просто расплакалась. — Можно я тогда дождусь, когда разбудят Марка? Ведь врач говорил, что его завтра утром выведут из сна? Можно я увижусь с братом?

— Доченька, безопаснее всего, если Марк не будет знать о тебе!

Моника смотрела на меня широко открытыми глазами, словно не верила в то, что я говорю.

— Я не нужна тебе? — шепотом спросила она.

— Что же ты говоришь такое? — я схватила дочку и изо всех сил прижала к себе. По щекам у меня уже лились слезы. — Моника, доченька, я так люблю тебя! Я больше всего на свете люблю тебя! Я и прячу тебя, потому что люблю! Если бы ты мне не была нужна, то я отдала бы тебя! Разве ты не понимаешь?

Но Моника уже перестала плакать и замкнулась в себе.

— Хорошо, мама. — как-то слишком спокойно ответила она. — Раз ты считаешь, что так нужно, то сделаем это поскорее!

— Ульяне нужно подготовить все. — все ещё обнимая ее, ответила я. — Доченька, я обещаю, что мы высвободим тебя как можно скорее! Как только пройдет опасность, так сразу же ты вернёшься к нам! Моника! Моника посмотри на меня!

— Да, мама. — смотрела она на меня пустым взглядом. — Я верю тебе, мама.

— Моника... — начала я, но в этот момент в палату вошла та самая дежурная медсестра Лиза.

— Это что ещё такое? Что вы здесь делаете? — возмутилась она. — Вы что же считаете, что вам все можно? Потрудитесь пожалуйста объясниться!

— Это моя близкая подруга и крестная моей дочери. — как можно более миролюбиво ответила ей я. — Мы не знали, что она выжила. Моника случайно перепутала палаты и увидела ее. А потом и меня привела сюда. Мы так рады увидеть, что хоть кто-то из наших близких спасся! Спасибо вам, что заботитесь о ней!

— Мне ваши спасибо не нужны! — проворчала она, меняя препараты. — Это моя работа. А вот вам здесь нельзя находиться! Идите лучше в свою палату и следите за своими

детьми! Бегайте не пойми где, а больные дети без присмотра! Да и спрашивали тут уже про вас! Нос разбили — ищут. А они тут сидят!

— Ищут? — хрипло спросила я и почувствовала, как Моника вцепилась в мою руку. — А, да, конечно! Мы знаем! Мы уже сообщили, что подойдем чуть позже. Спасибо вам! Мы, пожалуй, и правда пойдем.

И взяв Монику за руку я вышла из палаты.

В коридоре было оживлённо. У нашей палаты толпились люди с оружием.

— Ма-ам? — испуганно пискнула дочка.

— Тш-ш-ш. Не привлекай внимание! — прошептала я и свернула в противоположную от нашей палаты сторону. Как сказала Петрова, Марку и Софии ничего не угрожает и что бы там ни говорила медсестра, они находятся под присмотром медицинских капсул. Сейчас моя задача спасти Монику.

На негнущихся ногах мы прошли коридор и свернули в сторону столовой, возле которой было несколько оживленнее, чем в остальных коридорах. На нас вроде бы не обратили внимание, но это не на долго. По всей видимости за Монику взялись серьезно и времени у нас больше не оставалось. Я изо всех сил пыталась придумать, где нам спрятаться до того момента как Петрова все подготовит, но, как оказалось, она была в курсе, что нас разыскивают и позвонила сама.

Планшет завибрировал так неожиданно, что, доставая из кармана я чуть не уронила его на пол. Трясущимися руками я развернула галогенный экран и приняла вызов. — Ксения, где вы? — Начала было Ульяна, но увидев, что мы идём по коридору, быстро продолжила.

— Немедленно вместе с Моникой идите в отсек 438-Н интенсивной терапии. Я вас жду там!

И отключилась, чтобы не привлекать к нам лишнего внимания.

Пройти в интенсивную терапию? Чего попроще нельзя было придумать? Ведь попасть туда можно было только пройдя по коридору мимо нашей палаты, где сейчас дежурил целый отряд, посланный изловить нас.

— Что же делать? Что делать? — бормотал я себе под нос.

— Мам, смотри! — привлекла мое внимание Моника.

В коридоре, возле столовой стояла тележка, на которой развозили еду для тяжело больных пациентов. Я сразу поняла, что имела в виду дочка. Воровато оглянувшись по сторонам и заметив, что все люди зашли в столовую, я сгрузила часть грязных чашек прямо на пол. На освободившееся место уложила Монику, которая свернулась калачиком. Теперь бы ещё накрыть всю эту конструкцию чем-нибудь, но раздумывать было некогда. Из столовой слышались голоса и я поспешно покатила тележку вперёд, надеясь там что-нибудь раздобыть.

Отойдя от столовой, я заглянула в первую попавшуюся палату и, увидев, что там никого нет, закатила туда тележку с дочкой. Палата была явно жилая. Этому свидетельствовала смятая постель, и небольшой беспорядок. Мысленно извинившись перед хозяином палаты я стянула простынь с его кровати и накрыла дочку, но тут же отмела эту идею — силуэт ребенка четко просматривался сквозь тонкую ткань.

Тогда я стала хватать все вещи подряд, скручивать их в рулоны и обкладывать со всех сторон Монику. Дочка лежала, не смея шевельнуться. Когда работа была закончена, я снова накрыла тележку простыней и, убедившись, что Монику не видно, выкатила ее из обворованной палаты.

И как раз вовремя! В конце коридора показались люди, которые двигались в нашу сторону, поэтому я, как можно скорее, старалась убраться с их глаз. Когда мы завернули за угол и вошли в наш коридор, мои и без того трясущиеся ноги и вовсе подкосились. Благо, что я толкала тележку, иначе упала бы. В коридоре было около десяти вооруженных людей, дверь в палату открыта и я на мгновение испытала панический ужас, что Марку и Софии навредят. Но мне быстро пришлось взять себя в руки. Наклонив голову так, что волосы закрыли лицо я постаралась проехать мимо этих людей не привлекая внимания, но один из них перегородил мне дорогу и, облокотившись на тележку, спросил:

— Эй, красавица! Чем сегодня в столовой радуют? Может накормишь храбрых солдат?

— Конечно-конечно! В столовой сегодня бифштекс и салат из настоящей рукколы! — мило улыбнулась я, молясь чтобы этот амбал не сдвинул руку чуть в сторону и не задел Монику, которая, кажется, перестала дышать.

— Чё, серьезно? — удивился он и потянул руку к простыне.

— Нет! — резко рявкнула я и толкнула тележку. — Все та же питательная жижа, что и всегда! Не мешай работать, пациенты голодные!

— Ладно-ладно! — успокаивающе поднял он руки. — Проезжай. Корми своих больных. — и отошёл.

— А что, собственно, тут происходит? — наигранно удивлённым голосом спросила я. — Почему здесь так много народу?

— Мы пришли за Вашей дочерью. Где она? — грубо спросил один из мордovorотов.

— София в кувезе, конечно, а Монику ещё утром забрали, я же говорила вам!

— Никто ее не забирал! — рявкнул он. — Не было такого распоряжения! Не дурите нам голову, дамочка!

— Что значит никто не забирал? — ахнула я. — Что вы такое говорите? За ней утром пришли люди...похожие на вас! Так, минуточку! Объясните, где моя дочь?

Я специально повысила голос, чтобы на нас обратили внимание. Мордovorотов растерялись.

— Так, подождите-подождите... — я схватилась за виски. — Мне нужно отвезти обед, а потом я вернусь и мы во всем разберемся. И я очень вам советую к этому времени найти мою дочь! Иначе я тут всю станцию на уши подниму!

И я поспешила убраться подальше, пока кому-нибудь не пришло в голову проверить тележку. До интенсивной терапии мы доехали без приключений. Никому не было дела до раздатчицы с тележкой.

Отсек 438-Н находился в самом конце коридора интенсивной терапии, так что, пока мы добрались, с меня сошло ещё семь потов от страха.

Когда я закатила тележку в отсек, там уже была Ульяна.

— Слава Богу, вы дошли! — воскликнула она, помогая достать Монику из вороха тряпок. — Я совсем не могла вам помочь, за мной пристально следят! Еле скрылась сама. Моника, детка, мама рассказала тебе наш план?

— Да.

— Послушай, я найду выход! Как только опасность минует мы вытащим тебя оттуда, хорошо?

— Хорошо.

Моника отвечала односложно и безэмоционально и Ульяна посмотрела на меня надеясь, что я объясню, что случилось.

— Ульяна, Моника находится в сознании, когда ее замораживают. — глаза врача широко распахнулись от удивления. — Ей очень холодно. Можно ли как-то сделать, чтобы она не испытывала этого? Это ведь пытка!

— Это невероятно! Сознание покидает людей ещё в момент введения криопротекторной жидкости. Но я могу сначала ввести Моника в медикаментозный сон. Ведь ты спала после разморозки? Все было хорошо, Моника?

— Да, после разморозки я крепко спала и ничего не чувствовала. — очнулась от апатии дочка и добавила совсем тихо. — Да и у нас же всё равно нет другого выхода!

— Прости меня, доченька! — обняла я свою малышку. — Прости, что не могу защитить тебя!

— Я все понимаю, мам! Я же взрослая!

— Нам нужно начинать! Нельзя чтобы меня хватились. Иначе могут догадаться, как мы спрятали ее. — виновато сказала Ульяна. — Моника ложись на кушетку.

— На кушетку? — удивилась она. — Не в криокапсулу?

— Нет, солнышко. Ложись сначала на кушетку. Мы тебя усыпим сначала.

Моника послушно легла на узкую кушетку и Петрова поставила ей капельницу.

Я села рядом с дочкой и изо всех сил сдерживала слезы.

— Когда ты проснёшься, я буду рядом. И Марк. А потом приедет папа и мы снова будем все вместе! — пыталась заговорить ее я.

— Мам?

— Что, милая?

— Спой мне колыбельную?

— Конечно, милая!

Баю бай, спи мой котик засыпай...

Моника взяла меня за руку и внимательно слушала, но с каждой каплей снотворного ее сознание уплывало все дальше и дальше. И в конце концов она закрыла глаза и уснула. А я, наконец, могла уже и не сдерживать слезы.

Ну почему я опять должна ее терять? Почему я никак не могу защитить мою девочку? Леша, где же ты, когда так нужен?

— Ксюш, пора! — дотронулась до моего плеча Ульяна. — Нельзя терять время! Помоги переложить ее в криокапсулу.

Я подняла на руки худенькое тело моей дочки и на какую-то долю секунды мне показалось, что она не дышит.

— Ульяна, а она точно выдержит? Я слышала, что повторное замораживание может к смерти привести!

— Тьфу на тебя! Чего каркаешь под руку? — в сердцах выругалась Ульяна. — Не знаю, как с другими, но с Моникой точно все будет в порядке! Ты не представляешь, насколько сильна твоя дочь!!! Я аккуратно уложила мою крошку в криокапсулу, которую тут же начало заполнять криопротекторной жидкостью.

Я впервые видела весь этот процесс, ведь когда меня замораживали, я была без сознания.

— Стой-стой! Хватит! — испугалась я, когда жидкость добралась до лица Моника. — Она же захлебнется!

Я попыталась приподнять лицо дочки над криопротекторной жидкостью, но Ульяна меня оттолкнула.

— Не трогай! Так надо! Не захлебнется она! — ворчала доктор. — Не успеет.

Между тем лицо малышки погрузилось в жидкость, она широко раскрыла рот и начала дёргаться, будто пытаюсь вдохнуть.

— Моника! — вскрикнула я.

— Всё, всё! — успокаивала меня Ульяна. — Все закончилось! Нужно было заполнить лёгкие и желудок жидкостью! Так нужно, Ксюша. Такая процедура, успокойся.

Жидкость уже постепенно сливалась из капсулы, а Моника так и лежала с широко раскрытым ртом под тонким слоем льда.

Когда криопротектор слился полностью, капсула упаковала тело моей дочери в пластик. — Словно упаковка для трупа... — вырвалось у меня.

— Эта упаковка служит дополнительной защитой! — ворчала Ульяна, заканчивая процедуру. — Ты теперь можешь возвращаться в палату. Про Моника говори, что не знаешь где она. Всем видом показывай, что переживаешь. Было бы хорошо всплакнуть.

— О-о-о, это я запросто! Хоть сейчас!

— Нет-нет, слезы оставь тем парням, что сторожат твою палату! Все будет хорошо, Ксюша! У нас уже получилось ее спрятать. Теперь бы ещё с этой ситуацией разобраться, чтобы поскорее освободить Моника. Все, иди! А то слишком подозрительно, что тебя долго нет.

— Мне тележку нужно забрать. — ответила я. — Они видели меня с тележкой.

— Понятно, а вещи эти откуда?

— Из палаты какой-то украла.

— Украла? Так, понятно. Вези тележку, а вещи оставь здесь. Я избавлюсь. А этим, мордворотам, если что скажешь, что просто помогала развозить еду...на добровольных началах.

Так мы и поступили. Изображать мать, потерявшую дочь, мне было легко, потому как я и правда ее потеряла. Временно, конечно, но от этого не легче. Перед глазами стояло ее личико, искаженное мучительной судорогой от нехватки воздуха, холодная глазурь льда, покрывшего все ее тело, толстый пластик в который ее упаковали, словно труп перед отправкой в крематорий.

Вспоминая все это, слезы сами текли из глаз моих. Я лишь как полоумная приговаривала:

— Найдите мою дочь, найдите мою доченьку.

Вскоре амбалы покинули нашу палату и я в изнеможении уснула прямо в одежде.

Ксюша

Ночь выдалась беспокойная. Во сне я все время от кого-то убегала и кого-то прятала. Но я все не могла разглядеть кого именно.

Проснулась с первым утренним сигналом по общей связи, который оповещает о наступлении утра. В коридорах постепенно разгорался свет и я решила больше не ложиться. Мне нужно привести себя в порядок, ведь сегодня Марка выводят из медикаментозного сна. Будет нехорошо, если он увидит меня в таком виде.

Встав с кушетки, я почувствовала, как меня повело в сторону. Ухватившись за стену, я попыталась отдышаться и понять, что со мной. Ну конечно, последний раз я принимала пищу вчера утром. Мы с Моникой спокойно позавтракали в палате, ещё не представляя, что нас ждёт в этот день.

Воспоминания о Монике снова отдались болью в сердце, а на глазах проступили слезы.

— Да что же ты в самом деле! Что же ты реवेशь? Все с ней будет хорошо! — шептала я сама себе, пока ковыляла в ванную.

Аэрозоль с запахом морского бриза немного взбодрил и успокоил, но сейчас мне как никогда не хватало полноценного душа. Чтобы тугие горячие струи воды били по плечам до покраснения кожи, а потом резко переключить на ледяную. Вот о таком душе я мечтала, а не это влажное недоразумение. Ну, потом не воняет и ладно! Так сойдёт.

Вернувшись в палату, я с брезгливостью посмотрела на вчерашнюю пропотевшую одежду, но другой у меня не было. С вечера у меня совсем не было сил отправить одежду на чистку, так что придется повонять этот день.

Одевшись, я отправилась в столовую, где мне выдали порцию питательной жижи. Я засунула ложку в рот и тут заметила, что за мной внимательно следят.

Съев пару ложек, я ещё долго ковырялась ложкой в чашке, делая вид, будто очень переживаю.

Напряжение нарастало. С такими темпами мои нервы просто не выдержат! Что им ещё от меня нужно? Или не верят мне? Думают, что я прячу Моникку?

Отправив тарелку в утилизатор, я направилась к своей палате, но мне перегородили дорогу два качка.

— Что? Что такое? Что вам надо? — растерянно закидала их вопросами.

— Вас вызывает руководство станции. Пройдёмте с нами! — ответил один из них.

— А вы что, вы нашли Моникку? Вы нашли мою девочку? — я добавила истерических ноток в голосе да так, что один из амбалов скривился.

— Вам все объяснят. Пройдёмте с нами!

— Что? С ней что-то не так? С ней что-то случилось? — я сделала вид, что сейчас потеряю сознание и повалилась на одного из них.

Тот отпихнул меня и зашипел:

— Ни с кем ничего не случилось. Не нашли вашу дочку. Потому и ведём вас на допрос.

— Рот закрой, debil. — рявкнул второй. — Гражданочка, вопросов не задаём и молча идём за нами. Ключевое слово — молча! Все ясно?

— Яснее некуда! — промямлила я.

" Да чтоб вас понос продал, сволочи! Не видать вам моей девочки!" — пронеслись

мысли в моей голове и я с трудом сдержала злую улыбку.

Так, нужно поосторожнее себя вести, чтобы не выдать свое злорадство. И как можно более печально.

— П-простите, но мне нужно к моему сыну, в палату! У него сегодня важная процедура.

— Без тебя процедуру проведут. Я сказал — МОЛЧА! — рявкнул он.

Да уж, пожалуй, не стоит на таких нарываться.

Шли мы долго. Оказывается, отсек руководства находится так далеко. Преодолели несколько постов с вооруженными людьми. Это что же на станции происходит, что здесь так запросто оружием размахивают? Погрузившись в свои проблемы и в заботу о детях, я и не заметила, насколько напряжённой стала ситуация на станции.

Пока мы шли, нам встретилось несколько людей. Некоторые из них меня знали. Кто-то знал хорошо. Но ни один из них не поинтересовался, что случилось и почему меня сопровождают двое вооруженных людей. Они просто опускали глаза и старались пройти мимо, как можно скорее.

Мне действительно стало страшно. Похоже права была Ульяна, когда говорила, что, когда все рушится, люди проявляют свою истинную сущность.

Только вот вопрос, с какой сущностью теперь предстоит встретиться мне?

Я бы и рада остаться без ответа на этот вопрос, да вот не судьба.

Мы подошли к двери, которую охраняли двое людей, причем один из них беззастенчиво грыз настоящее яблоко. И это при том, что вся станция питалась исключительно синтетической питательной жижой. Даже детям прекратили выдавать натуральные продукты, а тут яблоко! У охранника! Чем же тогда питается руководство?

Мы остановились и один из охранников, тот, что без яблока, спросил:

— Лаврентьева?

— Угу — ответил за меня мордovorот.

— Чё так долго? Он уже ждёт ее. Сейчас доложу. — и с этими словами он скрылся за дверью.

Ждать пришлось недолго. Охранник вынырнул из отсека и жестом пригласил войти.

Обстановка в отсеке руководства повергла меня в шок. Честно говоря, я ожидала увидеть мрачный строгий кабинет и громилу Багровича. Но я никак не могла даже и представить себе, что власть на станции мог захватить этот...этот... Лягушонок! По-другому я никак его не могла назвать.

Невысокий, невзрачный толстопуз, на коротеньких тоненьких ножках. Лицо его украшали пухлые губы-пельмешки и маленькие бегающие поросычьи глазки. Это что за недоразумение?

Пока я разглядывала Багровича, он не остался в долгу. От его сального, оценивающего взгляда хотелось прикрываться, а ещё лучше пойти помыться.

— Ничего так... — ухмыльнулся он.

— Что простите? — обалдела я от его приема.

— Я говорю ничего не хотите? Чай? Кофе? Сок? Может закуски? — быстро поправился он.

— Н-нет спасибо. Я только что из столовой.

При упоминании столовой, Багрович скривился, словно проглотил что-то противное.

Ну да, синтетическая пища, которой приходится питаться большинству на станции не претендует на бутерброды с красной икрой, пусть и тоже синтетической, что стояли на

столе у нового руководителя станции.

Заметив мой взгляд, Багрович выпятил грудь колесом, растянул свои губищи в улыбочке и с царским жестом указал на стол.

— Да вы не стесняйтесь! Угощайтесь! На станции вы больше нигде такого не увидите. А хотите шампанского?

— Нет-нет. — поспешно ответила я, ведь неизвестно как мне потом придется расплачиваться за все это гостеприимство. — Я не голодна.

— Ну как знаешь! — улыбочка сползла с его лоснящегося лица. — А я ведь хотел похорошему!

Он прошествовал к столу, обошел его и уселся в свое кресло.

Мне присесть он, конечно, не предложил. Вот дура, надо было взять этот долбаный бутерброд. Не в моих интересах ссориться с этими людьми.

— Так...Ксения...Андреевна. Правильно? — протянул он, заглядывая в какую-то папку.

— Да, все верно. — тихо ответила я.

Буду вести себя как скромная мышка. Не нужно привлекать к себе лишне внимание.

— Итак. Где вы прячете свою дочь? — с неприязнью спросил он.

— Что? — удивилась я. — В каком смысле, где я прячу свою дочь? Она пропала вчера! Ее забрали ваши люди...

— Мои люди? — с угрозой переспросил он.

— Н-ну, может, не ваши. Я не знаю. Пришли люди и сказали, что Монике нужно пойти в лабораторию для каких-то тестов. Она ушла и все. А потом пришли ваши люди и я поняла, что случилось что-то страшное

— Да? — наигранно удивился он. — Все действительно именно так и было?

— Конечно!

— А вот дежурившая в тот день медсестра сказала, что видела вас с дочерью в соседней палате. Что вы прятались там. А до этого вы встречались с доктором Петровой! Зачем вы ходили к ней? И зачем вы прячете свою дочь?

— Что? Но все не так было! — возмутилась я. — К Петровой я ходила по поводу своего сына. Он тяжело болен. Врачи уже ничего сделать не могут, поэтому я попросила выписать нас. А палата... Мы не прятались там. Просто в этой палате лежит моя подруга. Я была очень рада, что она выжила. Именно поэтому мы с дочерью находились там.

— Что ж. Это все мы проверим. Нам не сложно. — недовольно сказал он. — А если вы солгали, то вам несдобровать! Вас осудят за измену!

— Измену? — удивилась я.

— Измену, милочка, измену! — гаденько улыбнулся он. — Ваша дочь имеет большую ценность для науки. Вы знали это? Конечно знали!

— Моя дочь — не вещь! — тихо и зло ответила я.

— Что? — взвизгнул он. — Она принадлежит науке и обществу! Ты хоть представляешь сколько нас осталось? Да с таким количеством человечество вымрет уже через поколение!

— Спокойнее, Вячеслав Сергеевич, спокойнее! — послышался за спиной мужской голос. — Не пугайте нашу гостью!

Этот голос застал меня врасплох. Я действительно сильно испугалась, но не Багровича, а человека за спиной.

Обернувшись, я увидела, что в кабинете есть зона отдыха. Когда я вошла, то все мое внимание было уделено Багровича, оттого я и не заметила сидящего на диване человека.

Мужчина тем временем встал и подошёл ко мне. Он смотрел прямо в глаза и не отводил взгляд. По спине пробежали мурашки. Вспомнился детский мультфильм, в котором огромная змея своим взглядом гипнотизировала свою жертву. Вот и я сейчас была словно маленькая мышкой перед голодным удавом. Отчего то этот человек внушал неконтролируемый страх.

Я никогда не видела психопатов, но точно знаю, что они выглядят примерно, как этот мужчина.

— Ксения Андреевна, поймите нас правильно. На нас лежит ответственность за всех людей на станции! От наших решений зависит выживут эти люди...или погибнут. А ваша дочь может помочь нам в этом! — он говорил тихо и размеренно, но каждое его слово вызывало желание бежать.

С этим человеком я не хочу иметь ничего общего! Не хочу больше видеть его, слышать. Не хочу, чтобы он вообще знал о моем существовании!

Странное дело, руководитель станции, пока говорил этот "удав", тихонько сидел в своем кресле и даже не пытался вступать в наш разговор.

— Так что, Ксения? — снова заговорил "удав". — Вы нам поможете?

— Я? — в голове была каша и я не сразу смогла уловить суть вопроса. — Как же я вам помогу? Я ведь не знаю где Моника! Я думала это ВЫ мне поможете!

— Что ж. — улыбнулся он мне одними губами. — Очень жаль. Тогда нам самим придется принять все меры, чтобы разыскать ее. Только в таком случае она к вам не вернется!

— Что? — удивилась я. — Как это не вернется? Почему?

— Ну как же? — широко улыбнулся этот страшный мужчина. — По закону каждая семья может иметь не более двух детей. А у вас, насколько я знаю, их трое! Вот мы и изыщем одного из них. Оставляйте себе двух младших, а мы заберём наиболее интересующего нас ребенка.

От его слов я потеряла дар речи. Стояла, вытаращив на него глаза, а он веселился.

— Но если вдруг вы вспомните какую-либо информацию о местонахождении вашей старшей дочери, — моментально стал серьезным он, — то, возможно, вам позволят увидеться с ней.

Ну нет! Этому человеку я не позволю и на километр к моим детям подойти. Да я... я всю станцию здесь на уши подниму, я бунт устрою! Но Моника никогда не попадет к ним в руки. Ах, Леша! Где же ты? Возвращайся скорее, ты нам нужен! Очень!

— Я... я постараюсь. — ответила ему тихо. — Но я правда не знаю где она.

— Что ж. Я выяснил что хотел. — "удав" повернулся к Багровича. — Вячеслав Сергеевич, разберитесь с этим как можно скорее.

И с этими словами он покинул кабинет. Мы с Багровичем синхронно выдохнули и меня это очень удивило. Неужели он его тоже боится? Кто же этот человек и какое отношение имеет к Багровичу?

— Вы все поняли, Ксения Андреевна? — хрипло спросил он. — Вам лучше сотрудничать с нами!

— Конечно. — монотонно ответила я, ибо сил на эмоции не осталось. — Я могу идти?

Багрович взял бокал с янтарной жидкостью и щедро отхлебнул от него. Он молча разглядывал меня и мне в который раз захотелось прикрыться от его взглядов.

Его сальный взгляд прошёлся по ногам, потом поднялся и задержался на груди и только потом он соизволил посмотреть мне в глаза. К этому моменту у него разве что слюна не

потекла.

Я никогда не была роковой красоткой, но и уродиной не была. Природа наградила меня хрупкой стройной фигурой, которую я смогла сохранить даже после трёх беременностей.

Взгляд Багровича я смогла распознать безошибочно. А он все попивал из своего бокала да молча смотрел на меня.

— Так я могу идти? — уже громче спросила я, потому что оставаться с ним наедине очень не хотелось.

Багрович дёрнулся, словно очнулся от своих фантазий, залпом допил содержимое бокала и подошёл ко мне.

— Вы знаете, а ведь я знаком с вашим мужем. — начал он, дыхнув на меня запахом алкоголя. — И он не говорил мне, что у него такая хорошенькая жена.

— Наверное вам не до разговоров обо мне было. — сделала я шаг назад. — Ведь вы очень занятой человек.

— И очень одинокий...

— А я замужняя...

— Это поправимо...

— Что? — опешила я. — Что вы имеете в виду?

— Я лишь хотел сказать, что ваш муж находится на опасном задании. Очень опасном. — ухмыльнулся он. — И конечно, он может не вернуться. А вам, такой красивой, незащищенной женщине, просто необходима поддержка и защита.

— Он вернётся! — я сделала ещё несколько шагов назад. — Обязательно!

— Вы так уверены? — недовольно спросил он. — А вот я совсем не уверен! К тому же, на Земле наш отряд несёт потери. В последнем докладе как раз сообщили, что они потеряли несколько человек, а ваш муж не участвовал в сеансе связи. А ведь он руководитель! Обязан был присутствовать.

Его слова повергли меня в шок. Я снова и снова считаю, что мой муж бессмертный и вернётся домой во что бы то ни стало. Но ведь это не так!

— Я, конечно, не утверждаю, что он уже погиб, но список погибших могу посмотреть. — улыбался он.

— Посмотрите... — как во сне прошептала я.

— Обязательно! — гадко ухмыльнулся он. — Приходите ко мне завтра. Скажем часикам к восьми вечера. Я как раз освобожусь.

Меня бросило в дрожь от такого неприкрытого предложения.

— П-простите, я не могу. — я изо всех сил пыталась придумать, как мне от него отделаться. — Можно я пойду? У сына сейчас важная процедура. Он болен!

— Не можете? — недовольно протянул он. — Что ж, задерживать я вас не буду. Можете идти. Но моё предложение остаётся в силе. Хотя и недолго. Запомните это!

— Хорошо. Спасибо! — промямлила я. — До свиданья.

Выскочила из кабинета Багровича, как ошпаренная, и напрямик попала в руки к его охране.

— Вячеслав Сергеевич, все в порядке? — спросил любитель яблок, больно хватая меня за руку.

— Да-да, пусть катится отсюда. — пренебрежительно кинул он.

Охранник бережно прикрыл дверь и отпустил меня.

Не помня себя от страха и злости, я помчалась в свою палату. Пробежка помогла

прийти в себя, хотя в душ захотелось ещё сильнее, но на сегодня я свой лимит уже выбрала. Поэтому о душе можно и не мечтать до завтра.

Зайдя в палату, я увидела целое столпотворение врачей и мое сердце рухнуло вниз. Неужели Марку стало хуже? Или Софии? Или эти сволочи навредили им? Мне, как-то, стало нехорошо и я постаралась облокотиться на стену, но она почему-то оказалась так далеко, что я начала падать на пол. Падение было таким долгим, что я не могла понять, как пол может быть так далеко? Или низко? Или это я находилась слишком высоко? Я все падала и падала, а пол убежал от меня все дальше...

— Ксюша? Ксюша, что с тобой? — хлопал по щекам меня доктор Романенко. — Ксюша, ты в порядке? Как себя чувствуешь?

Рядом суетилась медсестра, подсовывая мне под нос ватку с чем-то вонючим.

Я лежала на полу, а вовсе не летела в бесконечную пропасть.

— Что произошло? — прохрипела я.

— Ты влетела в палату, а потом потеряла сознание. — объяснил Олег. — Что произошло?

— Не знаю. — ответила я, пытаюсь подняться. — Я просто увидела здесь толпу врачей... Что-то с Марком? С Софией?

— С ними все хорошо! — заверил меня доктор. — Я собрал комиссию, чтобы решить можно выписывать вас или нет. Комиссия решила, что больше мы ничего сделать не можем. София здорова. Марк останется на поддерживающей терапии и будет посещать медотсек раз в неделю.

Я заметила, что в палате мы уже были одни.

— А где все?

— Ушли по своим делам. — пожал плечами Олег. — Да и тебе воздух нужен был. Вот я и отослал их. Ксюша, а как давно ты полноценно ела?

— Ну, утром пару ложек синтежижи. — начала вспоминать я. — и вчера утром пару ложек.

— Ксения, у тебя очень высокая психоэмоциональная нагрузка. На тебе трое детей, двое из которых нуждаются в уходе. Тебе просто необходимо следить за своим питанием!!! Иначе ты не выдержишь! И что тогда будет с твоими детьми?

— На мне двое детей. — осторожно поправила я его. — Вы не знали, что Моника вчера пропала?

— Конечно знаю. — улыбнулся он. — И молюсь, чтобы до возвращения Алексея с командой она не нашлась!

Доктор Романенко хитро посмотрел на меня и подмигнул.

— А сейчас живо в столовую! — скомандовал он. — И чтобы съела полную порцию, иначе я детей тебе не отдам!

— Хорошо. — улыбнулась я. — Только пожалуйста дождитесь меня. Я обещала Марку, что буду здесь, когда он проснется.

— Как скажешь, милая! — улыбался Олег. — Я обещал Алексею присматривать за вами, так что ты уж не обижайся на старика!

— Ну что вы! Какие обиды! — уже вовсю улыбалась я.

Почему-то Олег Станиславович вызывал такие теплые чувства. С ним было безопасно и приятно общаться, словно с отцом.

— А знаешь, что, Ксюша? — вдруг спросил он. — А я с тобой пойду в столовую. Я ещё

не обедала, потом и не знаю когда представится такая возможность. Да и тебя проконтролирую.

— И компания хорошая способствует аппетиту. — поддакнула я.

— Зришь в корень!

Находясь в постоянных заботах о детях, я уже и забыла, что такое дружеское общение и беседа с доктором Романенко была для меня как глоток свежего воздуха.

Мы спокойно общались на отвлеченные темы и даже соглядатаи, которые даже не пытались скрываться, не помешали хорошей беседе.

Доктор Романенко посетовал, что станцию перевели на исключительно синтетическую пищу из-за того, что гидропоника не выдерживает такой нагрузки и за первые месяцы натуральная пища была съедена подчистую.

— Теперь только ждать нового урожая! — ворчал он.

Я качала головой, а сама вспоминала как охранник грыз яблоко. Как в кабинете у Багровича чахло лимонное дерево. Как на его столе лежали красиво нарезанные помидоры.

— Ну что Ксения, делу время, а потехе час? — неожиданно спросил Олег.

— Что? — не поняла я.

— Эх вы, молодежь! — по-доброму смеялся он. — Поговорка старинная такая. Я говорю, что нам пора к Марку. Да и другие пациенты меня ждут.

— Ах, да! — спохватилась я. — Простите. С вами так хорошо! Я давно так не общалась!

— Тебе бы друзей завести! — ворчал он на меня, поднимаясь из-за стола. — А то так совсем зачахнешь!

— Да некогда мне... — начала я, а потом кое-что вспомнила. — А ведь у меня есть подруга!

— Ульяна не в счёт. Ее и Андрей-то не видит. Вечно она в своих лабораториях пропадает. — по-отечески ворчал он. — Ты знала, что они с Андреем сблизились?

— Догадалась. — улыбнулась я. — Но я не о ней! Я о Лене.

— О ком? — удивился Олег. — Знаешь, я, конечно, посоветовал тебе завести друзей, а теперь ещё посоветую делать это осторожно! Такие времена настали...

— Так это моя старая подруга! Ее Моника вчера в одной из палат случайно нашла. — воспоминания о вчерашнем дне грузом легли на плечи. — Она после разморозки ещё спала.

— Так, кто там у нас вчера после разморозки был? — задумался доктор. — Игнатьева что ли?

— Да, Игнатьева! — обрадовалась я. — Мы с ней сто лет знакомы.

— Ну, может, и к лучшему, что у Игнатьевой подруга появилась. — пробормотал Олег. — Знаешь, по медкарте она в тяжёлом состоянии поступила. А когда пришла в себя, то ей диагностировали посттравматический синдром и тяжёлую депрессию. Сейчас, конечно, две трети станции с депрессией, но мне было бы спокойнее, если бы ты за ней присмотрела. Хотя, говоря о подруге, я, конечно, надеялся, что это она за тобой присматривать будет. Но, видно судьба у тебя такая — выхаживать больных. Ты, кстати, не хотела бы в медицину податься? И за Марком проще бы ухаживать было.

— А как же...? — удивилась я. — Ведь у меня и образование другое. И обучиться сейчас негде.

— А вот ты меня сейчас натолкнула на мысль, что нам просто необходимо начать обучать людей полезным профессиям! Я выдвину это предложение на ближайшем совете!

Тем временем, мы проходили мимо палаты Лены и я умоляюще посмотрела на Олега.

— Ой, да что мне с тобой делать? — проворчал он. — Заходи уже! Навести твою подругу.

Мы зашли в палату и я обрадовалась тому, что Лена уже была в сознании. Но через пару секунд моя радость померкла — Лена полулежала на подушках и никак не отреагировала на наше появление. Она пустым взглядом смотрела в стену и не обращала ни на что внимание.

— Лена! — осторожно позвала ее я. — Лен, это я, Ксюша. Лен, посмотри на меня!

Я взяла ее лицо в руки и повернула к себе. Несколько секунд Лена смотрела куда-то в пустоту, но я все же смогла заставить ее посмотреть на меня. Из глаз подруги потекли крупные слезы.

— Прости меня, Ксюшенька, милая, пожалуйста прости! Я думала успею спасти вас. Думала успею приехать и забрать вас всех. А теперь вас нет. И Миши нет. Никого нет! — она закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Лена! Лен! Это я! Живая! ЖИВАЯ, понимаешь? — пыталась я до неё докричаться.

Доктор Романенко подошёл к ней с другой стороны кровати и приложил к руке иньектор. Лена дёрнулась от укола и на миг перестала плакать.

— Ксюша? — наконец, она увидела меня. — Ксюша это ты?

— Да Лена! Это я! Живая! — сознание Лены уже начало уплывать. — Мы все спаслись. Все хорошо!

— Ксюш, она спит. — позвал меня доктор. — Рано ей ещё без седативных оставаться. Халатность медсестер! Хорошо, что зашли сюда. Кто знает, что могло случиться!

— С ней все будет в порядке? — с надеждой спросила я.

— Со временем. — кивнул Олег. — А теперь, пошли будить Марка. Ему уже точно пора просыпаться!

Вышла из палаты Лены в смешанных чувствах. Я очень рада, что она выжила в том аду, что творился на Земле. А ещё я очень переживаю за нее. Сможет ли она оправиться? И до сих пор злюсь за то, что она не предупредила меня о надвигающейся катастрофе.

Ладно, с этим я потом разберусь. А сейчас, действительно пора к моему любимому сыночку. Я так соскучилась по нему!

Доктор Романенко уже всюду суетился над Марком. Делал какие-то иньекции, отсоединял трубочки, катетеры, датчики...

Прошло минут десять, а ничего так и не произошло. Я уже начала беспокоиться, что что-то пошло не так. По виду доктора я ничего не могла понять, поэтому решила все-таки спросить:

— Что-то не так? С ним что-то случилось? — закидала я его вопросами. — Почему он не просыпается?

— Вот молодежь! — по-доброму ворчал доктор. — Всё — то им побыстрее надо! Просыпается, твой сын. Просыпается! Иди смотри!

Романенко отошёл в сторону, чтобы я подошла к сыну ближе.

Я с нетерпением всматривались в его лицо, но ничего не происходило.

— Ничего не происх... — начала было я, но в этот момент ресницы Марка дрогнули.

Я замерла, боясь шевельнуться и даже моргнуть. Все мое внимание сейчас занимал сын. Он был для меня всем миром, вселенной! От волнения вспотели ладони и я обтерла их об джинсы.

— Ну же, милый мой. — не выдержала я. — Просыпайся!

— Мама! — прохрипел Марк и его ресницы распахнулись. — Можно я сегодня не пойду

в сад?

Марк несколько раз моргнул, а потом начал осматриваться.

— Я думал мне все приснилось. — грустно сказал он.

— Не приснилось, маленький мой. — я приобняла его. — Но я обещаю, что теперь все будет хорошо!

Военный бункер. Североморск. Ветров.

— Я тебе говорю они бросили нас! — шептал мужской голос.

— А чего своих тогда не забрали? — донимал его другой.

— А того! — передразнил первый. — Раненные сейчас — это балласт. Вот и сбросили они его на нас! Уходить нужно, пока пауки сюда не пришли!

— Ну, не знаю. Боязно как-то!

После отбоя я долго не мог уснуть. Сначала ворочался с боку на бок, а потом стал в подробностях вспоминать одну наискучнейшую книгу. Обычно это помогало мне успокоить мозг, и я быстро засыпал. Но не сегодня. Вот уже полчаса я являюсь свидетелем одного очень интересного, но неприятного разговора.

— Да чё ты ссышь? — снова начал первый, в котором я узнал Сергея. — Оружие и еда не охраняются! Возьмём сколько унесём и свалим отсюда! Колбаска опять же нам в помощь!

Вот сука! Знает же, что запас ограничен и хочет оставить нас без провизии, защиты и транспорта! От злости сбилось дыхание и говорящие притихли. Нужно вести себя потише, чтобы вызнать их планы. Ведь если они выйдут отсюда, то погибнут!

Заговорщики, убедившись, что все спят, снова начали шептаться.

— Да? Так прям и свалим? А как выйдем отсюда? Ведь выход охраняется!

— Слушай. Ну это как-нибудь решим. Ты давай решай с нами ты или нет? Бабы, дети, да раненные — это обуза! Бросим их здесь, пусть ждут ушедшую группу. А мы возьмём их машину да свалим в Мурманск. Ну не верю я, что там все так плохо! А если и плохо, то отправимся в другой город. У них вон в машине припасов полно! Нам должно хватить... — продолжал Сергей — Хотя пару баб я бы взял. Туго без них. Но они трусливые. Вряд ли согласятся уйти с нами. Да ещё кипишь поднимут.

— Это да. На них надежды нет. Если только кляп в рот и на плечо, а когда выйдем, то они сами за нами пойдут, иначе погибнут!

И вот ради этих людей я несколько месяцев рисковал жизнью?

Я чуть снова себя не выдал. Пришлось усилием воли успокаивать дыхание.

— Ну ты и... Не, это тоже не вариант. А если те шум поднять успеют? Да и к тому же, когда выйдем к цивилизации, эти бабы настучать на нас могут. Не, не вариант. Перебьемся как-нибудь без них. — отмел идею человека, в котором я узнал Сергея. — Так что? Ты с нами?

— Да, конечно. — неуверенно прошептал второй, которого из-за тихого шёпота я так и не узнал. — Я тоже считаю, что от нас просто избавились!

— Тогда спи. — совсем тихо прошептал Сергей. — Как все будет готово, тебе сообщат!

Во, дела! Оказывается, есть целая группа людей, которые хотят уйти отсюда. Чего им не хватает? Тепло, безопасно, есть провизия и лекарства. Нет же, рвутся, идиоты, в самую мясорубку. Да ещё и малочисленным составом. Да ещё и нас подвергнут опасности.

Необходимо будет завтра усилить охрану у входа. Да и к провизии с оружием приставить пару человек не помешает. Нельзя дать этим парням уйти. И себя погубят, и нас.

А сейчас пока сделать вид, что ничего не знаю, чтобы вычислить всех из этой группы.

Размышления о завтрашнем дне незаметно затянули меня в сон. Беспокойный и короткий. Но и этого оказалось достаточно, чтобы случилась катастрофа.

Открыв глаза, я сразу же проверил на месте ли наши беглецы. Как оказалось не на месте. В душе заворочалось нехорошее предчувствие и я решил, как можно скорее обсудить случившееся ночью с оставшимися военными, но сделать этого не успел. В кабинет, оборудованный под спальню, вошёл военный и сказал:

— Константин Павлович, пройдёмте. У нас ЧП.

Я сразу понял о каком ЧП идёт речь. Похоже, я опоздал.

По коридору шли молча. По мрачному лицу военного, которого, кажется, зовут Стас, я понял, что дело плохо.

— Сколько человек ушло? — спросил я, как только мы вошли в кабинет.

— Вы знаете? — с подозрением спросил командир.

— Да, знаю. — не стал скрывать я, стараясь припомнить его имя. По-моему его зовут Денис. Лапин. — Узнал сегодня ночью, но думал время еще есть и решил, что подожду утра, чтобы не спугнуть их и выявить всех. Моя вина.

— Вы знаете почему они это сделали? — Денис был мрачен, как туча.

— Они не доверяют военным. Считают, что нас бросили. — ответил я, внимательно наблюдая за военными. — Это ведь, не так? После миссии, ваши люди вернутся за нами? Вы поможете нам перебраться в безопасное место?

— Конечно, они нас не бросили. Просто, мы бы их тормозили. Да и вообще, мы — слабое звено! Защищая нас, они могли провалить миссию, которую должны выполнить любой ценой!

— Любой ценой?

— Любой.

Мне не понравился такой расклад и я решил уточнить:

— Ради выполнения этой миссии они могут бросить нас здесь?

— Да. — честно ответил он. — Но не бросят. Им в любом случае придется вернуться в Североморск. Так что, ждём их. Залечиваем раны и набираемся сил.

— Долго ждать-то?

— Кто ж знает! — развел руками лейтенант Лапин.

— Может ты все-таки скажешь мне, что за миссия? Что там такого важного, что вас направили в это пекло?

Лейтенант опустил голову. Было видно, что из уважения ко мне он хотел рассказать все как есть, но его останавливала присяга.

— Брось, сержант. Я ведь тоже военный! Знаю, как держать язык за зубами. Но если я сам буду полностью уверен, что нас заберут, то и своих людей мне будет проще убедить. Они поверят мне на слово!

— Хорошо. — кивнул он. — Но все, что будет сказано здесь, не должно выйти туда!

И он указал на дверь.

— Я это понимаю. — кивнул я.

— В Мурманске нет безопасного места.

— Как так? — опешил я.

Признаться, я ожидал чего угодно, но только не такой правды! Ведь все мы здесь ждем отправки в безопасное место.

— Весь мир сейчас похож на Североморск, только декорации разные. — невольно добивал меня он. — Все барьеры в городах разрушены. Инфраструктура уничтожена. Вся цивилизация на планете Земля обратилась в прах.

По мере того, как лейтенант говорил, его лицо становилось все мрачнее и мрачнее.

— Ты говорил, что нас отвезут в безопасное место. Ты лгал?

— Нет. Я не лгал. Вас отвезут в безопасное место, только... Оно не на Земле.

— Что, прости? — это было похоже на сюр или розыгрыш, да только на лицах военных я не видел и толики веселья. — У тебя крыша поехала?

— Нет. Это правда. Все люди, каких только смогли эвакуировать, отправились на лунную станцию. Именно там сейчас единственное безопасное место.

Теперь понятно почему за нами не прислали помощь. Если все на Луне, то просто некого было посылать.

— Тогда, что вам ЗДЕСЬ нужно? Или космический корабль потеряли где-то здесь?

— Нет, космический корабль мы не теряли. Шаттл ждёт нас в Мурманске.

Вот же... Он что серьезно?

— Ты серьезно? — уже вслух спросил я.

— Да.

— Тогда, что за миссия у вас здесь?

— Всего лишь забрать и доставить кое-что на Луну, но это все потом. Нам нужно вернуть людей, которые ушли! Иначе они погибнут. Ты лучше знаешь их и Североморск. Мне нужна твоя помощь!

— Да, хорошо. — кивнул я. — Действительно сейчас это важнее всего. Когда выдвигаемся?

— Чем быстрее, тем лучше.

Выдвинулись практически сразу же, только лишь взяв необходимое оружие и провизию.

Выходить на поверхность было неприятно и неудобно. Напряжение, отпустившее в последние дни, вновь вернулось с удвоенной силой. Подсознание подсовывало жутких чудовищ на каждом шагу, поэтому двигались мы медленно.

Солнце, уже поднявшееся из-за горизонта, пряталось за низкими тучами, с которых сыпала колючая "крупка" снега.

Наша немногочисленная группа, состоящая из трёх военных, меня и добровольно вызвавшегося медика, который, из-за острой простуды, не отправился вместе с остальными на миссию, воровато осматривалась.

Подняв воротник термокуртки до самых ушей, я подошёл к командиру отряда.

— Нам бы поторопиться, Денис, пока следы снегом не занесло! — подсказал я ему.

— Да, точно! Вперёд! — скомандовал он.

Судить его растерянность было легко, сложнее было понять. Люди, пережившие встречу с мутантами, а уж тем более неоднократную встречу, испытывали робость, оказавшись на открытом пространстве. Надеюсь, наш командир придет в себя в скором времени, иначе придется брать командование на себя, во избежание потерь. Все-таки, этот Лапин совсем ещё зелёный!

Идти по следу "Колбаски" было легко. Тяжёлый, бронированный транспорт оставлял глубокий след на снегу. Радовало то, что кроме следа машины, вокруг не было никаких следов мутантов. словно избавившись от людей, животные поспешили убраться из города. Что ж, нам это на руку! Беспокоило лишь то, что непрекращающийся снег, мог лишить нас подсказки направления сбежавших людей. Стоит поторопиться, иначе мы рискуем застрять на поверхности надолго.

С каждым шагом группа двигалась все быстрее и смелее и вскоре мы перешли на лёгкий

бег. Сказывалось отсутствие тварей.

Примерно через полчаса такого бега стала появляться паутина. То тут, то там она словно грязная вата окутывала дома, машины, столбы. Двигаться стали медленнее, боясь попасться в нее. Спасало то, что "Колбаска" тоже двигалась по маршруту, наименее затянутому липкими нитями.

— Слушайте, а если они уже из города ушли? — запоздало спросил медик, когда мы решили устроить пятиминутную передышку.

— Вить, ты понимаешь, что мы не просто так за ними гонимся? Не ради припасов! И даже не ради "Колбаски"! — ответил ему Денис. — Мы жизнь им спасаем! Если не вернут их, то они погибнут там!

— Угу... — промычал Виктор. — Только вот как мы их искать будем... Они на машине, а мы на своих двоих!

— Как-нибудь! — отмахнулся командир.

— Не надо никого искать! — вмешался в разговор я. — Все. Пришли. Вернее нашли.

Я уже давно заприметил бронетранспортер неподалеку от нас. И я очень надеялся, что ошибся, но, к большому сожалению, это не так.

На обочине дороги на боку лежала наша "колбаска". Вся опутанная паутиной, она с трудом узнавалась, но это была именно наша "Колбаска". Другой такой, по словам ребят, просто нет. Но самое страшное было даже не то, что мы нашли перевернутую машину, а это значит, что в Мурманск нам придется идти пешком. Самое страшное было то, что вокруг «Колбаски» висело шесть продолговатых коконов.

— Твою ж мать! — выругался кто-то, или все сразу, непонятно.

— Может они ещё живы? — спросил командир отряда. — Может, если вытащить их из коконов и принести в бункер, то там сможем оказать им помощь?

— Не уверен, что это возможно! — вмешался Виктор. — Пауки всегда умерщвляют свою жертву перед заворачиванием в кокон! Это я еще по институту помню!

— Но если мы не попробуем... Не посмотрим, то не узнаем наверняка! — возразил ему я, поскольку это были мои ребята и я не мог так просто отступить. — Мы же не можем бросить их? Нужно проверить! Вдруг они живы?

— Это очень рискованно! — упирался наш медик. — Паутина для пауков не только ловчая сеть, но и сигнальный трос!!! Заденешь хоть одну нить и тут же о тебе узнают!

— Ну, а мы аккуратно! — не унимался я.

— Так, все! — встрял в наш спор командир отряда. — Решено! Нужно проверить живы они или нет. Если нет, то и разговора нет — разворачиваемся и уходим в бункер. Если да, то надо помочь!

Двое солдат остались охранять периметр, а командир, Виктор и я направились к коконам.

— Если вдруг, — шептал Виктор, — нам встретится паук, то его нужно обязательно взять...

— Что значит взять? — удивился командир. — Живым что ли?

— Конечно, было бы отлично живым, — усмехнулся медик, — но я же не дурак так рисковать! Можно и дохлого. Просто, если наши парни живые, то чтобы им помочь мне нужен образец яда.

— Ясно. — кивнул командир. — Сделаем, что сможем, но сильно не рассчитывай на это!

Виктор виновато улыбнулся и мы продолжили остаток пути в абсолютной тишине, лишь только снег похрустывал под берцами.

Подойдя к коконам, мы осмотрелись, но поблизости пауков не было видно.

— Так, я режу паутину, а вы смотрите, чтобы эти твари нас врасплох не застали. — решительно сказал командир.

Так мы и сделали. Паутина резалась с трудом. Сложности добавляло ещё то, что нужно было не покалечить парня внутри кокона, поэтому командир долго возился прежде, чем смог освободить его лицо.

Он был жив!!! На сонной артерии отчётливо прощупывался пульс, а значит и нам пора браться за ножи, чтобы закончить все побыстрее.

Мы подошли к двум другим коконам и пытались аккуратно разрезать нити. Старались слишком сильно не дергать за них, чтобы не привлекать внимание пауков.

— Вот бы они ещё пришли в себя! — кряхтел Виктор. — А то мне, ну совсем не улыбается, тащить этих горил на себе!

Бойся своих желаний! Так говорили в древности и были правы.

Несколько минут мы, напряжённо оглядываясь, резали прочные нити паутины. И вот, когда командир уже почти освободил одного из пленников, который оказался зачинщиком побега, он вдруг заморгал, потом непонимающе уставился на нас, а после того, как он нас узнал, начал истошно орать и рваться из кокона.

— Вытащи! Вытащи меня отсюда! — кричал он, дергаясь в коконе.

— Слушай, давай потише! Мы тебя сейчас вытащим, только не ори! — полусшепотом уговаривал его командир.

— Вытащи! Вытащи! Вытащи меня!!!ААААА! — кричал, безумно вращая глазами Сергей.

— Давай потише и не дёргайся так! — шепотом крикнул я ему. — Не то пауков привлечешь, а нам ещё других вытаскивать!

— ПАУКИ? — услышал меня парень. — Нет, нет, нет! Только не пауки! ВЫТАЩИ МЕНЯ!!!

Он истошно орал, ровно до того момента, пока не послышался неприятный уху стрекот.

С Сергеем произошла мгновенная метаморфоза — он резко замолчал, скукожился, словно стараясь стать менее заметным и едва слышно поскуливал.

Стрекот повторился, но противника мы ещё не видели, поэтому мы удвоили наши усилия по освобождению пленников.

Виктор, который пытался освободить кого-то из соседнего кокона, облегчённо вздохнул.

Я его понимал. Очень сильно напрягали истеричные вопли Сергея, особенно учитывая, что вокруг нас кровожадные твари.

На этот раз за стрекотало совсем близко.

Двое солдат, что остались охранять нас, все активнее жестикулировали, показывая, что мы должны немедленно отступить. Но бросить своих людей на съедение этим тварям мы не могли и поэтому мы торопились изо всех сил. Пальцы на морозе совсем окоченели. Движения становились все более резкими и неаккуратными. Но ведь лучше поранить человека, но освободить, чем бросить здесь умирать!

Неожиданно из-за угла появилось существо, размером с некрупную собаку. Все тело этой твари было покрыто густой серой шерстью, а лап было гораздо больше, чем у обычного

паука.

К тому моменту Сергея освободили полностью, ещё двоих наполовину.

Тварь забралась на перевёрнутую "Колбаску" и негромко пощелкивала своими внушительными хелицерами — наверное ждала подмогу.

Командир жестом показал дозорным не стрелять. Действительно, тварь пока была одна и не проявляла агрессии, а выстрелы лишь привлекли бы к нам остальных затаившихся мутантов.

— Если появятся ещё пауки, то придется бросить остальных и спасти хотя бы этих! — прошептал Денис, изо всех сил пытаясь разрезать кокон.

Он прав. Судя по тому, что шестеро человек не смогли отбиться от мутантов, нам вообще следовало немедленно развернуться и уходить восвояси, не дожидаясь, пока нашему многоногому "другу" подоспеет подмога. Но бросать своих не хотелось.

И поэтому, мы изо всех сил перепиливали прочные нити паутины.

Самое странное, что как только лицо беглецов оказывалось вне кокона, так они сразу приходили в себя и, хоть и вяло, но помогали освободить себя от паутины. Это радовало! Ведь тогда не придется тащить их на себе.

— Это вовсе не пауки! — заметил Виктор.

— Что? — удивился я.

— Они лишь похожи на пауков, но что это за твари я не знаю. Какой-то ложноарахноидный организм.

— Хм. — только и смог произнести я.

Все-таки странный он. Тут на кону наши жизни и жизни наших товарищей, адреналин зашкаливает, а он успевает подмечать такие вещи.

— По-моему, если выглядит как паук, значит и есть паук. — буркнул командир.

— Ну нет. У пауков восемь лап, а у этих больше. Не вижу сколько точно, но больше. Я в институте не прогуливал зоологию.

— Подумаешь. Вон, зайцы тоже кучу лап отрастили, может и пауки тоже? — прошептал я.

— Да нет же! А шерсть? А глаза? Ты видел? Они лишь маскируются под пауков! — не унимался Виктор.

Паук действительно был странного вида. Несмотря на длинную шерсть было отчётливо видно три части тела, множество лап и всего одну пару глаз. Причем глаза пугали больше всего. Они были похожи на человеческие. Вполне себе милые такие, голубые глазки на серой лохматой паучьей морде.

— Так, ну-ка цыц! — шикнул на него командир. — Нашел время! Вон смотри, твой «непаук» ближе подбирается. Совсем осмелел.

Мы синхронно обернулись на приближающуюся тварь.

Действительно, занятые распиливанием коконов мы не заметили, как мутант подобрался к нам вплотную и внимательно за нами наблюдал, невинно моргая огромными глазищами. Он даже щёлкать перестал.

— Подозрительно это! — прошептал я, не отрывая взгляда от него. — Может пальцем по нему?

— Нет. — остановил меня командир. — Думаю пора уходить. Остальных не успеем вытащить. Наверняка он так осмелел, потому что подмога близко. Четверых освободили и то хорошо! Ребят, идти можете?

А с ребятами стало все плохо. Лица их побагровели и покрылись испариной, несмотря на крепчающий мороз. Они уже не помогали нам, а лишь сидели на снегу и постанывали.

— Что с ними? Виктор? — зашипел командир.

— А что сразу Виктор? Не знаю, я такое впервые вижу... - пожал плечами он. — Видно, все-таки, действует. Я же вам говорил! Нужно убираться отсюда быстрее, чтобы хотя бы этих спасти!

— Внутри...внутри все горит! — с искаженным от страдания лицом прошептал Сергей.

— Так, ладно. Уходим! Пока подмога этому не подоспела. — прошептал командир

И, словно услышав его слова, со всех сторон послышался стрекот.

— Опоздали!

Первым кинулся тот паук, что охранял нас. Он метил в меня и я уже приготовился поджарить его выстрелом из автомата, как вдруг Сергей истошно заорал, схватил Виктора и толкнул навстречу твари, а после с криками помчался куда глаза глядят. Через пару десятков шагов он запнулся, тяжелым кулем повалился на землю и затих.

В руках у Виктора был лишь плазмонож, которым он разрезал паутину и он попытался отбиться им, но паук ловко выбил его из рук медика и вонзил ему в лицо свои хелицеры, а затем, высунув из брюшка жало, дважды ткнул им в его руку.

Виктор закричал и попытался скинуть с себя тварь, но тварь к тому моменту уже и сама спрыгнула.

Отбежав в сторону, тварь снова уставилась на нас, но уже через секунду испарилась зловонным облачком — это дозорные, не выдержав, пальнули по ней.

Мы с командиром подхватив по два человека помогая им идти. Сейчас мы были абсолютно беззащитны и вся надежда была только на дозорных ребят. Дозорные оправдывали наше доверие — раз за разом вспыхивали выстрелы и где-то за спиной слышалось шипение испаряющихся тварей.

Оборачиваться времени совсем не было. Мы, выбиваясь из сил, тащили наших ребят к укрытию дозорных, но что мы будем делать там? С такой ношей нам не уйти от преследования, а вести орду пауков к бункеру мы точно не можем.

Между тем выстрелы слышались все чаще, а шипение испаряющихся тел становилось все ближе к нам. Похоже тварей становится все больше и дозорные с трудом сдерживают их.

Виктору было совсем плохо. Лицо и рука раздулись, он с трудом дышал и передвигал ногами.

Наконец, мы добрались до укрытия наших прикрывающих ребят.

Они спрятались за перевёрнутым автобусом, куда мы, тяжело дыша, и ввалились.

Уронив свою ношу на землю, я скинул с себя оружие и упал на четвереньки, пытаюсь отдышаться. Все-таки, я уже не молодой пацан для таких забегов.

А, нет. Возраст тут не при чем. Рядом, так же жадно хватая воздух, лежал командир.

А вот дозорным было не до отдыха.

Судя по количеству выстрелов нас хорошо прижимали.

— Так, нужно оказать им помощь и соорудить носилки. — задыхаясь прохрипел командир. — Без носилок нам их не дотащить!

— Нам их и с носилками не дотащить! — возразил я. — Нужно что-то придумать! Нужен транспорт!

— Эй, а может поторопитесь, а? Нас тут не хило прессуют! — крикнул второй дозорный.

— Слушайте, вы нигде не видели хоть какой-нибудь транспорт? — спросил я у дозорных. — Любой! Лишь бы на ходу и не в паутине?

— Не, ты чего? Какой транспорт? Ты вообще видишь, что творится? Ох-ё! Что с ними? Что-то они совсем худо выглядят! — дозорный ткнул дулом автомата мне за спину.

С недобрим предчувствием я обернулся на раненных, которые все громче стонали.

Виктор лежал совершенно неподвижно. По фиолетовым пятнам на синюшной коже и сочащейся из багровых ран желтоватой жидкости было ясно, что его нам уже не спасти. Виктора мы потеряли.

Но опасения сейчас внушал не он, а те, кто сейчас корчился в агонии. Парни кричали, катались по земле, срывали с себя одежду, пытаясь добраться до чего-то.

— Нужно уходить! Сейчас! — прошептал дозорный. — Им не помочь!

Некоторые из парней уже не кричали, не дергались, а лишь тихо хрипели и вздрагивали.

Я задрал куртку одного из них и отшатнулся. Вся кожа парня словно пузырилась, а под ней что-то мерзко копошилось. Боже, да их заживо жрали!

— Уходим! — прошептал командир. — Ну же! Идём! Оставь его!

— Стой! Нужно прекратить это все! Их же жрут изнутри, понимаешь?

Я потянулся за своим автоматом, что так и валялся недалеко от меня, но в этот момент пауки прорвали нашу защиту и накрыли нас кишачей волной.

Нам пришлось оставить их. Наших товарищей, людей, которым я на протяжении целого месяца помогал выживать, с которыми бок о бок отстреливался от тварей, с которыми спина к спине грелся холодными ночами.

Отступить было не сложно. Нас словно отпустили. Твари столпились вокруг раненных и громко стрекотали, снова заворачивая их в коконы.

Обратно шли в полном молчании. Говорить не хотелось никому. Мы не смогли спасти шестерых человек, потеряли Виктора, транспорт. Сами еле ноги унесли.

Так мы и вернулись в бункер. Молчаливые, мрачные.

Охрана, что нас встречала, не задала ни единого вопроса. Все всё поняли и без слов.

*Рыбы сходят с ума, наземь падают птицы,
Голуби скоро начнут, как вороны, каркать,
Будут кусаться и выть молчальники карпы,
Будут вгрызаться в людей цветы полевые,
Воздух вопьётся в грудь, сердце высосет, выест.*

Илья Эренбург

Ветров. 20 лет назад.

— Ко-о-ость, а ты ничего не забыл? — кокетливо улыбаясь спросила жена.

Конечно, я не забыл. Как можно забыть о том, что год назад самая красивая девушка на Земле стала моей женой? Я столько лет добивался её, а она все упиралась. Сначала, мол, учёба, потом карьера, а вот потом уже свадьба. Ну чем, скажите, ей помешал бы муж? Так и пришлось отваживать от неё ухажеров несколько лет. Но вот теперь она моя жена. И сегодня у нас первая годовщина. Как я мог забыть об этом?

Сюрприз уже приготовлен, подарок тоже. Осталось дожидаться вечера.

— Ты о чем? — ну, не смог я удержаться и не подколоть её. — А! Ключи! Держи, родная.

Демонстративно снимаю ключи с крючка на стене и отдаю ей.

Её лицо на мгновение меняется, но она быстро берет себя в руки. Эх, опять не удалось развести её на эмоции. Ледышка моя любимая!

— Конечно, ключи, любимый! — елеиным голосом говорит она, забирая из моих свои ключи. — И, я надеюсь, что к вечеру ты, все-таки, вспомнишь об одном очень важном деле и не опростоволосишься! Думай, любимый, думай!

Она легко чмокнула меня в щеку, схватила сумочку и умчалась на свою сверхважную работу.

Карьера у Людмилы шла полным ходом.

Новые перспективные станции строились повсеместно и квалифицированные инженеры были на вес золота. Вот таким золотом и оказалась моя Людмила.

В связи с последними событиями в мире мне не очень нравится, что она там работает, но кто я такой, чтобы лишать её возможности самореализоваться.

Террористические акты на гедониевых станциях всполошили весь мир и теперь все подобные объекты находятся под охраной военных. Только это и утешает. Я и сам перевёлся на станцию, чтобы быть поближе к любимой.

Но сегодня у меня выходной и поэтому я подготовил романтический ужин, раздобыл клубнику, которая стоила как крыло самолёта и в которой больше вреда, чем пользы. Будь моя воля я бы ни за что не купил такую дрянь, но что поделать, если любимая без ума от неё? Так что стисни зубы терпи, ты же мужик!

К часу X при полном параде я подъехал к ККП станции Цитадель.

Звонить Людмиле бесполезно, когда она на работе, то уходит в неё с головой, поэтому я просто ждал, терпеливо наблюдая как менее добросовестный персонал стремительно разбредается кто куда.

18.00. Вот-вот должна выйти моя Люда. Я поправил обертку на подарке и, глядя в отражение на зеркальных стенах здания, рукой причесал волосы. Сегодня все должно быть

идеально. Черт, волнуясь, как на первом свидании! Скорей бы она уже вышла!

Я топтался перед входом в здание, выглядывая молочно-белое, лёгкое пальто моей любимой, но она все не появлялась.

Смутное беспокойство охватило меня. Годы военной службы вбили в голову, что все должно идти чётко по графику. Мелькнула мысль позвонить Люде, но я быстро её выкинул из головы — хотелось все же сделать любимой сюрприз. Хотелось увидеть на её лице удивление, а затем и радость.

Конечно, я мог бы, используя служебное положение, пройти внутрь и найти её, но упрямый характер сопротивлялся — все должно быть чётко по плану!

Когда раздался чудовищной силы взрыв, я даже не понял, что произошло.

В глазах двоило, голове звенело и окружающие звуки до меня доходили словно через подушку. Слух вернулся так же внезапно, как и пропал. Крики, грохот, что-то падает сверху. Я тряхнул головой, понял, что уже не стою, а лежу на асфальте и кто-то пытается оттащить меня в сторону от здания.

Мужик, что тянул меня за руку и громко матерился, увидев, что я пришёл в себя, отпустил мою руку и снова побежал к зданию, помогать людям.

Несколько секунд, а может и минут, я не мог сообразить, что происходит.

На месте монументального здания Цитадели были какие-то развалины. Сверкающее изумрудное стекло грудой мусора лежало на земле. Из тридцати этажей этой громадины, осталось хорошо если с десятков — все верхние этажи сложились друг на друга словно карточный домик и горели странным, с фиолетовым отливом, пламенем, жар от которого достигал меня. Относительно целыми остались несколько нижних этажей, откуда сейчас выбегали израненные сотрудники.

Теракт.

В нашем городе.

Снова на гедониевой станции.

Но это невозможно!!!

Цитадель охранялась военными круглосуточно. Её берегли как зеницу ока, ведь от неё питался весь город.

Люда!

Мысль о жене обожгла раскаленным железом.

Резко поднялся на ноги, но головокружение заставило вновь опуститься на землю.

Глубокий вдох-выдох, чтобы удержать содержимое желудка. Черт, похоже сотрясение. Я должен найти Людмилу, должен её найти! Она не может... Не может!

Ощупал голову и нашёл на затылке липкую от крови рану. Наверное, обломок здания прилетел в голову. Как же не вовремя!

— Эй, эй, помоги мне! — крикнул я, бегущему в сторону здания, парня. — Помоги мне встать!

— Да, конечно! — тут же откликнулся он. — Ты как? В порядке? Слушай, я пойду, нужно людям помочь!

И парень уже собирался было уйти, но я его остановил:

— погоди! погоди! Мне тоже нужно туда!

— Э, не, парень! — возмутился он. — Ты чего? Тебе к врачу нужно! Там и без тебя справятся!

— У меня ТАМ жена! — прорычал я ему, указывая на здание. — Понимаешь?

Парень серьёзно посмотрел на меня, на рану на моей голове, задумался на секунду и кивнул.

Он закинул мою руку себе на плечо и мы потащились ко входу в Цитадель.

Сколько же раненых! Ещё больше людей, не подавая признаков жизни, лежали безвольными кулями.

Я пытался в этой толпе перепуганных до панического ужаса людей, найти Люду. Но её нигде не было.

ЕЁ. НИГДЕ. НЕ БЫЛО.

Мысль о том, что её лаборатория и кабинет находились на верхних этажах, я усилием воли выталкивал из головы. Она не могла. Не могла!

Наверняка она уже направлялась к выходу. С ней все в порядке! Всё в порядке!

— Эй, ты как? — подал голос парень. — Сможешь сам идти? Тут много людей, которым помощь нужна. Мне некогда с тобой возиться!

Я кивнул и парень, отпустив меня, скрылся в изуродованном здании.

С громким воем разномастных сирен подъехали машины пожарных, спасателей и скорая помощь. Специалисты экстренных служб принялись помогать пострадавшим.

А я смотрел на эту суету и не мог понять, что не так? Что-то не давало мне покоя, зудело, словно комар над ухом.

И вдруг я понял, что совершенно не понимаю мотивов террористов. Конец рабочего дня. Большая часть персонала уже вышла из здания. Конечно, есть и ночные смены, но затевать теракт, ради нескольких десятков человек? Непонятно!

К тому же взрыв произошёл на верхних этажах и разрушил только их. Тогда как, заложив они взрывное устройство на первом этаже, был бы шанс разрушить здание полностью. Дилетанты? Не думаю!

Не подготовленные люди не смогли бы проникнуть в Цитадель. А подготовленные сделали бы так, чтобы пострадало больше людей.

Что-то здесь не так. Но что?

А может...

— Эй, эй! — попытался я остановить спасателей, которые бежали в здание. — будьте осторожны! Могут быть ещё взрывы!

— Мужчина, пройдите к скорой помощи, вам нужно, чтобы вас осмотрел врач и обработал рану.

Спасатель словно не услышал мои слова. Отчеканил будто заученную фразу и скрылся внутри здания. А я вдруг понял, что если донесу до них свою мысль о повторных взрывах, то меня просто не пустят в здание. Скрутят, кольнут седативное и отправят в госпиталь.

Поэтому я молча, стараясь быть как можно менее заметным, проскользнул в горящее здание через разбитое окно.

Пробираться по коридорам было легко лишь на первом этаже. Чем выше я поднимался, тем более явными были разрушения.

Отсутствие электричества, трещины на стенах и полу, осыпавшаяся штукатурка и стекло, едкий дым и нестерпимый жар. В какой-то момент я просто упёрся в провал. Подняться выше возможности не было, поэтому пришлось поворачивать назад и искать другую лестницу. В тёмных, задымленных коридорах я блуждал, словно слепой котенок. Терял драгоценное время, отчего меня захлестывал страх и гнев.

Где-то здесь, нуждается в помощи моя жена! Ей страшно, возможно она ранена, а я все

никак не могу к ней пробраться и вытащить её из этого ада!

— Помогите! — тихий голос застал меня врасплох. — Пожалуйста помогите!

Под разрушенной стеной плакала женщина. В какой-то момент моё сердце радостно подскочило от осознания, что это может быть Люда, но я быстро понял, что это не она.

— Помогите, прошу вас! Не бросайте меня! — все просила она.

Признаться, увидев, что это не моя жена, я хотел пройти мимо. Но потом с раздражением понял, что не смогу так!

Осмотрев завал понял, что женщина наверняка пострадала несильно, так как её накрыло одной большой плитой, под которой сохранился "карман", который и стал ловушкой для женщины.

Я зашёл в ближайший кабинет в поисках чего-то, что могло послужить рычагом для поднятия плиты, но ничего не нашёл и вышел обратно в коридор.

Женщина надрывно кашляла. Дым все сильнее заполнял коридор и мне, как и ей, не хватало воздуха. Я все больше раздражался, ведь я сейчас теряю драгоценное время. Я сейчас нужен своей жене!

Но бросить здесь эту женщину я не мог. Попытался приподнять плиту — не вышло. Слишком тяжёлая.

— Как вас зовут? — спросил, опустившись на колени рядом с ней.

— Таисия. — прохрипела она. — Пожалуйста не бросайте меня здесь!

— Да не брошу я тебя, успокойся. — только женской истерики мне не хватало. — Ты ранена?

— Н-нет, вроде бы нет. — замотала головой она.

Может оставить её здесь, да найти спасателей, чтобы вытащили её?

Или...

Торчавшая из стены почти с корнем вырванная арматурина, как нельзя лучше подходила для моей задумки. Я ухватился за неё обеими руками, навалился всем телом, и она с громким хрустом отломилась от стены.

— Так, Таисия, я сейчас попытаюсь приподнять плиту, а ты, как только появится возможность, быстренько оттуда выползаешь. Поняла?

— Поняла!

Я воткнул конец железки под плиту и изо всех сил попытался поднять. Плита была очень тяжёлая и я смог лишь на пару сантиметров приподнять её.

— Черт. — выругался я. — Тая, я один не подниму. Я пойду позову помощь.

— Ой нет-нет-нет! Пожалуйста не оставляйте меня одну. Мне так страшно!

И тая залилась горьким слезами.

Да, чтоб тебя. Вот как её оставить? Я снова и снова пытался поднять плиту, но у меня вышло лишь ободрать себе руки в кровь.

Так, нужно подумать! Подумать...

Думать было трудно. Дым и жар лишали способности трезво мыслить. Хотелось только одного — сделать хотя бы глоток свежего воздуха.

— Эй, эй, вы что тут делаете? — крикнул спасатель, неожиданно появившийся из-за угла. — Вам нужно немедленно покинуть здание!

— Мне нужна помощь! — Боже, братец, как же ты вовремя! — Тут женщина застряла!

— Где? — мужчина подбежал и начал осматривать ловушку, в которую угодила женщина. — Вы ранены? Как вас зовут? Вы можете двигать всеми частями тела? Ничего не

придавлено?

Девушка довольно бодро отвечала на его вопросы, а я, как только надел на лицо респиратор, что дал мне спасатель, собирался потихоньку уйти. Пусть ею занимаются профессионалы.

— Мужчина, подождите! — окликнул он меня, заметив, что я ухожу. — Мне нужна ваша помощь. Один я не подниму эту плиту.

Чёрт!

Хотелось выругаться покрепче, но я никогда не позволял себе совсем уж сквернословить.

Пришлось вернуться. Спасатель тем временем вытащил из-под плиты мою арматуру и что-то вокруг искал.

— Я вообще-то из неё рычаг сделал! — и чему их в академии учат? И пятилетке будет ясно, что с рычагом легче поднять плиту. — Чтобы плиту легче было поднять.

— Я понял. — усмехнулся спасатель моему замечанию. — Только рычаг можно применить по-разному. Гораздо легче давить, чем поднимать!

С этими словами он подтащил небольшой обломок стены к месту, где был наибольший зазор между плитой и полом и соорудил из всего этого примитивные качели, на одной стороне которых была плита, на другой мы, а опорой всему служил тот кусок стены, что он приволок. Всё так просто!

— Теперь нам осталось только навалиться всем весом на нашу сторону, и плита должна приподняться. — подтвердил он мою догадку. — А вам, Таисия, нужно будет, как можно быстрее, оттуда выбираться! Вы поняли?

— Да-да, конечно! — с приходом спасателя девушка совсем перестала плакать и терпеливо ждала, когда её освободят.

Мы сделали, как сказал спасатель — всем весом навалились на наш конец железного прута и, о чудо, плита приподнялась.

Девушка только и ждала этого и, как только между полом и плитой образовалась достаточная щель, ловко выбралась из своей тюрьмы.

— Спасибо! Спасибо вам большое! — она обняла спасателя. — Спасибо, что спасли меня.

Она громко закашлялась и спасатель надел на её лицо респиратор. А я в очередной раз мысленно чертыхнулся — сколько же времени я потратил на возню с этой железкой, а все оказалось так просто! Мог бы и сам догадаться.

— Мужчина, нам нужно немедленно покинуть здание!

— Вы идите. — я посмотрел ему в глаза и уверенным голосом добавил. — Мне нужно найти жену. Она где-то здесь. Парой этажей выше. Я без неё не уйду!

— Нет-нет! — замотал головой он. — Выше нельзя! Там все полыхает. Пожарные не могут справиться с пламенем. Ваша жена, возможно, уже самостоятельно эвакуировалась или же спасатели её вывели! Пойдём, она наверняка уже в безопасности!

Я понимал, что он мог быть прав, но сердцем чувствовал, что она все ещё здесь!

— Нет, парень. Иди! Тебе меня не переубедить!

Развернулся и быстрым шагом пошёл прочь от них. Он что-то ещё кричал вслед об обрушении здания, о необычном пламени, но меня это мало волновало и я его не слушал.

Добрался до боковой лестницы очень быстро. Старался не смотреть по сторонам — мне нельзя сейчас задерживаться, от этого зависит жизнь моей жены!

Громкая мелодия телефона застала врасплох. Сначала я даже не понял откуда идёт звук, а потом судорожно, трясущимися руками пытался открыть карман и достать его.

Вот же идиот! Мог бы давно ей позвонить, спросить, где она, что с ней... Видно мне голову напрочь отбило, раз я не вспомнил о телефоне.

Но звонить Людмиле не пришлось. На экране жизнерадостно улыбалась фотография жены и висело оповещение о входящем от нее звонке.

Дрожащими руками принял вызов и чуть не умер от счастья увидев на том конце перепачканную сажей жену. ЖИВАЯ!

— Костя! — попыталась крикнуть она, но тут же хрипло закашлялась.

Она явно была где-то рядом. Мне тоже становилось все труднее дышать, даже через респиратор. От жара и гари, что шли откуда-то сверху, слезились глаза и градом лился пот, но мне было все равно! Главное, что моя Люда жива!

— Люда, где ты? — накинулся я на неё с вопросами. — Скажи куда идти? Я уже здесь, в здании. Я где-то близко!

— Костя, уходи...

— Что? — не понял я.

— Немедленно уходи и скажи всем, чтобы уходили, как можно дальше от здания! Более того нужно эвакуировать город...

Голос любимой звучал странно. Будто это говорила старуха, а не моя молодая жена.

— Люда, что с тобой? Почему ты так говоришь? Скажи мне, где ты и я заберу тебя!

— Костя! — она попыталась повысить голос, но её снова крутил такой кашель, что её начало тошнить.

Я несколько минут наблюдал за страданиями жены, не в силах ей помочь. Метался из стороны в сторону и рвал на себе волосы, не в силах вынести это. Все инстинкты кричали о том, что нужно бежать к ней, спасти, но я не знал куда идти. Поэтому ждал, когда у неё пройдет приступ и она сможет мне рассказать, где её искать.

— Костя! — почти шёпотом позвала Люда, когда смогла справиться с приступом. — Костя, выслушай меня внимательно! Не перебивай пожалуйста. Ты должен сделать так, как скажу я!

Голос и взгляд Люды стал жестким. Она никогда так со мной не разговаривала и я понял, что все что происходит гораздо серьёзнее чем кажется.

— Костя, я в безопасности... — уверенно сказала жена.

— Что ты несёшь? — послышался женский голос за спиной Людмилы. — Какая безопасность? Ты хоть представляешь...

— Заткнись немедленно! — рявкнула жена. — Костя, не слушай её. Это Виктория, наша уборщица. И ей страшно, но мы в безопасности. И поэтому, Костя, ты должен вернуться назад и сказать спасателям: сигнал "Атом". Дословно. Вот так прям и сказать.

— Ты думаешь я дурак, да? — зло прошипел я ей. — Думаешь совсем идиот и не знаю, когда ты мне врешь? В безопасности, говоришь? В безопасности??? ВРЁШЬ!!! Скажи мне где ты и я тебя вытащу, а дальше сама говори спасателям о своих сигналах!

Она всхлипнула и из её глаз полились слезы.

— Прости, — заплакала она, — прости меня. Но ты и правда должен уходить. Пойми, нас уже не спасти! Мы мертвы!

— Что ты такое говоришь?

— Послушай, несколько недель назад в лабораторию Цитадели привезли данные...

Секретные данные. Никаких терактов не было!

— Что?

Признаюсь, я думал об этом, но услышав это из уст своей жены опешил.

— Гедоний не стабилен. И по прошествии нескольких лет произвольно взрывается. Никто не смог определить почему и как это предотвратить. Моя группа была одной из многих, кому доверили вести исследования на эту тему, и я кое-что узнала. Гедоний не безопасен, как мы думали! Он излучает... Излучает что-то совсем неизвестное! Совсем! И он все меняет. Это как катализатор, это... Кхкх... После взрыва... Скажи, пламя... пожар ведь необычный, да?

Люда, уже не сдерживаясь, плакала.

— Пламя фиолетового цвета и спасатель сказал, что пожарные с ним не справляются.

— Всё так... — она горько улыбнулась, а я с удивлением заметил, что несмотря на льющие слезы, сажи на лице жены не становится меньше. И даже наоборот, её лицо с каждой минутой становилось все чернее.

— Люда...

— Уходи! Наша лаборатория со всех сторон объята пламенем. Мы живы только благодаря специальному сплаву в стенах, но это ненадолго. К тому же мы все облучены. Ты тоже... Но у тебя есть шанс. Уходи немедленно. Ты должен спасти город! Там столько людей! ДЕТИ! Все погибнут!

Она умоляюще смотрела на меня. Я знал, что сейчас она говорила правду.

— Я не уйду без тебя! Мне плевать, даже если погибнем вместе! Я тебя не брошу!

— Костя, пожалуйста! — уже еле слышно шептала она. — Целый город погибнет! Другие станции, что взорвались, были построены далеко за городской линией и поэтому там ещё не поняли об опасности. Но и им грозит гибель... или что пострашнее, если не предупредить! Прошу, ты должен им рассказать!

— Что я должен сделать?

— Ты должен передать спасателям "сигнал Атом"! Они поймут. У них есть алгоритм эвакуации и спасения при этом сигнале. Это, конечно, не совсем то, но сейчас важно, чтобы всех эвакуировали... Этот сигнал не использовался много десятков лет. С тех пор, как перестали использовать атомную энергетику, но алгоритмы должны остаться.

Люда с надеждой смотрела на меня, а я не мог поверить, что она просит меня об этом. Она просит меня бросить её, оставить здесь умирать, чтобы спасти город, чужих мне людей...

— Это важнее, чем мы! — прошептала она.

— Я вернусь. Скажу им про твой сигнал и вернусь!

— Прощай, любимый! — она печально улыбнулась. — Я так рада, что стала твоей женой!

И она отключилась.

***

Я не вернулся. Просто не успел. Пока выбрался из здания, пока нашёл того, кто мне нужен, пока объяснял ситуацию, время было потеряно. Оказалось, что Людмила уже давно все сообщила. Эвакуация идёт полным ходом. Она солгала. Все-таки солгала.

Я хотел вернуться. Сразу же, как понял, что спасти никого не нужно, но я просто не успел. Произошёл повторный взрыв. От здания практически ничего не осталось. Дозвониться Людмиле я больше не мог.

Я оставил её. Оставил там умирать.

***

— Константин Павлович, — кто-то тряс меня за плечо, — Константин Павлович, вы в порядке?

Я с трудом смог вынырнуть из своих воспоминаний.

Как оказалось, меня пытался привести в себя Денис.

— Вас укусил паук? — пытался достучаться он до меня. — Константин Павлович?

Оказавшись в безопасности, на меня нахлынул весь ужас сложившейся ситуации.

— Мы их бросили, понимаешь? — прохрипел я. — Бросили там умирать! Людей, с которыми я выживал столько времени! Простых людей!

— У нас же выбора не было! — опешил он. — Пауки... И они... Они все равно бы погибли!

— Но не так! Не так! Мы их бросили! БРОСИЛИ, понимаешь? — пытался я ему объяснить. — Никто не должен ТАК умирать! И вообще, хватит смертей! Хвати! Усиль охрану на входе, на складе с оружием и провизией. Всех гражданских распределить и закрепить за военными! Чтобы все были под присмотром постоянно. Хватит терять людей! Нас и так осталось слишком мало!

Алексей.

Чудовище очень быстро слилось с окружающей мглой океана и народ начал расходиться.

— Почему свет не включают? — пробурчал Игнат, держась за стену, чтобы не оступиться.

— Наверное ждут, когда тварь подальше уплывёт. — пожал плечами я.

И, словно услышав нас, на корабле начало включаться освещение.

— Ну, наконец-то! — вздохнул Игнат.

Мне же было все равно есть освещение или нет его, ведь я вижу в темноте так же, как и при свете.

Мы так и не выяснили природу этих изменений. На Луне было слишком много дел, да и единственный врач, которому я мог бы довериться, долгое время восстанавливался в лазарете. А после... А после было не до того. Но я обязательно с этим разберусь, как только вернусь.

— Да вы издеваетесь что ли? Что за... — ругнулся Игнат, когда освещение вновь отключилась. — Куда свет опять делся?

— Может тварь вернулась? — предположил я.

— Черт знает что. — бухтел он. — Ну и что делать то будем? Может назад пойдём? Чего в потемках блуждать? Не видно же ничего, хоть глаз выколи.

Я понятия не имел зачем нужно выкалывать глаз, но решил не переспрашивать.

— Иди назад, а я спущусь в рубку. Узнаю, что происходит.

— Так темно же! Не видно же ничего! — удивился он. — Как дорогу то найдёшь?

— А я по памяти. — соврал ему я.

Не собираюсь я никому ничего рассказывать. Народ сейчас непредсказуемый. Мало ли что им в голову взбредет. Вот раньше, например, людей за зелёные глаза на кострах сжигали. Кто знает, что сейчас могут придумать...

Игнат, бухтя, поплелся назад, а я спокойно отправился в рубку.

Везде была крошечная тьма и это странно. Ведь освещение отключали только на смотровой палубе, чтобы Левиафан не заметил нас. Зачем же здесь отключать?

Не горело ни единой лампочки, даже на приборах. И тишина. На борту стояла жуткая, давящая тишина.

Через некоторое время я начал встречать людей — ошарашенных, дезориентированных.

Медленно обхожу их и сворачиваю на капитанский мостик.

Здесь мелькает тусклый свет от фонариков и царит невероятная суета.

— Что происходит?

— А, Алексей? — командир корабля был крайне обеспокоен. — Всё очень плохо!

— Что опять? Левиафан вернулся?

— Нет, что ты. Левиафан как раз успел удрать, а вот мы вляпались по самое не хочу.

— Во что вляпались-то? — нехорошее предчувствие заворочалось под ложечкой.

— Горгона. — зло выплюнул он. — В смысле медуза. Гадкая дрянь, хотя в нынешнем мире, куда ни плюнь, везде найдётся какая-нибудь гадость.

— Насколько смертельная?

— О, вполне безобидная! Для человека... Если есть другая еда...

— Так в чем тогда проблема?

— Проблема в том, что другая еда — это наш корабль!

— А поподробнее? Ничего не понял из вашего объяснения.

— Поподробнее? — вздохнул Мезенцев. — В океаны когда-то попало огромное количество радиоактивного топлива. И эта тварь, которая, между прочим, всегда считалась бессмертной, приноровилась питаться напрямую энергией. Ей не нужно переваривать органику, ей не нужно расщеплять еду до элементарных частиц, чтобы подпитать свое тело. Она берет сразу энергию. Любую. Ядерную, тепловую, солнечную...

— Ну так и в чем проблема?

— Проблема в том, что, в отличие от Левиафана, мы удрать не успели и эта тварь сейчас все жилы из корабля тянет. Её потому Горгоной и называли, что она любое высокотехнологичное устройство в бесполезный бульжник превратит.

— Твою ж...

— Да.

— Поэтому освещение отключилось?

— Да, нам просто не хватает энергии на жизнеобеспечение. Чем больше нагрузка реактора, тем вкуснее мы для этой гадины.

— И что делать?

— Мы сейчас заглушим основной реактор. Будем надеяться, что эта тварь посчитает корабль пустым и уйдёт.

— Мы готовы. — отозвался Влад.

— Отключить Главный Реактор.

— Есть, отключить Главный Реактор!

Возникло странное чувство, когда реактор отключили. Он в принципе не производил никакого звука, и, по идее, когда его отключили, то мы не должны были это почувствовать. Но я почувствовал. Корабль словно перестал дышать. Ощущение будто этот гигант замер, затаился.

— Получилось? — спросил я, потеряв терпение.

— Да. Кажется да... Нет... Черт!!! Нет, не вышло! Не вышло!

И вновь в капитанской рубке началась суета.

— Срочно запустить Главный реактор! Живее! — кричал Мезенцев. — Что вы тянете кота за...

— Мы не можем. Уже не сможем! — ответил Влад, хватаясь за голову.

— Что ты несёшь? Как не можем? — Матвей Петрович был вне себя от злости.

— Тварь переключилась на малый гедониевый реактор. — тихо объяснил Влад. — Нам не хватит мощности, чтобы запустить главный реактор.

— Как?

— Горгона малоизучена. Мы знаем лишь то, что она может вытягивать энергию через Эфир, то есть ей совершенно не нужен контакт с источником энергии, чтобы "выпить" его. К слову, нас она "выпьет" через три часа и 28 минут. И, если мы за это время не придумаем как отлепить её от нас, то запустить Главный реактор мы не сможем!

Влад хоть и говорил совершенно спокойно, но все равно было видно, как ему страшно.

— Что случилось? — из тёмного коридора вышел наш биолог в сопровождении одного из морпехов. — Зачем звали? И что происходит?

— Вик! Ты вовремя! — воскликнул Влад. — Как можно убить Горгону?

— Кого? — удивился Вик.

— Ну, бессмертную медузу, которая сейчас жрёт наш гедоний в редакторе.

— *Turritopsis dohrnii*? — воскликнул биолог. — Не может быть!

— Ага, она самая. — кивнул Влад. — Так что? Как её можно убить?

— Никак! — воскликнул биолог. — Это невозможно! Эту тварь не убить! Вы хоть примерно представляете процесс её перерождения? Погодите-ка, что значит "ждёт наш гедоний"?

— То и значит! Эта гадина присосалась к нашему реактору и, если мы не найдём способ избавиться от неё, то останемся на дне морском на веки вечные!

Вик долго молчал. Казалось, слова Влада подвергли его в такой шок, что тот уже ничего и не соображает.

— Ну же! — не выдержал Мезенцев. — Неужели нет способа избавиться от неё? Виктор, вы должны придумать что-то! Мы обязаны выполнить нашу миссию любой ценой!

— Погодите, погодите. Я думаю. — пробормотал биолог и закрыл глаза. — А если нам... Может получиться... Только как?

С кем вёл беседу Вик никто не знал, но его никто не смел потревожить.

— Да, именно так! — громко воскликнул он. — Я думаю это единственный способ избавиться от... Горгоны? Почему, кстати Горгона?

— Потому что она способна превратить нашу высокотехнологичную подлодку в бесполезный кусок камня. Ну, как в мифах древней Греции, знаете? — пожал плечами Влад. — А может все-таки вы поделитесь с нами тем, что придумали? А то время-то тикает.

— Ах, да. Простите. — спохватился Вик. — Всё элементарно. Нам поможет приманка!

Он торжественно развёл руки в стороны, словно ожидая аплодисменты.

— Хм, занятная идея. — одобрил Мезенцев. — Только вот техника исполнения не понятна. Что может послужить приманкой для этой твари и как это поможет освободить лодку от неё?

— Всё очень просто. Приманка должна изучать энергию. Вкусную. Мощную. Доступную. И она должна быть не здесь, а где-нибудь неподалёку от нас.

— И как ты себе это представляешь? У него сейчас и так вкусная приманка, уже в руках, так сказать, зачем ему куда-то плыть? И что послужит этой самой приманкой?

— Приманку мы соберём из всяких "мелочей", что в изобилии есть в лаборатории. — невозмутимо ответил биолог. — Оставим её в паре километрах от нас и, когда Горгона "клюнет", дадим деру отсюда. Можно даже установить какое-то взрывное устройство и, когда медуза присосется к ней, подорвать его. Ну так, на всякий случай. Медузу это конечно не убьёт, но очень серьёзно ранит.

— Так почему Горгона должна выбрать вашу приманку и бросить наш корабль?

— Сейчас ей приходится трудиться, чтобы добыть энергию. Ведь тянуть её через Эфир дело утомительное. А мы сделаем ей лёгкую добычу. Приманка будет излучать тепловую, световую и даже ядерную энергию. Она клюнет. Точно вам говорю!

— А это может сработать! — вмешался Влад. — Возьмем аварийный буй, который помимо радиоволн излучает яркий сигнальный свет. Потом, у нас есть "Сверхновая". Можно поковыряться в ее изоляции, и она будет излучать радиацию. Останется добавить только тепло. Можно посмотреть в лаборатории. Там много оборудования.

— Ну хорошо. Допустим мы сможем собрать приманку из подручных средств. А как мы

её туда доставим? Ведь, как только вы выпустим приманку за пределы корабля, медуза сразу захватит её!

— С этим сложнее. — согласился Вик. — Нам придётся временно изолировать ее, вручную оттащить её от корабля, ведь из любого транспорта медуза незамедлительно начнёт тянуть энергию, и только потом снять изоляцию.

— Вручную? — удивился Мезенцев. — Вы в своём уме? Вы предлагаете кому-то выйти ТУДА и вручную оттащить приманку? А что потом? Мы бросим его здесь? И кто же на такое согласится?

Биолог лишь пожал плечами.

— Кто-то должен. — пробормотал он. — Иначе погибнем все. Вы ведь сами сказали, что миссию необходимо выполнить ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!!!

— Вы должны понимать ещё одну вещь. — начал Влад. — Там крошечная тьма. Освещение добровольцу мы обеспечить не сможем, ведь это спровоцирует Горгону. А без освещения не представляю, как можно там ориентироваться.

— А вот это может оказаться серьёзной проблемой! — согласился Виктор.

Да уж. Похоже пришло время воспользоваться моими волшебными глазками. Только вот мне вовсе не улыбается погибнуть здесь!

— Допустим найдём способ доставить приманку на место. — начал издали я. — Как вернуть добровольца обратно?

— А давайте начнём с самой приманки? — предложил Вик. — А там, может и идеи появятся.

— Приступайте! — согласился Мезенцев. — Да поживее!

И в лаборатории закипела работа. Собрать установку, излучающую несколько видов энергии не составило труда, ведь подлодка была оснащена множеством оборудования. Этакая сборная солянка из аварийного буя, торпеды "сверхновая" и еще десятка разных приборов, обеспечивающих световую, тепловую и ядерную энергии.

Как оказалось с доставкой добровольца обратно на корабль тоже не было проблем. В отсеке, где хранилось оборудование для десанта, помимо жестких, глубинных скафандров, было несколько подводных буксировщиков. Оставалось только выбрать этого добровольца. Не то чтобы все разом ринулись исполнять задуманное, но никто и не отказался. Все понимали, что не сделай мы этого, то погибнут все, а люди, оставшиеся на Луне, будут обречены на голод.

По решению большинства должны были провести жеребьевку, "победитель" которой и должен был отправиться на это опасное задание.

Некоторых из нас было решено освободить от жребия, так как совсем нецелесообразно оставаться без единственного биолога, медика или командира. Меня от жеребьевки тоже освободили.

Народ ходил хмурый и неразговорчивый. Все понимали, что время истекает, но никто не хотел отправляться на дно прямо сейчас.

Никому и не придётся. Не позволю. У меня там хотя-бы есть шанс. В этой тьме никто, кроме меня, не найдёт обратный путь.

Мне было сложно принять такое решение, все риск не вернуться был очень высоким, но отправить парней на верную смерть я не мог, поэтому я отозвал Мезенцева в сторону и сказал, что жребий не нужен.

— Погоди, что значит не нужен? — удивился он. — Алексей, прекрати истерику. Всё

уже решено. Ребята понимают на что они идут. А тебе и вовсе не о чем беспокоиться. Тебя ведь убрали из жеребьевки, так чего ты тут паникуешь?

— В том то и дело, что я не паникую. Матвей Петрович... — начал я, но увидев, как тот сморщился, тут же поправился. — Матвей, твоим парням не нужно рисковать. С приманкой иду я...

— И речи быть не может! — не дал договорить мне он. — Ты руководитель группы! Ты обязан довести нас до хранилища.

— Все данные по хранилищу здесь. — и я протянул ему свой планшет. — Я мог уже несколько раз погибнуть и вам пришлось бы идти без меня.

— Но ты не погиб! — возразил он. — А значит, как только приплывем к Шпицбергену, ты проведёшь группу!

— Я вижу в темноте. — выпали я, прежде чем подумал, а потом добавил. — Матвей, мы с семьёй во время эвакуации получили какое-то обучение, которое нас изменило. Я могу видеть в крошечной темноте и это даст мне возможность вернуться!

Я ожидал вопросов по поводу моих изменений или даже насмешек, но Мезенцев задумался на секунду, а потом просто кивнул.

— Идёт. Значит на дно идёшь ты.

— Я.

— Уверен?

— Нет, но это не имеет значения! — опустил голову, молясь, чтобы он не стал меня уговаривать остаться, ибо я не был уверен, что не соглашусь.

— Хороший ответ. — кивнул он. — Иди к Владу. Он выдаст снаряжение и проинструктирует.

Я развернулся и уже хотел уйти, как меня окликнул Мезенцев:

— Алексей! Спасибо! — он протянул мне руку и по-старинному пожал. — Твоим что-нибудь передать?

— Нет. Хотя... — я достал из кармана драгоценный кусочек пластика с фотографией Моники. — Это единственное фото дочери. Если со мной что-то случится, передай моей жене.

— Сделаю! — ответил он, забирая карточку.

Время истекало. На то чтобы доставить приманку на место и включить её оставалось около 50 минут. Дальше — точка невозврата. То есть, если тянуть дольше, то может просто не хватить энергии для запуска главного реактора, а без него эта лодка просто кусок металла.

Влад был крайне удивлён тому, что иду я, но времени на рассуждения не было и поэтому он в быстром темпе провёл мне инструктаж, как пользоваться скафандром, как далеко я должен оттащить приманку и как её включить.

Рассказал он мне и об обратной дороге. Как оказалось мы зря переживали, потому что на складе лежали подводные буксировщики, которые использовала десантная группа, когда отправлялась за образцами для лаборатории. Буксировщик этот имел крайне малую мощность и для Горгоны не представлял интереса.

Я рад, что все сборы прошли в считанные минуты. По крайней мере так у меня нет возможности все обдумать, перепугаться до чертиков и передумать. А сейчас я абсолютно спокоен и даже как будто отрешен от действительности. В полном обмундировании выслушиваю последние инструкции Влада.

— Постарайся не касаться щупалец медузы. Если она засечёт заряженный аккумулятор твоего скафандра, то может вытянуть заряд в считанные минуты. И тогда ты останешься без обогрева. Когда выйдешь, тебе нужно приподнять мантию Горгоны и вручную вытащить приманку. Оттащить её придётся подальше, метров на сто, не меньше. Дальше можешь включить буксировщик и уже с помощью него отбуксировать приманку подальше от нас. Учти, что заряд буксировщика небольшой и не рассчитан на долгие заплывы, а тебе ещё нужно возвращаться назад. Так что двадцать минут туда, двадцать минут обратно. Засеки время! И еще, помимо Горгоны в океане очень много всяческих тварей. Берегись их! Связь с кораблем только в случае крайней нужды — помочь мы тебе все равно не сможем, но будем следить по сканерам, когда медуза отпустит нас.

Мы зашли в десантный отсек, и я осмотрелся. В этой части корабля я еще не был. Здесь, на подъемных крюках висела небольшой, капсулообразный батискаф, рассчитанный всего на двух человек. Я махнул в сторону него рукой, надеясь на чудо. Влад понял меня без слов.

— Нет, нет! — замахал руками он. — Им мы воспользоваться тоже не можем. У него мощный аккумулятор и медузе он очень понравится. Придётся идти пешком.

— Что ж пешком, так пешком. — согласился я.

— Леха, будь осторожен. На живых существ эта тварь вроде не нападает, но все же не зря ведь Левиафан от нее удрал?

— Чувствую, веселенькая выйдет у меня прогулочка! — буркнул я, костеря свой болтливый язык.

На кой черт я вообще согласился? И не просто согласился, а еще и убедил Мезенцева, что я единственный вариант. Ой дурак! Какой же я дурак! Да еще и похоже с комплексом спасителя.

Так я и шел, злясь на себя, ровно до того момента, как я увидел приманку.

— Это что за херня? Вы издеваетесь? Как я, по-вашему, ее потащу? Она же огромная!

— Большая ее часть — это аварийный буй. Он имеет положительную плавучесть. — ответил Влад. — Он будет поддерживать приманку на плаву, тебе останется лишь её тянуть, как воздушный шарик.

— "Замечательный" воздушный шарик!!! Происходящее все меньше мне нравилось, а в груди ворочалось беспокойство. Я бы с огромным удовольствием отказался от этой затеи и остался на борту, но я усилием воли заставлял себя думать о молодых парнях, у которых не будет ни единого шанса вернуться назад. И поэтому я поспешно шагнул в отсек и подал сигнал Владу. Он без слов задраил люк и отсек начал заполняться водой. Стоять и ждать, пока крошечная комната полностью заполнится водой, не самое приятное ощущение, но делать нечего, придётся терпеть.

Когда открылась внешняя переборка я был поражен красотой, которая меня там поджидала. Вопреки моим ожиданиям и словам биолога снаружи оказалось светло. И не просто светло! Яркий купол накрывал подлодку полностью. Он сиял, наполняя все вокруг мягким, нежным светом: розовым, сиреневым, голубым.

Вся подлодка была переплетена, окутана тонкими щупальцами исполинской медузы. Они, словно светящиеся новогодние гирлянды переливались разными цветами.

Выйти из подлодки, не задев ни один из них оказалось трудной задачей, но ещё сложнее было вытащить приманку и не потревожить Горгону. Но я, изрядно пропотев, справился со своей задачей. Теперь оставалось выйти за пределы купола и отплыть подальше.

Мантия чудовища плавала где-то в полуметре от дна, поэтому мне не составило труда

проползти под ней, вытащить приманку было сложнее, так как она была крупнее и плавала в толще воды. Несколько раз появлялось желание вызвать по связи Влада. И высказать все, что я думаю об этой затее, но я помнил его наставления и не решился нарушить радиомолчание.

Медуза не проявляла никаких признаков агрессии, казалось, она погружена в глубокий сон и поэтому я немного расслабился. Что толку так переживать? Нужно сосредоточиться на деле! Тащить приманку по дну было не такой уж и лёгкой задачей, как говорил Влад. Приходилось прилагать серьёзные усилия, чтобы преодолеть сопротивление воды. Дышать становилось все труднее, от натуги я уже весь взмок.

Ну вот наконец-то, ну вот наконец-то я отошел достаточно далеко, чтобы включить буксировщик. Размотал трос на руке и нажал рычаг пуска. Буксировщик плавно потащил меня и приманку вперёд. Я уже обрадовался, что все обошлось, как вдруг моё тело перехватило одно из щупалец Горгоны. Буксировщик натужно ревел, пытаюсь сдвинуть нас с места, но Горгона была сильнее. Я выключил его, потому что ему не справиться с тварью и попытался освободить себя от щупалец медузы, но все было тщетно. Чем больше я трепыхался, тем сильнее Горгона стягивала свою удавку. Индикатор заряда батареи тревожно завибрировал — он начал стремительно разряжаться.

Если я не придумаю, как мне освободиться от оков медузы, то в скором времени я останусь без систем жизнеобеспечения. У меня не будет ни обогрева, ни связи. Черт, да я останусь сам по себе!

Хотя, похоже уже остался. Индикатор в последний раз моргнул красным и погас. Щупальце Горгоны скользя, словно шелковая лента, легко соскользнуло со скафандра и убралось восвояси.

— Да чтоб тебя! — в сердцах заорал я. — тебе корабля мало что ли? Прожорливая тварь! Чтоб ты подавилась!

Перед глазами заплясали «мушки», и я вспомнил, что на такой глубине нужно дышать ровно и спокойно, да и количество кислорода у меня ограничено. Нужно поторопиться. Хорошо хоть буксировщик медузу не заинтересовал.

Чем дальше я плыл, тем отчетливее понимал, что я правильно поступил. Уже в сотне метров от сияющей медузы была крошечная тьма. Даже я с трудом различал предметы, лежащие на дне, а у ребят и вовсе не было бы шансов.

Я все плыл и плыл, словно в бездонном, гипнотизирующем космосе. Темно и холодно. Боже, как холодно! Настолько, что пальцев на руках и ногах почти не чувствую. Дрожь сотрясает все тело. Как же я доберусь назад, если уже продрог до костей? Но, чем дальше я плыл, тем более равнодушным становился. Дрожь прошла, пальцы больше не беспокоят. Только очень хочется спать. Спа-ать...

Спать было хорошо. Спокойствие разливалось по всему телу, лишь где-то на краю сознания маячила мысль о том, что я что-то должен сделать. Что-то очень важное. Эта мысль словно жужжание будильника не давала полностью погрузиться в сон и как бы я ни отмахивался от нее, она все время была где-то рядом.

Сон прервался внезапно и неожиданно. Сначала меня тряхнуло, а потом стукнуло что-то твердое.

С трудом разлепив глаза я несколько минут не мог понять, где я и что происходит. Как оказалось буксировщик уткнулся в одну из подводных скал, об которые я и стукнулся.

Сразу пришло осознание того, что я только что мог погибнуть. Просто уснуть и не проснуться. Сразу пришел и холод. В скафандр словно насыпали льда. Он вытягивал из меня

последние крохи тепла... Словно Горгона из корабля. Корабль! Я должен спасти экипаж!

Узнать сколько прошло времени, как и связаться с подлодкой, не представлялось возможным, ведь аккумулятор скафандра разряжен. Надеюсь, я не опоздал!

Непослушными руками закрепил трос буя за скалу, снял изоляцию с приманки и стал всматриваться во тьму океана, в надежде увидеть яркое свечение медузы. Мне бы убираться отсюда подальше, ведь таймер "Сверхновой" запущен, но я совсем не понимал в какую сторону плыть.

— Ну же! Давай, плыви сюда! — бормотал я себе под нос. — Покажи мне в какую сторону плыть!

Но за световые кругом буя была лишь тьма.

Ждать больше нельзя, иначе сам попаду под взрывную волну торпеды. Да и промерз уже настолько, что снова начал засыпать, поэтому решил просто плыть в противоположную от скалы сторону.

И снова убаюкивающая тьма. И тишина. Глаза сами собой закрываются. Как же я хочу спать! Лишь одно желание сейчас возможно.

Сейчас доберусь до подлодки, в тепло и буду спать до самого Шпицбергена. Вот она, уже совсем рядом. Ребята открывают переборку, снимают с меня бесполезный скафандр. Все счастливы, благодарят, что я спас их. Говорят, что теперь можно поспать. Да, поспать... Засыпа-а-ай! Засыпа-а-ай!

Я укладываюсь прямо на пол и наконец даю себе волю. Наконец-то ничего не мешает. Я выполнил свою задачу. Я свободен.

— Лаврентьев, вставай! Вставай я сказала! Тебе еще нас спасать! — голос Ксюши был так дак далеко, что я еле слышал его, но я все равно был рад ей. — Леша, не бросай нас!

Не могу, Ксюша. Больше нет сил.

Конечно же мне все примерещилось. Тепло подлодки, улыбающиеся морпехи, голос Ксюши.

Буксировщик разряжен и валяется рядом. Возле него копошатся гигантские, величиной с две ладони, тихоходки и изоподы, проверяя его на съедобность. Вот уж поистине живучие твари! Выживают в любых условиях! А вот я... Мне не дойти. Осталось только закрыть глаза и заснуть. Навсегда. Может мне даже повезло. Я умру спокойной смертью во сне.

Сквозь закрытые веки я видел, как мимо проплыло что-то светящееся.

Да! Похоже эта гадина все-таки "клюнула" на приманку! Надеюсь, еще не поздно и на Левиафане смогут запустить реактор.

А моя работа закончилась...

***

— Он жив?

— Еле-еле. Гипотермия сильная. И кислородное голодание. Не могу ручаться, что он будет прежним...

— Что это значит?

Голоса, то гудели в голове, вызывая нестерпимую головную боль, то были еле слышны. И не понятно то ли это новая галлюцинация, то ли меня действительно нашли? Хотя, какая разница? Мне уже все равно.

— Быстро в медкапсулу его! — последнее что я услышал, прежде чем провалиться в небытие.

Утро не задалось.

Вчера, почти сразу после пробуждения Марка, мы переехали из больничного крыла в свой жилой отсек. Марку пока строго запрещалось двигаться самому, поэтому он был в специализированном электронном кресле. Ему оно очень понравилось, словно это огромная машинка, подаренная на день рождения и он долго носился по коридорам, принося немало неудобств людям, отдавливая им ноги. Ну, хотя бы он счастлив!

Софию привезли в отсек прямо в кувезе. Она была все еще слишком мала, чтобы обходиться без него, но уже достаточно крепка, чтобы я могла брать ее на руки. Она так похожа на Монику!!! Боже, как же я скучаю за старшей дочерью! Как же мне не хватает ее! Как же я мечтаю о том, чтобы наша семья вновь воссоединилась.

Сейчас в нашей семье неожиданное пополнение — я забрала с собой Лену. Она уже постепенно начала приходить в себя. Очень обрадовалась, что мы выжили, плакала, когда узнала, что Моника пропала, но иногда все же проваливалась в свои мысли надолго, ни на что не реагируя. Доктор Романенко сказал, что это ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) и при должном уходе она должна восстановиться.

Я думаю, что ПТСР есть у каждого из нас, просто в разной степени. Мне, например совсем некогда впадать в уныние и копаться в своих страхах. У меня дети и они нуждаются во мне, поэтому мне не до этих страданий и переживаний.

Жилой отсек нам выделили большой, двухкомнатный. В одной комнате я поселила детей, а мы с Леной заняли вторую.

Мы как раз закончили утренние процедуры детей и уже собирались идти на завтрак, как вдруг в дверь постучали.

Сердце испуганно ёкнуло в груди, ожидая неприятностей. Почему-то я не сомневалась в том, что люди, стоящие за дверью, принесли неприятные вести. Может это тоже ПТСР? В дверь постучали еще раз, уже более настойчиво.

Так, нужно взять себя в руки. Не могу же я прятаться в этом отсеке от всех вечно. Может это новости от Леши. Резко выдохнув, я направилась к двери, но неожиданно меня за руку схватила Лена.

— Не открывай! — прошептала она. — Прошу, не нужно!

Да, похоже всё-таки ПТСР, раз и она испытывает то же беспокойство.

Я мягко убрала ее руку, улыбнулась и направилась к двери.

— Кто? — спросила, не решившись сразу открыть дверь.

— Служба безопасности. — ответил наглый мужской голос. — Откройте двери или мы воспользуемся универсальным декодером и откроем ее сами.

Тон этого человека мне не нравился, но тянуть время и дальше не имело смысла. Они действительно могли открыть дверь сами. Лучше я это сделаю сама.

— Лена, иди к детям в комнату. Живо! И сидите там, пока не позову. Все будет хорошо, обещаю!

Подруга послушалась, ушла и заперлась с детьми в комнате.

А я с колотящимся сердцем подошла к двери и открыла ее. За дверью стояло четверо вооруженных мужчин и две перепуганных женщины из нашего блока.

— Почему так долго? В следующий раз не будем ждать, а вскрыем дверь сразу. Ясно?

— А что происходит? Зачем вы пришли?

— Собирайтесь. — недовольно бросил один из амбалов. — Вас вызывает руководство станции.

— Руководство станции? — о, нет! — Багрович?

— Для вас Вячеслав Сергеевич!

— Что ему нужно? Я еще в прошлый раз рассказала всё что знаю! Или... — моё сердце замерло от страха. — Вы нашли ее? Вы нашли мою дочь?

— Ничего не знаю про вашу дочь. — мужчина терял терпение. — Вы готовы? Тогда следуйте за нами. И без вопросов!

Ничего не оставалось, как идти за ними, ведь со злыми вооруженными людьми не поспоришь.

По пути мы забрали еще одну женщину и под конвоем отправились в блок руководства станции.

Так же, как и в прошлый раз у двери нас ожидал охранник, только в этот раз нас пропустили без вопросов.

В кабинете Багровича находилось несколько напуганных женщин, которые старались находиться друг другу поближе.

— Зачем нас сюда привели? — спросила я у охраны.

— Заткнись! — огрызнулся он.

— Что? Что вы себе позволяете? — возмутилась одна из женщин.

— Как вы с нами разговариваете? — поддержала ее другая.

— Я сказал закройте свой рот и молчите, курицы! — заорал охранник, но резко замолчал, как только дверь кабинета открылась.

В кабинет нетрезвым шагом вошёл Багрович. Ну конечно, кто же ещё мог за этим стоять!

— Всех привели? — поинтересовался он у охраны, не обращая на нас внимания, словно мы мебель.

— Еще одна группа на подходе. — ответил охранник.

— А побыстрее можно? — недовольно спросил Багрович. — Я все-таки руководитель станции! У меня нет на это времени!

Этот мерзкий тип начал осматривать женщин, словно мы товар какой-то. Я постаралась стать как можно менее заметной, но он все же заметил меня, гадко улыбнулся и хотел было что-то сказать, но в этот момент привели еще одну группу женщин, в которой я увидела доктора Петрову.

— Вячеслав Сергеевич, зачем нас сюда привели? — громко спросила Ульяна.

— Вас? Не знаю. А остальных на отбор. — ухмыльнулся он.

— На отбор? В смысле? — удивилась я.

— В том смысле, что я подыскиваю себе жён. — ответил он и продолжил рассматривать женщин.

— Я правильно расслышала — Жён? Не жену? — удивилась я.

— Все верно, Ксения Андреевна. Вы очень сообразительны! — самодовольно улыбался этот гад. — Я считаю, что я заслуживаю иметь столько женщин, сколько захочу.

Женщины в кабинете шокировано заозирались, но выход из кабинета перекрывал амбал с автоматом.

— Да что вы себе позволяете...

— Помолчите Ксения Андреевна. Ваше мнение я уже знаю, хотя, признаться, я надеюсь, что вы его измените.

— Ну уж нет. Спасибо.

— А вы подумайте хорошенько! Ведь мои женщины будут обеспечены дополнительными рационами, привилегиями. А ещё у них будет беспрепятственный доступ к медкапсулам и медикаментам!

— Но у нас же и так... — начала я.

— Так, да не так! — перебил меня он. — В связи с крайне ограниченными ресурсами я принял решение ограничить доступ в медотсеки. Теперь решение о растрате того или иного препарата для каждого пациента будет принимать специальная комиссия!

Багрович упивался своей властью. Было видно, что он окончательно осмелел и теперь нас ждёт полнейший беспредел.

— Поясните пожалуйста, что это значит. — на всякий случай решила уточнить я.

— Это значит, милочка, — мерзко улыбалась эта сволочь, — что медикаменты и лечение будут назначаться только перспективным больным. Если пациент является неперспективным, то есть, если нет гарантии, что лечение ему поможет полностью выздороветь, то в лечении будет отказано. Нам нужны здоровые и сильные раб... рабочие, которые смогут обеспечить наше выживание. А все эти калеки тянут нас на дно, бессмысленно растрачивая наши ресурсы.

Только не это! Марк! Без поддерживающей терапии ему вскоре станет хуже! И эта тварь знает об этом!

— Как вы можете? — вспыхнула Ульяна. — Это же медленная смерть! Да и нет у нас такого дефицита медикаментов!

— Откуда вам-то знать? — злобно гаркнул Багрович. — Именно из-за вашего, Ульяна Михайловна, нерационального использования наших ресурсов нам теперь придется экономить на медицинском обслуживании! Именно вы во время эпидемии бездумно растратили огромное количество препаратов! Бездумно и бесполезно! Ведь вы так и не вылечили ни одного заражённого!

— Я не вылечила ни одного заражённого потому что вы...

— Довольно! — заорал он. — Выведите ее отсюда. Эта — ткнул он пальцем в Петрову, — не подходит для того чтобы стать моей женой.

— Да я бы никогда...

Но договорить Ульяне никто не дал — ее схватили под руки и грубо вытолкали из кабинета.

— Нет, нет, нет и вот эта тоже нет. — Багрович с хозяйским видом тыкал в неподходящих ему женщин и их сразу же уводили из кабинета.

Что же мне делать? Запасов медикаментов для Марка и Софии хватит на пару недель, но что потом? Багрович ясно дал понять, что лекарств нам не видать! Пойти в любовницы к нему? Фу. Меня от одной мысли об этом начинает тошнить. Леша, где же ты? Ты мне так нужен!

— Итак, дамы. Для тех, кто меня не знает лично — меня зовут Вячеслав Сергеевич. Я главный на этой станции. Можно даже сказать, что это моя станция, а вы здесь гости. — самодовольно распинаясь он. — Я предлагаю вам взаимовыгодное сотрудничество. Мне нужны красивые, молодые женщины в мой личный гарем. Те, кто из вас согласится и их семьи, будут плавать как сыр в масле!!! Ну, а если нет... То можете идти на выход.

Все женщины поголовно развернулись в сторону двери.

— Но прежде чем вы уйдете, я должен вас предупредить, — повысил голос Багрович, — что в ближайшее время объем рациона снизят. Сами понимаете, чтобы выжить нам нужно экономить.

— Ещё снизят? — ужаснулись одна из женщин. — Мы и так впроголодь живём и кроме синтетической жижи ничего не видим!

— Чтож, придется затянуть пояса! — улыбался Багрович, понимая, что победил.

Женщины притормозили у самой двери. Было видно, что им противно соглашаться на предложение Багровича, но с другой стороны им было очень страшно.

Несколько женщин, опустив голову, вернулись на место. Остальные в нерешительности топтались на пороге.

Я решительно открыла дверь и вышла. Не дождется эта сволочь! Не дождется!

Что же это за тварь такая встала во главе станции? И каким образом он закрепил свою власть?

Сердце бешено колотилось, дыхание сбилось. Я была так зла, что готова была голыми руками порвать эту тварь Багровича. Что он там себе присматривал? Гарем? ГАРЕМ? Это куда же мы скатились?

Я резко остановилась. В голове стучало и шумело. Боже! Неужели вот это теперь наш мир? Вот здесь должны расти мои дети? Лучше бы мы... Лучше бы... Нет-нет, Ксюша, так нельзя. Нельзя даже думать так! Все будет хорошо! Я чувствую, что как только вернется Леша, сразу же все наладится!

Неожиданно из системы оповещения раздался голос. И не механический, а вполне живой.

"ВНИМАНИЕ! Всем гражданам станции необходимо подойти в медицинский отсек для сдачи крови на анализ. Затем необходимо пройти комиссию на определение полезности. По данным комиссии будет произведен перерасчёт рациона и обеспечения всех граждан. Лица, не прошедшие анализ и комиссию, автоматически снимаются с баланса и лишаются любого обеспечения."

Что? Какой ещё анализ? Это то, о чем говорила Ульяна? Они ищут людей с мутациями? У Марка и Софии нет мутаций. Но я! Если меня схватят, то что будет с детьми? Кто позаботится о них?

Боже, что же мне делать? Никогда не умела решать проблемы. Все всегда решал Леша! Он всегда ограждал меня от проблем и волнений. А сейчас... Сейчас я осталась совсем одна с тремя детьми на руках и нездоровой подругой. Все они сейчас полностью зависят от меня! И пусть Моника сейчас в относительной безопасности, где-то на складе криоконсервации, но ведь без меня она застрянет там навсегда!

Ульяна! Мне срочно нужна Ульяна! Возможно она поможет избежать этой проверки. Я решительно направилась в сторону медотсека, но не успела я пройти и десятка шагов, как вдруг Петрова выскочила из-за угла сама.

— Ксения! — воскликнула она. — Слышала, что сказали по громкоговорителю? Тебе нельзя на этот анализ ни в коем случае!

— Я знаю. — кивнула ей я. — Только что делать-то?

Ульяна с подозрением прищурилась, огляделась, проверяя нет ли кого рядом, а потом шепотом спросила:

— У тебя проявилась мутация?

Хотя я и ожидала от нее такого вопроса и уже давно была готова рассказать ей обо всем, но все же вопрос застал меня врасплох. Некоторое время я молчала, собираясь мыслями. Я просто не знала, как такое можно рассказать. Я ведь и сама не очень-то понимала, что со мной происходит, а уж объяснить и вовсе не могла.

— Ты мне не доверяешь? — с недоверием спросила она.

— Серьезно? Это я-то не доверяю тебе? — удивилась я. — Я доверила тебе мою дочь! Это высшая степень доверия, как мне кажется!

— Тогда почему не расскажешь? — прошептала она уже спокойнее. — Ведь я уже все равно знаю, что мутация есть.

— Тише ты! — шикнула на нее я. — Не в коридоре же! Тут камеры повсюду! Да и не знаю я как о таком рассказать.

Ульяна с полминуты внимательно смотрела на меня, а потом, глубоко вздохнув, кивнула:

— Ты права. Иди за мной.

Немного побродив по длинным пустым коридорам, мы свернули в тупиковое ответвление и Ульяна постучала в дверь жилого отсека. Дверь открыл Андрей. Потрёпанный, взволнованный.

— Ульяна! — обрадовался он, но, заметив меня, сразу поумерил свой пыл. — Ксения? Что-то случилось?

— Да, — коротко ответила она, входя в отсек и пропуская меня, — случилось. Анализ на мутации случился. Ты не слышал, что ли?

— Я думал... — беглый взгляд на меня. — Думал ты все устроила!

— Все не так просто. — Ульяна опустила глаза. — Меня отстранили.

Петрова подошла к небольшому диванчику, достала из кармана небольшой свёрток и начала его разворачивать. В свертке был аппарат для забора крови и две пробирки.

— Помоги мне. — она протянула аппарат Андрею и подставила руку. — Нужно набрать две пробирки. Я договорилась, их потом подменят на ваши.

— На наши? — он внимательно посмотрел на меня. — Кроме Моники еще кто-то из детей обладает способностями?

— Нет. Это не дети. — я решила довериться им, потому что выкарабкаться из этой ситуации в одиночку я не могла. — Это я.

Повисло молчание. Ульяна давала мне возможность собраться с мыслями, а Андрей, похоже, был настолько шокирован, что не мог вымолвить ни слова.

— Я не знаю, как это объяснить. Это гораздо сложнее, чем у Моники, и сама не совсем это понимаю. — я закрыла глаза руками. — Я... Я могу видеть... чувствовать людей на расстоянии. Могу видеть глазами этих людей. Понимаете?

— Ох, ни хрена себе! — выругался Андрей.

— погоди. — перебила его Ульяна. — Объясни подробнее, что значит видеть их глазами?

— Ну это как... — Боже, как же сложно это объяснить. — Это, наверное, какая-то телепатия. Я словно забираюсь людям в голову, двигаюсь с ними, слышу то, что слышат они, вижу то, что видят они. Я... Я не знаю, как еще это объяснить. Это началось, когда мы потеряли Монику. Она начала мне сниться. Вернее, я думала, что это сон. А потом, со временем, я стала понимать, что это происходит на самом деле. И я научилась это делать не засыпая. Это трудно. Очень трудно. И потом я очень долго плохо чувствую себя.

— Это какая-то фантастика! — воскликнул Андрей.

— Ты мне не веришь? — удивилась я.

— Почему же? Верю...

— погоди, Андрей. — перебила его Ульяна. — Ксюша, мы все пережили такое, что я крайне удивлена, почему у нас нет свихнувшихся...

— Ты думаешь я сошла с ума? — возмутилась я.

— Тише! Надю разбудишь! — шикнул Андрей.

— Прости. — сбавила тон я. — Просто мне и так сложно. Послушай, Ульяна, я понимаю, как это звучит. Но подумай, как я нашла Монику??? Я не просто так бродила по коридорам, кишачим зараженными людьми. Я "увидела" Монику там и отправилась за ней. Я... Я... Еще помню, когда была эпидемия, после ухода из нашей палаты ты, Андрей, пошел к себе в жилой отсек. Я зацепилась тогда за твое сознание. Там тебя ждала Ульяна с кучей спасённых ребятишек! А потом она ушла в медотсек! Ульяна, ты тогда сказала, что самая лучшая помощь — это найти лекарство! А Андрей предложил повторно заморозить зараженных, чтобы у вас было время на поиск лекарства.

К концу моей речи они смотрели на меня, как на что-то невозможное.

— Как такое возможно? — прошептал Андрей.

— Не знаю. — ответила Ульяна. — Нужно провести обследование, но сейчас это делать опасно. Так что ждем лучших времен и пытаемся все это скрыть.

— Вы должны знать еще кое-что. — решила я. — У Леша тоже есть мутация.

— Что? — воскликнул Андрей. — Лаврентьев тоже себе отхватил суперспособность? Ачешусть! И что же он умеет? Может летать?

— Нет, — улыбнулась я. — летать Леша не может. Просто он видит в темноте. Очень хорошо видит, словно животное. Понимаете?

— Фи, слабак. — шутил Андрей. — У тебя и девчонок круче!

Я немного расслабилась. Все-таки порой бывает полезно поделиться своим секретом. Становится легче, словно тебе помогают нести этот груз.

— А у вас, я так понимаю, способности имеет Надюша? — не удержалась я от вопроса.

— Да, Надежда у нас особенная. — сразу стал серьезным Андрей.

— Она не воспринимает радиацию. Никакую.

— То есть как? Не понимаю.

— Надя с Моникой на Земле попали под излучение неисправного реактора. Все, кто был рядом с ними, погибли. Моника смогла исцелиться. А Надежду радиация словно не затронула вовсе. У ее клеток специфичная оболочка, защищающая ее от любого вида радиации.

— Вот это детки! — схватилась я за голову.

— Да. Но Моника сейчас в безопасности, а вот вас с Надей нужно защитить. Идите прямо сейчас и сдайте анализ, пока не начали силой сгонять людей. Все остальное устрою я сама.

Забрав из номера детей и Лену, мы отправились в медотсек, где нас приняли без очереди.

Медсестра внимательно посмотрела на меня, на мою медкарту, кивнула и отставила пробирки с нашей кровью в сторону.

— Что случилось? — спросила ее коллега. — Почему убрала в сторону?

— У этих в семье мутант. Велено таких проверять особенно тщательно.

— А, ясно. — отмахнулась она.

— Ваши дети сняты с медицинского обеспечения. — сообщила медсестра. — Мне очень жаль. Новое распоряжение руководства станции. Вот все, что я могу вам дать. — и она протянула мне небольшой сверток с медикаментами.

Я прижала этот сверток как самое драгоценное, что у меня есть и вышла из процедурного кабинета. В коридоре меня уже ждала Лена с Софией на руках, и рассекающий на кресле Марк.

В полном молчании мы отправились в наш жилой отсек.

По пути меня не оставляли мысли о нашем будущем. Всё-таки Багрович выполнил свою угрозу. Он снял нас с медицинского обеспечения и через пару недель у Марка закончатся поддерживающие его препараты. К этому времени нужно будет что-нибудь придумать. Надеюсь хоть Софии не понадобятся лекарства. Не представляю, как из всего этого выпутываться.

— Ты какая-то нервная. — заметила Лена.

— Что? — не поняла я. — Лена? Ты что, обо мне заботишься?

— Ну должен же кто-то!

— Наконец-то ты становишься такой как раньше!

— Это вряд ли. — погрузилась она. — Мы уже никогда не сможем стать прежними. Так чего нервничаешь? Из-за анализов? Какой-то подвох?

— Нет, просто устала. От всего устала, понимаешь? — солгала я.

Ленка долго смотрела на меня, а потом фыркнула и сказала:

— Не хочешь не говори. Только я вроде как подруга твоя. Если помощь понадобится, то я всегда рядом!

Я немного опешила от ее слов, а потом шутя пихнула ее плечом и прошептала:

— Не обижайся, Лен. Ты действительно моя самая лучшая подруга! Просто я за Лешу беспокоюсь.

— А я, кстати, так и не поняла где он.

— На очень важном и секретном задании. — грустно улыбнулась я.

— У-у-у-у, прям секретный агент какой-то. — пошутила подруга.

Разговор и шутки Лены немного отвлекли от переживаний, но только совсем немного. Дальше я просто старалась держать эмоции при себе.

Когда мы подошли к нашему отсеку, там уже топтался Андрей. С Надюшей на руках.

— Ксения, я бы хотел поговорить. — выпалил он, но заметив Лену замолчал. — Добрый день.

— Привет! — махнула рукой подруга и, забрав детей, зашла в отсек.

— Она с тобой живет? — поинтересовался он.

— Ну да. Это моя подруга. А что случилось?

— Она знает про... ну... тебя?

— Что? Ты о чем? А! Нет-нет, не знает. Ты что! Никто не знает!

— Тогда придется пойти ко мне.

— Зачем?

— Есть у меня одна мысль. — он оглянулся по сторонам и, увидев, что в коридоре никого нет, продолжил. — Ты не пыталась... ну, "увидеть" Леху?

Признаться, я совсем опешила от его идеи. Мне как-то и в голову такое не приходило. Ведь Леша на Земле, а мы на Луне!

— Думаешь это возможно? — с сомнением спросила я. — Между нами же огромное расстояние!!!

— Да знаю я! Ну а вдруг получится? Нам не сообщают о ходе операции. Уже давно от их нет вестей! Да и...

— Что?

— Ты не пыталась как-то связаться с человеком, за сознание которого цепляешься?

— Нет. Нет. Я просто не знаю как. — я призадумалась. — Думаешь это возможно?

Андрей пожал плечами.

— Думаю нам все же не стоит говорить об этом в коридоре. Пойдем ко мне. Там все и обсудим.

Когда мы вошли в его жилой отсек, он сразу же уложил Надюшу в манеж и повесил над ней разноцветные игрушки.

— Так, у нас есть минут 10, пока ей не надоест. — прошептал он. — Я думаю тебе стоит попробовать "увидеть" Алексея.

— Но как я смогу? Ведь расстояние огромное!

— Ну так ты же его не глазами высматривать будешь! Послушай, человеческий мозг, это до сих пор неизведанная территория. Мы до сих пор очень мало знаем о нем, но мы точно знаем, что наши возможности, если не безграничны, то по крайней мере очень близки к этому!

— Я не знаю. — во мне боролось сомнение и желание увидеть любимого.

— Ой, да что ты теряешь?

— Это сложно! Понимаешь? Я... я потом буду несколько дней отходить.

— И всё же я считаю оно стоит того!

Он прав. Как же он прав. И я бы давно согласилась с ним, если бы не боялась разочарования.

Но попробовать действительно стоит.

— Хорошо. Я попробую.

— Здорово! Когда?

— Лучше прямо сейчас и, если можно, здесь. Дома мне не дадут сосредоточиться.

— Отлично! Что тебе для этого нужно?

— Тишина.

— Ладно.

Я села на диван и закрыла глаза, но Андрей так сопел, что я никак не могла сосредоточиться.

— Нет, — встала я. — так не получится!

— Что такое? Ты же даже еще не толком не попробовала! Поверь в себя!

— Андрей, дело не во мне, а в тебе! Ты смотришь на меня и так громко сопишь, что я просто не могу сосредоточиться. Я попробую ночью. Когда все спать будут.

— Прости. Сообщи о результате мне сразу, ладно?

— Если смогу.

— Ксюша! — внезапно окликнул Андрей.

— Что?

— Если вдруг проучится, если сможешь "увидеть" его, попробуй связаться с ним и объяснить, что здесь происходит. Нам бы очень не помешала помощь тридцати вооруженных людей!

Он прав. Если бы мы смогли найти способ сообщить им о том, что происходит здесь, то, возможно, они смогли бы что-то сделать. Как-то исправить ситуацию.

Я вышла из комнаты Андрея и направилась к себе.

Придется подождать до ночи. Благо, ждать осталось совсем немного.

А пока можно побыть с детьми. Расслабиться и отдохнуть.

— Талоны на рационы прислали. — показала мне Лена планшет, как только я вошла в отсек. — Я думаю, что поживу у тебя до возвращения Алексея и съеду в свой отсек. Я уже отправила запрос.

— Тебе здесь плохо?

— Что ты. Просто... — Лена недолго помолчала, а потом продолжила. — Пойми, я очень рада за тебя и твою семью. Я всегда помогу, если нужна помощь, но... я потеряла всех! И родителей, и брата, и мужа... и возможность когда-нибудь стать матерью. И мне сложно видеть твою семью. Это как... как напоминание о том, что я потеряла, о том, чего у меня никогда не будет! Поэтому мне будет проще, если я буду жить отдельно. Прости!

— Ну что ты говоришь такое? Тебе не за что просить прощение! Я все понимаю! Просто не исчезай из моей жизни, ладно?

— Мам, а мы пойдем ужинать? — вмешался в наш разговор Марк.

— Конечно, милый! Конечно пойдем!

— Я останусь с Софией, пока вы ужинаете, а как придете, то пойду я. — предложила Лена.

Кажется, она совсем пришла в себя. Насколько это возможно.

— Мама, а когда папа вернется? — спросил Марк, ковыряя ложкой в синтежиже.

— Я не знаю, Марк, но очень надеюсь, что скоро.

— Ты скучаешь по нему?

— Конечно я скучаю!

— А по бабушке с дедушкой?

Родителей я потеряла на Земле. С первой волной мутантов. Мы даже не успели их предупредить. Я до сих пор чувствую вину за то, что не спасла их.

— Да, сын. Очень скучаю!

Марк какое-то время молчал. Но детям не свойственно долго грустить и поэтому вскоре он защебетал о самых разных и, конечно, очень важных вещах.

— А как ты думаешь, когда я вырасту, я смогу стать пилотом космического корабля?

— Конечно сможешь! Если будешь хорошо учиться, то сможешь стать тем, кем захочешь.

Марк внимательно на меня посмотрел, нахмурился, а потом грустно сказал:

— Не смогу я стать тем, кем захочу.

— Это еще почему?

— Как я буду хорошо учиться, если школы нет?

Вот это да! Загруженные своими взрослыми проблемами мы совсем упустили из виду потребности детей. Их не так много, но они словно брошены на произвол судьбы.

— Школа обязательно скоро будет! А пока ты можешь взять мой планшет и самостоятельно изучать те предметы, которые тебе интересны, а я помогу, если тебе будет что-то непонятно!

— Ух ты! Планшет!!! Спасибо!

Марк с невообразимой скоростью нёсся по коридорам станции в сторону нашего отсека.

Ему не терпелось поскорее приступить к занятиям. Он и на Земле любил учиться, воспитатели сада часто давали ему усложненные задания.

— Уже пришли? — удивилась Лена, когда мы вернулись. — Быстро вы!

— Да там и есть то нечего. Только тарелки зря пачкали.

— Опять синтежижа?

— Она! — вздохнула я.

— Фу, видеть ее уже не могу. — скривилась подруга. — Пожалуй сегодня я останусь без ужина и сразу пойду спать. Софию я, кстати, покормила и уже уложила. Она все крепнет и крепнет. Скорей бы ее уже из этого кувеза освободить.

— Да уже скоро. Доктор Романенко говорит, что она борец!

— Спокойной ночи! И тебе, Марк, спокойной ночи и самых сладких снов!

— Спокойной ночи, тетя Лена!

Марк заснул почти мгновенно. И я осталась одна. Наконец-то!

Сердце гулко забилось в груди от волнения. Нет, так не пойдет. Нужно успокоиться, иначе ничего не получится.

Я решила лечь прямо на пол, иначе, в кровати, я рисковала просто заснуть. И сосредоточилась на своем дыхании.

Сердце стало биться медленнее, по телу разлилась приятная тяжесть. Я была на грани сна и реальности.

Постаралась окинуть внутренним взором окружающее пространство.

Так, самое легкое уже получилось. Вот спит Марк и София, в соседней комнате плачет Лена. Хорошо, что я осталась в комнате детей, ведь ей тоже нужно оплакать родных. Ей тоже нужно личное пространство. Когда человеку плохо не обязательно лезть к нему со своей помощью, нужно просто дать время выплакать свое горе.

Поэтому я оставила подругу и отправилась дальше.

"Видеть" людей на станции было не то чтобы легко, но осуществимо. Но вот как мне "увидеть" людей на Земле?

Как мне найти моего мужа там? Нет, это неосуществимо. Андрей зря меня раззадорил. Я не смогу. А как хотелось бы увидеть мужа, узнать, что с ним все в порядке, что он жив и здоров. Как хотелось бы.

Сама того не заметив, я погрузилась в сон. Такой странный. Вокруг была кромешная тьма и я не знала куда идти. Мне стало так страшно! Под ногами какой-то песок и... трава? Нет, не трава! Она колышется словно в воде. Вокруг ни души и такая тишина, что слышно биение сердца.

Я шла по этой черной пустыне, силясь увидеть хоть что-то. Зачем я здесь?

Где-то вдалеке мелькнул свет и погас.

Такой красивый и такой далекий.

Внезапно я споткнулась обо что-то.

Что-то большое и твердое лежало у ног, но из-за темноты я не могла разглядеть. Наклонившись я поняла, что это человек в тяжелом костюме. Он лежал без движения. Неужели он умер? Сердце колотилось, интуиция кричала о том, что этому человеку нельзя умирать. Он важен! Он так важен!

Я прислонила лицо к его лицевому щитку и... О, Боже! Нет, нет, нет! Этого не может быть! Только не ты!

— Леша! Лешенька! Вставай! Ну же, вставай. Я прошу тебя! — я трясла его, кричала, не

он не реагировал. — Лаврентьев, вставай! Вставай я сказала! Тебе еще нас спасать! Леша, не бросай нас!

Он открыл глаза. Что-то начал бормотать, но пошевелиться у него не было сил. Он умирал. Здесь, в этой тьме, совсем один!

Гул и яркий свет появились ниоткуда. Совсем рядом с нами остановилась какая-то громадина, а потом из нее появились люди в таких же костюмах, подхватили Лешу и вернулись в свою машину. Это что такое?

Тем временем громадина шустро удалялась.

А я все стояла, не зная, как мне вернуться назад. Вот уже и не видно корабля, что увез Лешу. Вот же дура. Нужно было идти за ними, но на меня словно паралич какой-то напал. И теперь я совершенно одна и не знаю куда идти.

Но вскоре все проблемы смело как рукой. Яркая, словно десяток солнц, вспышка ослепила меня, а потом до меня дошла взрывная волна...

***

— Ксюша! Ксюша очнись! — меня нещадно трясли за плечи. — Ксюша, да что с тобой?

— Мама! Мамочка проснись пожалуйста.

— Ма-арк. — пробормотала я пересохшими губами.

— Ксюшенька подожди, подожди немного. Я вызвала врача.

— Не нужно. Со мной все хорошо. Только дай воды.

Уже через несколько секунд мне в губы упирался прохладный бокал с водой и я с жадностью прильнула к нему.

Сознание возвращалось неохотно. Меня словно грузовик переехал.

— Что с тобой случилось? Тебе плохо стало? Ксюша, это нужно обследовать! Тебе нужно заботиться о своем здоровье!

— Сколько... сколько я была в отключке?

— Я не знаю. Я вчера уснула, а утром Марк разбудил меня криками. Я прибежала, а тут ты на полу лежишь. Похоже ты вчера сознание потеряла и пролежала всю ночь здесь. Сейчас придет врач и ты отправишься в медотсек! Возражения не принимаются!

— Лена, мне нельзя в медотсек!

— Что? Ты с ума сошла? У тебя двое детей! Ты им нужна!

— Лена! Я- мутант! Если они узнают, то мне не жить!

— Ты... что?

В дверь громко постучали.

— Так, подруга. Потом мне все расскажешь! А сейчас давай попробуем тебя на кровать положить!

Лена помогла мне подняться. Обеспокоенный моим состоянием Марк тоже норовил помочь, но что может ребенок в инвалидном кресле?

В дверь постучали снова.

— Лена...

— Выкручусь как-нибудь! Сиди здесь тихо! — сказала она и убежала.

— Мамочка с тобой правда все в порядке? Ты не заболела?

— Нет, милый. Все хорошо. Просто маме нужно поспать. Пожалуйста скажи тете Лене, чтобы она часика через три разбудила меня и позвала сюда дядю Андрея...

— Хорошо мамочка! Спи, я все сделаю!

Боже, как хорошо в кровати! Это такое блаженство. Такое счастье! Сознание медленно

начало уплывать в настоящий, здоровый сон. Он мне сейчас так нужен, что я и не пытаюсь сопротивляться. Со всем остальным разберусь потом. А сейчас спать...

Левиафан

Алексей

Трое суток спокойствия. Тишины и спокойствия. Это как раз то, что мне нужно.

Как оказалось я успел. Успел включить ловушку, приманить медузу. Экипаж подлодки успел запустить реактор. Все спасены. И даже я.

Морпехи отказались бросать меня, отследили по маячку и за пять минут до взрыва торпеды "Сверхновая", меня подняли на борт.

Я слабо помню тот день, но наш медик сказал, что в бреду я разговаривал с Ксюшей.

Ксюша. Мне не хватает ее. Не хватает тепла ее глаз, поддержки.

Она действительно будто приходила ко мне там, на дне. Странно, обычно перед смертью люди видят своих погибших близких, но ведь Ксюша жива.

Страшные мысли лезли мне в голову. Ксюша в моем бреду говорила о том, что я должен их спасти. Неужели мое подсознание считает, что они в опасности?

Нужно как можно скорее завершить эту миссию! И при первой же возможности связаться со станцией.

А теперь спать. С тех пор как меня спасли мне разрешалось только есть и спать. Док сказал, что так восстановление пройдет быстрее. А еще он сказал, что мне невероятно повезло выжить в таких условиях.

Что ж! повезло, так повезло. Посмотрим, не подведет ли мое везение меня в следующий раз.

— Алексей, доброе утро. — док как всегда бодр с утра. — Как ваше самочувствие?

— Я вам еще вчера сказал, что отлично!

— Ну, вчера это было вчера. — сдохмил он. — Алексей, через час мы войдем в Ис-Фьорд. Глубоко входить не будем — фьорд кишит гидрами. Не стоит их раньше времени беспокоить. Поэтому десантная группа высадится в 15 километрах от поселка Лонгйир, около которого, как вы сказали и находится хранилище.

— Отлично. Пойду готовиться к высадке.

— А вот вам, Алексей, я бы порекомендовал остаться на подлодке. Вы, конечно, уже практически восстановились, но я все же считаю, что с вас достаточно. Дальше мы сами. Серьезно! К сожалению, я остаться с вами не могу. На суше может понадобиться моя помощь.

— Что? Остаться? Да вы чего? Я руководитель этой группы. Я затеял эту миссию. А вы говорите отправить туда группу высадки, а самому остаться здесь?

— Я почему-то так и думал. — грустно улыбнулся он. — Что ж, в таком случае, я настаиваю на осмотрах каждые четыре часа. Надеюсь, конечно, что мы доберемся быстрее, но случиться может всякое. Шпицберген заброшен так давно, что мы не имеем никакого представления, что там творится... И эта неизвестность пугает.

— Я думаю здесь мы не встретим чудовищ, запрограммированных на убийство человека, ведь на Шпицбергене нет людей уже около 20 лет! Поэтому, я очень надеюсь, что у местных животных не включилась эта программа.

— Хотелось бы верить в это, но, после того что мы пережили, это трудно.

— Приплывем увидим.

— Да. Что ж, если вы твердо намерены высадиться на берег, то вам нужно идти собираться. Десантная группа уже готова.

Сборы прошли быстро. Мне выдали термоодежду, обувь и рюкзак со всем необходимым для выживания в такой суровой среде.

Было решено перед уходом плотно пообедать, чтобы не терять время на суше.

В столовой собралась вся команда и, когда я туда вошел, ребята стали подходить ко мне, пожимать руку, обнимать и благодарить.

— Спасибо, Лёх! — подошел Влад. — Мы пытались прорваться к тебе, когда ты лежал в лазарете, но док не пустил.

— Конечно не пустил — кивнул док. — Я бы и сейчас его там оставил, а то того и гляди раздавите нашего спасителя! А ему, между прочим, показано высококалорийное питание! А вы даже поесть человеку не даете!

Ворчание дока подействовало. Ребята расступились, пропуская меня к синтефабрике. Я был не голоден — эти дни док пичкал меня похлеще заботливой бабушки, но все же поесть было необходимо. Набрал себе рацион и уселся за ближайший стол.

— Какие планы? — спросил я у Долохова, под чье командование мы переходим на суше.

— Подходим к фьорду настолько близко, насколько это возможно, чтобы не потревожить гидр, а дальше пешком. Вряд ли за это время что-то осталось от поселка, так что придется прочесать территорию в поисках хранилища.

— Ясно. — кивнул я, уткнувшись в тарелку. — Хранилище находится на глубине 120 метров. Лонгйир наверняка разрушен, но что-то должно остаться. Надеюсь заметим. Есть одна проблема. Как открыть дверь?

— Возьмем взрывчатку и все. Нашел проблему! Это хранилище нам больше не понадобится, так что можно просто подорвать!

— Банк семян оборудован взрывобезопасными дверьми и шлюзовыми камерами. — покачал головой я. — Даже если сможем подорвать одну дверь, в чем я сомневаюсь, то там будут еще и другие!

— И что ты предлагаешь?

— Я надеюсь, что когда доберемся, то обнаружим там какое-нибудь устройство для получения доступа. Ну а если нет...

— А если нет, то расковыряем двери как-нибудь. Главное найти вход!

— Да уж. Поживем — увидим!

— Поживем — увидим. — улыбнулся

— Тащ Каптран*! — официально обратился Влад. — Разрешите посвятить в подводники новичков?

— Разрешаю. — улыбнулся тот и загадочно добавил. — Посмотрим сколько зубов достанется кувалде.

Я слегка поперхнулся от этих слов, но все же пошел следом за Владом. Знаю, что для них традиции это святое.

Мы спустились в торпедный отсек, где собралось уже довольно много народу. Отдельно стояли те, для кого это погружение было первым.

— Ну что, ребята. Сегодня вы станете настоящими подводниками. Такой ритуал проводится всем, кто погрузился впервые, еще со времен первых субмарин! Так что, можно сказать, мы чтим традиции предков.

— Что делать-то нужно? — спросил я, глядя на кувалду. — Не тяни...

— Ничего сверхъестественного! — ухмыльнулся Влад. — Всего лишь выпить плафон* забортной воды и поцеловать кувалду. А дальше вам выдадут удостоверение подводника.

В этот момент в помещение внесли флягу с водой и плафоны потолочного освещения.

— Пойдите, — заволновался док. — Что значит выпить плафон забортной воды? Она же ядовитая!

— Не бойсь, док! — смеялись моряки. — Жив будешь — не помрешь!

— Что это значит? — не унимался тот.

— Здесь все проходили через этот ритуал и все живы! — вмешался Влад. — К тому же, если вам будет так легче, это очищенная морская вода. Никаких ядовитых примесей.

— И все же, к чему всё это? — не унимался док.

А мне стало весело. Наверное, в нашей жизни стало слишком мало подобных традиций. Посвящение в подводники! Почему бы и нет?

Но, прежде чем я успел открыть рот, чтобы вызваться первым, Долохов выступил вперед и сказал:

— Что ж, если никто не возражает, я буду первым! Не могу упустить такую возможность! Ведь на Луне нет морей и мы станем единственными крещеными моряками!

Размашистым шагом подошел к фляге с водой, зачерпнул полный плафон и начал пить. После первых глотков глаза Долохова выпучились, из них полились слезы, он поперхнулся, но продолжил пить, не отрываясь от плафона. Вода из плафона потекла по подбородку Елисея, но моряки не дали ей пролиться на пол. Тут же был подставлен столовый поднос, в который и собиралась пролитая вода. Когда Елисей допил воду, ему дали плитку шоколадки, в которую он сразу же вгрызся, а собранную на подносе воду опрокинули ему за шиворот.

— Ну? Кто следующий? — хохотал Влад.

Пример командира вдохновил всех и к фляге с морской водой потянулась очередь. Все происходило ровно по тому же сценарию, что и с Долоховым. Ребята пили воду из плафона, пролитые капли собирались в поднос и выливались за шиворот. Кто откровенно мухлевал в конце не получал шоколадку.

Наконец дошла и до меня очередь. Я зачерпнул плафоном воду из уже порядком опустевшей фляги и большими глотками начал пить. Вода была ледяная. Настолько, что сводило зубы. И горько-горько соленая.

С трудом допив свою порцию, получив столь заветную сейчас плитку сладкого шоколада и порцию пролитой воды за шиворот я отошел в сторону, ожидая следующего испытания.

— Морская вода горькая и соленая, как слезы ваших матерей и жен! — строго сказал командир. — Вода не прощает ошибок! Никогда не прощала, а сейчас тем более! Берегите корабль, себя и товарищей!

— И второе, заключительное испытание! — улыбался Влад, поднимая кувалду. — Вы должны поцеловать нашу детку!

"Детку" тросиком подвязали к потолку и хорошенько раскачали.

Вот те на! И как же к ней подобраться?

— Ну, что? Струсил что ли? — спросил командир. — Ну так море не любит трусов!

— Кто здесь трус? — выпятил грудь один из военных. — Да я её.... У-у-у-у...

Зря он так поторопился! Оглядываясь на товарищей, вояка не рассчитал расстояние и кувалда со всего маха заехала ему по зубам. Из разбитой губы тут же струйкой потекла

кровь.

— Поцеловал, так поцеловал!!! — шутили моряки. — Хорошо хоть зубы целы остались! Но испытание тебе засчитывается!

После неудачного опыта товарища, остальные не очень-то торопились повторить его подвиг.

Я смотрел на качающийся инструмент и пытался придумать, как можно пройти испытание без крови.

— Ну что же вы? Кто следующий?

Я вышел вперед.

— Ого! Алексей, после того что ты для нас сделал, мы готовы принять тебя в подводники и с одним испытанием!

— Да нет, спасибо! — отмахнулся я. — Пожалуй я на общих правах получу это звание!

Я подошёл к кувалде на безопасное расстояние, дождался момента, когда она будет на излете от меня, сделал шаг в ее сторону и быстро чмокнул железяку.

Подводники поддержали улюлюканьем и аплодисментами.

— Молодец, Алексей! Сразу видно — инженер!

Все остальные, вторя моему опыту, быстро прошли испытание. Дальше нам выдали странные значки с изображением рыбы. Впоследствии Влад объяснил, что это вымершая много лет назад вобла. Далее каждый моряк дал свои напутствия. На этом церемония посвящения была закончена.

— Ну что, в нашем полку прибыло! — сказал командир. — Добро пожаловать! Теперь вы полноценные члены экипажа Левиафана! Желаю вам столько же всплытий, сколько и погружений! К тому же, вы помимо звания подводника, сегодня получаете еще и звание "синий нос", за погружение в арктических водах! А сейчас все марш на свои посты! Дежурной команде "пузырь в нос"**! Начинаем всплытие! Десантной группе "товьсь"!

— Есть занять пост!

— Есть "пузырь в нос"!

— Есть "товьсь"!

И все разошлись выполнять приказ командира. В том числе и ворчащий док, который пошел зашивать губу торопыге.

Всплытие прошло без происшествий. Специально выжидали пока солнце спрячется за горизонтом, чтобы греющиеся на поверхности гидры ушли на ночь на дно.

Естественно, у острова нет ни сходней, ни пирсов для приема кораблей, поэтому пришлось погрузиться на надувные лодки и до берега добираться на них.

На Шпицбергене еще холоднее, чем в Североморске. Может сказывается то, что он севернее, может то, что уже стемнело, а может просто я еще не совсем восстановился.

Спустившись на твердую, как камень, землю, зябко ёжусь, несмотря на теплую термоодежду. Это замечает док.

— Алексей, ты как?

— Все в порядке.

— Всё-таки нужно было тебе остаться на подлодке!

— Теперь уже все равно. Назад не вернешься.

— Ты прав. — соглашается док.

— Что теперь? — подошел Долохов. — Куда пойдём?

Я потоптался по скрипучему рыжему снегу, прикинул куда идти и ответил ему:

— Елисей, я считаю идти по незнакомой местности ночью глупо и опасно. Предлагаю разбить лагерь, выставить часовых и подождать до утра. А там пройдем пяток километров по берегу и свернем к скалам.

— Ты же говорил нам здесь ничего не грозит? — удивился док.

— Я такого не говорил. Я лишь сказал, что мы навряд ли встретим здесь чудовищ, запрограммированных на убийство человека. А вот опасностей здесь может быть очень и очень много. К тому же среди животных испокон веков были хищники, которые могут почувствовать в нас вкусную и легкую добычу.

Док невесело хмыкнул, перехватил поудобнее свой автомат и отошел к группе, разгружающей лодки.

— Как думаешь, не зря мы сюда притаились? — ни с того, ни с сего спросил Долохов.

— Тоже такое чувство, да? — невесело усмехнулся я. — У меня оно не проходит с тех самых пор, как мы сошли с шаттла. Но ведь у нас нет выбора, правда? Только вперед. Так что нет смысла мучить себя такими вопросами.

Елисей кивнул.

— Нужно найти место для лагеря. На таком ветру мы очень скоро начнем замерзать.

— Вон, видишь огромный валун? — указал я на обледенелый булыжник, который больше походил на скалу. — За ним, думаю, можно укрыться от ветра.

— Ну и глаза у тебя! — покрутил головой командир. — Я никому не говорил об этом. И остальным, кто знает, сказал держать язык за зубами. Да и ты не распространяйся об этом!

— Спасибо! Мне действительно не нужна такая известность! — кивнул я. — Ну что? Выдвигаемся?

— Выдвигаемся...

Закинув тяжелые вещмешки на спину, взяв на изготовку автоматы мы отправились к здоровому валуну, что заметил я.

Под ногами скрипел снег и хрустели льдинки. И, как мы ни старались, идти тихо не получалось.

Чем ближе мы подходили к валуну, тем меньше мне нравилась моя идея.

Похоже, что не только мне. Вся группа была в напряжении и настороже и ни для кого не стало сюрпризом, когда ледяной валун вдруг начал шевелиться. Ледяная корка лопнула и частично осыпалась, представив нам морду неизвестного существа. Группа замерла в надежде, что проснувшееся чудовище не заинтересуется нами. Монстр принял и обнажил острые как кинжалы клыки. Бежать. Снова бежать! В этом новом мире такое слабое существо, как человек может выжить только с помощью бега. Чудовище не дало нам большой форы и практически сразу, с громким ревом, припустило за нами.

Густая, белая шерсть, покрывая все его тело, кроме лап, опускалась почти до земли, собирая на своих концах снег и сосульки, отчего казалось, что за нами гонится не живое существо, а ледяное чудовище.

Чудище уже нагоняло нас. Почуввав близость добычи, тварь ускорила. Раскрыв свою огромную пасть, она издала душераздирающий рык.

— Вы должны уходить! Мы её задержим! — крикнул Игорь.

— Ты с ума сошёл? Как ты удержишь такую махину? Да она вас в секунду раскидает! К тому же там, дальше, могут быть твари и пострашнее! Как мы без вас справимся?

— И что ты предлагаешь?

— Двигай задницей! Цель уже близко! Вход в бункер должен быть где то рядом!

И мы опять побежали. Парни с оружием поочерёдно останавливались и стреляли в тварь, чтобы мы могли отбежать подальше. Тварь припадала к земле и замирала, но как только выстрелы прекращались она нагоняла нас. И это было очень странно! Складывалось ощущение, что эта тварь знакома с оружием и поведением людей, чего на самом деле не может быть, ведь остров покинули много лет назад.

— Гедониевый реактор тебе в задницу! Да что же ты за тварь такая? Аа-а-а-а... — кричал Долохов. — Лаврентьев! Где вход? Заряды на исходе! Шевелите задницами, иначе эта тварь всех нас порвет!

Легко сказать — где вход? Я ведь тоже здесь никогда не был! Я, насколько мог, вертел головой высматривая вход в хранилище, но никак не мог найти его. Утренние сумерки совсем не помогали делу. Почему-то именно в сумерках мое ночное зрение сбоило. Эх, знать бы ещё как сейчас выглядит этот вход, но вся информация, что у нас есть, давно устарела. А тварь подбиралась все ближе. Прижимала нас к скалам. И в один момент мы оказались в западне. Впереди была отвесная скала. Дальше нам отступить было некуда.

— Вот, нам и крышка! — прошептал Игнат.

Я был абсолютно согласен с ним, но тварь почему-то медлила. Топталась неподалеку, прижималась к земле, хотя мы уже и не стреляли, ведь зарядов почти не осталось.

Мы, получив передышку, отступали ближе к скале. Может эта выступающая глыба пугает тварь? А может...

— Эй, — окрикнул я ребят, — давайте поосторожнее. Не нравится мне, что наша громила стесняется подходить. Может здесь затаилась тварь пострашнее...

— Куда уж страшнее... — прошептал Игнат.

Между тем, мутант видимо решил, что голод страшнее этой скалы и рванул в нашу сторону. Заряды закончились буквально за пару секунд. И мы замерли, ожидая смерти.

"Ксюша, прости... — пронеслось в голове. — Моника, принцесса моя, я иду к тебе!"

Тварь, поняв, что мы больше не отбиваемся, заревела и радостно кинулась к нам. Прыжок... Ещё прыжок... Вот сейчас!

Я зажмурил глаза, потому что смотреть в лицо смерти уже не было сил.

Внезапный яркий свет из-за спины заставил тварь резко затормозить, отчего она несколько раз перекувыркнулась через голову, взметнув столб снега.

— Что за хрень? — орал с перепугу Долохов. — Лаврентьев?

— Мы пришли... — голос отчего-то сорвался и мне пришлось повторить. — Мы пришли!

Все обернулись на свет, чтобы рассмотреть вход в хранилище и увидели, как из массива скалы, опустив фальш-панели, выдвинулись огромные стволы неизвестного нам крупнокалиберного оружия и сразу же начали вести прицельный огонь по твари.

Тварь взвизгнула и поспешила убратся восвояси.

— Это что за прелесть? — восхитился Игнат. — Хочу! Дайте две!

Пока остальные приходили в себя, я разглядывал вход в хранилище, пытаюсь понять, как же нам попасть внутрь.

Н-да. С этим будут, похоже, проблемы.

Огромная пятиметровая стальная дверь, которую мы приняли за отвесную скалу, была словно запаяна. Ни мониторов для ввода паролей, ни малейшей щели, чтобы установить заряд. Ничего! Сплошная монолитная стена с гигантским прожектором наверху.

— Подрываем? — с сомнением спросил Долохов.

— Не выйдет. — ответил ему я. — Вся наша взрывчатка для этой двери будет словно детская хлопушка. Мы только закоптим ее.

— Как же войти? — спросил он, а я лишь пожал плечами. — Леха, ведь ты здесь именно для этого! Мы свою работу выполнили! Довели тебя сюда, теперь давай, подключайся ты.

— Погоди немного. — отмахнулся я. — Дай подумать.

Я решил подойти поближе к двери, чтобы хорошенько ее рассмотреть, но, даже подойдя вплотную, ничего не нашел.

— Я думал здесь будет панель для доступа внутрь. Думал смогу подключиться и подобрать пароль. Думал, смогу открыть... — сам не заметил, как начал причитать. — Все зря. Черт, все зря! Весь этот Чертов путь зря!

В порыве эмоций я что есть силы ударил кулаком по стальной двери и тут же чертыхнулся от боли.

— Ага, ты ещё руку себе сломай! — ворчал Долохов. — Она же совсем тебе не нужна... Погоди... Слышите?

Внутри скалы что-то тихо загудело, завибрировало.

— Ты что сделал? — спросил командир, пятясь от двери. — Получилось? Получилось!!!

Действительно, получилось. Я не верил своим глазам, но огромная дверь дрогнула, осыпав нас миллионами рыжих снежинок, и створки начали разъезжаться в стороны.

— Да-а-а-а! — кричали все. — Молодец, Леха!

— Сомневаюсь, что это я! — глядя на Долохова ответил я.

— Не расслабляться! — заорал он. — Оружие не опускать! Четверо прикрывают. Двое со мной на разведку! Остальные ждут здесь.

— Что толку с этого оружия? — огрызнулся Игнат. — Мы все равно все пустые!

Тем временем, дверь уже полностью открылась, запуская разведгруппу внутрь.

Внутри был хорошо освещенный, пустой тамбур с такими же огромными, запертыми воротами.

Разведгруппа потопталась в тамбуре, похлопала по закрытой двери, но ничего не происходило.

— Что думаешь? — спросил Долохов, когда они вышли из тамбура. — Как открылись внешние двери и как открыть вторые?

— Я думаю это система безопасности. — подумав ответил я. — Вторые двери откроются только тогда, когда будут закрыты первые.

— Так, а как их закрыть?

— Думаю, они закроются автоматически, как только мы все войдём внутрь.

— А если западня? Кто знает, что там внутри? Может за столько лет тут все уже навернулось и после того, как закроется первая дверь, вторая не откроется? Что тогда делать?

— Не думаю, что тут что-то неисправно. Посмотри на оружие! Оно полностью заряжено. Стреляло только в тварь. Нас не задело. Думаю, что все тут исправно! Да и выбора у нас нет! Не разворачиваться же обратно!

Долохов долго молчал, глядя в открытый зев хранилища.

— Откуда здесь энергия? — прошептал он. — Разве остров не покинули много лет назад? Не нравится мне все это!

— По архивным данным, комплекс поддерживается за счёт геотермальной энергии.

Здесь все на автоматике. В любом случае пока не зайдём, не узнаем.

— Да уж... — проворчал командир. — Иди туда, не знаю куда... Ну что ж, раз выбора нет, заходим.

И мы зашли. Сердце громко бухало об ребра. Адреналин с новой волной хлынул в кровь. Все в напряжении ожидали, что же будет дальше, какой сюрприз нас ожидает в этом квесте на выживание?

Сначала ничего не происходило. Я уж было подумал, что ошибся, но через минуту внешняя дверь начала закрываться.

Теперь назад пути нет. Надеюсь, я прав и вторая дверь откроется, иначе нам крышка. Выбраться из этого стального капкана не выйдет. Я был абсолютно прав, когда не позволил тратить взрывчатку на подрыв двери, ведь ее толщина составляла около полуметра. Да такого монстра даже ядерный заряд не факт, что возьмёт.

Внешняя дверь полностью закрылась, послышался звук запирающих механизмов и все стихло.

Внезапно освещение сменилось на красный цвет, а из-под пола повалил густой туман, быстро заполняющий тамбур.

Все запаниковали. Началась толкучка. Кто-то ругался, кто-то долбил во внешнюю дверь, кто-то во внутреннюю. Началась полная неразбериха ровно до того момента пока из динамиков где-то наверху не раздался голос.

Все стихли, прислушиваясь к голосу, но говорили по всей видимости на норвежском, или ещё каком-то неизвестном нам языке. Голос звучал мирно, и было ощущение, что успокаивал нас.

— Что за хрень творится? — рычал Долохов. — Лаврентьев, что происходит? Чем нас травят?

Туман, между тем, заполнил уже весь тамбур, но никто пока не жаловался на самочувствие. Дышалось легко и свободно.

— Не думаю, что нас травят. — выдвинул предположение я. — Скорее всего это тоже какая-то система безопасности.

— Возможно это просто какой-то антисептик. — вмешался док. — Все ведь до сих пор живы!

Между тем туман начал рассеиваться, свет снова сменился на нормальный. Во внутренней двери зашумел запирающий механизм и дверь начала открываться, являя нам то, что мы меньше всего ожидали увидеть...

* *тащ* каптран — товарищ капитан третьего ранга.

** *пузырь в нос* — продувка носовых балластных цистерн воздухом во время всплытия.

Сначала мы не могли понять ничего. Яркий свет слепил глаза не позволяя рассмотреть, что за дверью.

Но через несколько секунд мы увидели его силуэт.

Я подумал, что это ремонтный бот, зачем-то смоделированный под человека. Но потом на нас напал с объятиями и бесконечной болтовней самый настоящий человек!

Хотя на человека он был похож меньше всего, больше походил на домового. Обросший, в грязных лохмотьях он метался между нами норовя всех нас облапать.

Человек говорил на неизвестном нам языке. Много говорил. Его трескучий, тихий голос то и дело прерывался всхлипами, а по щекам бежали слезы. Он бесконечно повторял какие-то отдельные фразы, но его никто не понимал.

— Леха, откуда он здесь? — шокировано прошептал Долохов. — И вообще, кто это? Как здесь оказался? Разве остров не покинули много лет назад?

— Не знаю. — ответил я пребывая в таком же состоянии шока. — Ощущение будто он здесь много лет. Посмотри на его одежду.

Человек между тем остановился, прислушался к нашей речи и спросил:

— Русик? Русик?

— Да! Да, русские! — ответил ему Долохов. — Ты понимаешь по-русски?

Человек отрицательно покачал головой.

— Английский?

Опять отрицательный жест.

— Как же нам с тобой общаться то?

Старик заинтересованно смотрел на Елисея и ждал.

— Леха, как му объяснить, что в мире произошел полнейший швах и нам нужно семенохранилище?

— Не думаю, что он будет против, если мы тут все заберем. Главное, чтобы и его прихватили.

— Да, но не хотелось бы его пугать.

— Слушай, по официальным данным остров покинули около двадцати лет назад! Если он здесь пробыл все это время...

Тем временем старик потащил нас в глубь хранилища.

— Как он жив-то до сих пор?

— Хранилище автономно. Энергия у него есть. И банк семян есть...

Мои слова тут же подтвердились. Все пространство внутри следующего помещения занимала огромная оранжерея с различными съедобными растениями.

— Это что же, мы зря приехали?

— Почему это?

— Ну раз он здесь устроил целый сад, то, наверное, семян-то и нет уже?

— Не обязательно! Во-первых, хранилище огромное! Во-вторых, он здесь похоже один и не мог потратить все. Ну а в-третьих, раз уж добрались сюда, то проверим?

В углу сада валялся целый ворох тряпья. Было похоже, что старик перебрался сюда на постоянное место жительства.

Что же с остальной частью хранилища?

Выяснить это нам и предстояло.

— Лёха, — остановил меня Елисей, — это же, получается, что он последний норвежец? Ведь наверняка он норвежец!

— Да, скорее всего норвежец... Кто еще тут может быть... Где-то с 2023 года Россия потеряла право на остров. Вернее, ее лишили этого права. Тогда были беспокойные времена. А больше Норвегия никого на свой остров не пускала. Так что это наверняка норвежец. Но нужно ли ему знать, что его страны больше нет? А те крохи людей, что все-таки выжили после волны нападения мутантов, погибли уже в бункере от инфекции? Да, он единственный выживший норвежец, но он не один! Какие бы распри ни были у наших стран в прошлом, сейчас мы все в одной лодке!

— Да, ты прав. Привезем его на Луну, там пусть и объясняют, что произошло.

— А теперь нам нужно осмотреться!

— Нужно передохнуть. Все вымотались пока уносили ноги от этой твари.

— Позже передохнем. Слушай, не могу я сидеть без дела. И так эта миссия уже затянулась. Возвращаться нам нужно. Непокойно мне.

— Еще одна способность? — шепотом спросил Долохов.

— Да иди ты... — отмахнулся я. — Оставь часть команды здесь, пусть отдыхают, а я с другой группой проверю хранилища.

— Хорошо. Так и поступим.

Со мной вызвалось еще пять человек. И старик. Увидев, что мы куда-то собрались он словно приклеился к нам. Он перестал болтать. В его глазах таилась надежда и страх. Страх, что мы оставим его здесь. Было ощущение, что он с трудом себя сдерживает, чтобы не вцепиться в чью-то руку.

Я подошел к нему и похлопал по плечу. Старик посмотрел на меня долгим взглядом, глаза его вновь сделались влажными, а подбородок затрясся. Я приобнял его одной рукой, а другой обвел всех наших, а потом и его включил в этот круг, пытаюсь объяснить, что он теперь с нами. Мы его не бросим.

Старик кивнул, а потом, громко всхлипнув, заключил меня в объятия.

Его плечи содрогались от рыданий.

Стало ясно, что осмотр хранилищ откладывается на некоторое время. Стремясь поскорее выполнить свое задание, мы не обратили внимание на человеческие чувства. Человек провел здесь в одиночестве около двадцати лет, не имея возможности вернуться к родным, связаться с ними или узнать, что происходит в мире. Не надеясь уже на спасение.

Осознавая, что от наших действий, решений зависит судьба всего человечества, мы отмахнулись от одного человека. А ведь нас так мало осталось! И каждый из нас на счету. Скорее всего, наши дети будут последним поколением людей и мы можем лишь попытаться обеспечить им достойное существование в будущем. Но это не значит, что мы можем вот так легко игнорировать человеческие чувства, пусть и полусумасшедшего старика.

Он нуждался в нас. Здесь! Сейчас!

Вся наша группа словно очнулась. Все подходили к старику и старались его как-то приободрить. Кто просто пожимал руку, кто хлопал по плечу, а кто-то и обнимал его. Ему нужен этот физический контакт сейчас. Ему нужно понять, что мы не плод его воображения. Что мы настоящие.

Парни достали из рюкзака какую-то тонкую, прочную ткань, расстелили ее на полу и начали раскладывать на ней весь наш провиант.

Старик заворуженно наблюдал за этим, а потом принялся носиться среди своих растений и что-то срывать, а через несколько минут вывалил на импровизированный стол гору фруктов и овощей.

— Вот, это по нашему! — воскликнул Игнат и, схватив яблоко, со смачным хрустом откусил от него большой кусок.

В сложившейся тишине его голос показался громом среди ясного неба. Старик вздрогнул, а потом широко улыбнулся, показывая свои щербатые зубы.

И именно в этот момент всех отпустило. Все внутреннее напряжение сошло на нет. Парни собрались вокруг общего стола, ели, пили и говорили. Много говорили. Совершенно ни о чем. Будто у нас нет сверхважной миссии, будто мы не спешим никуда. Нам нужна эта передышка! Иначе мы упускаем слишком много!

Возможно, там на станции, людям тоже нужна передышка. Мы все до сих пор не можем отойти от тех событий, что перевернули наши жизни.

Нам нужно не только выживать, но и ЖИТЬ!!! Иначе для чего все это?

Я решил, что осмотр хранилища можно отложить. Сейчас здесь в безопасности мы можем взять небольшую отсрочку, хоть на пару часов, перед тем как вновь нырнуть в этот новый, такой жестокий к человеку, мир. Перед тем, как вновь взвалить на свои плечи ответственность за всех оставшихся в живых людей.

Кто-то достал из рюкзака фляжку, которая тут же пошла по кругу. Парни бережно принимали ее, делали глоток и передавали следующему. Когда дошла очередь до меня, я, не спрашивая, сделал большой глоток и тут задохнулся. Горло мое обожгло, дыхание перехватило, а в желудок славно плеснули лаву. Я передал фляжку и тут же почувствовал, как мир поплыл. Все парни начали ржать.

— Лаврентьев, ты чего жадничаешь? А еще интеллигентный человек! — слышал я хохот, словно через подушку.

— На, закуси! — Долохов улыбаясь сунул мне в руку бутерброд.

Я вцепился в него зубами и он оказался божественно вкусным.

— Фто это за дрянь? — с набитым ртом спросил я у него, указывая на фляжку.

— Это? Спирт.

— Что? — выпучил я глаза. — Я думал вино. Думал кто-то с подложки взял вино.

— Ну что ты! Кто ж на подобные задания берет вино? Исключительно только спирт. Для растирания при переохлаждении. А пить алкоголь в таких условиях категорически запрещено.

— Зачем же тогда его достали?

— Ребятам нужно слегка расслабиться.

Пройдя круг, фляжка исчезла так же быстро, как и появилась.

— Все равно это дрянь!

— Согласен!

Парни сидели долго. Кто ел, кто говорил, а кто-то даже затянул тихую песню.

Сколько я уже не слышал музыку? Я попытался вспомнить и единственное, что приходило мне на ум, так это день рождение Ксюши. Более полугода назад!

Судя по тому, как стихли все разговоры, прислушиваясь к песне, я не один такой.

Мы действительно перестали жить, как только попали на станцию.

Песня стихла. И все мы продолжили сидеть молча, погруженные каждый в свои мысли.

Старик спал. Некоторые из парней последовали его примеру, ведь ночь у нас была

бессонная.

Я тоже решил немного поспать. Улегся прям тут, на полу, засунул руку за пазуху, чтобы достать заветный кусочек пластика с фотографией дочери.

— Сколько ей? — спросил Игнат, увидев фото.

— Девять... Было... — быстро убрал фото в карман и закрыл глаза, не желая продолжать разговор.

— Сочувствую. Это... невосполнимая потеря. Ни время, ни что-то другое никогда не облегчит боль, но... — Игнат сделал паузу, подбирая слова. — Тебе все равно очень повезло! Да, повезло! У тебя осталась жена и двое детей! Радуйся этому и береги их, как зеницу ока!

Я посмотрел на ставшего чрезмерно серьезным друга и не узнал его. В его глазах была такая печаль и боль, что я усомнился, а он ли сейчас передо мной? Как можно было все это время прятать ото всех эти чувства?

— А ты? — спросил я, сам не зная о чем.

— А я один.

Игнат отвернулся от меня и больше не говорил.

Через четверть часа помещение было наполнено разноголосым храпом. Наш несанкционированный праздник не пойми чему удался, хотя сейчас я не мог понять, а что мы праздновали? Чему радовались? Ничего ведь не изменилось!

— Это похмелье. — пробурчал Долохов. — Не пыхти так. От алкоголя всегда есть откат. Завтра все проснутся привычно хмурыми, но им нужна была эта разрядка.

Я пожал плечами и, наконец, провалился в сон.

Сон вновь был беспокойным. Я снова куда-то бежал, кого-то спасал, кого-то терял... Но проснуться у меня просто не было сил и я все сильнее увязал в своем кошмаре.

Прийти в себя мне помогла сирена и красные огни.

Вокруг была беспорядочная суета. Народ никак не мог понять, что происходит, а я начал искать старика, ведь только он мог все объяснить.

Но старика я не нашел, зато увидел приоткрытую дверь, ведущую вглубь хранилища.

Я указал Долохову на дверь и он скомандовал нескольким парням пойти проверить, что там.

Сигнализация отключилась, но парней все не было.

Последствия вчерашнего или еще сегодняшнего, ведь в этом чертовом подвале не поймешь сколько прошло времени, сабантуя исчезли в считанные минуты и парни, уже полностью собранные, с оружием наготове, ожидали возвращения разведки.

Появление одного из отправленных парней все восприняли с облегчением.

— Пойдемте! — позвал он. — Вам нужно это увидеть! Там безопасно. — добавил он, заметив стволы автоматов в наших руках.

Решили идти все вместе.

Широкие, с тусклым освещением коридоры ощутимо уходили вниз.

Спускались мы долго. Все вниз и вниз. 130 метров под поверхностью земли.

Как же мы вывезем отсюда все, что нам нужно?

В конце широкого коридора были широкие ворота, предназначенные явно не для человека, но парень, что указывал нам дорогу вдруг свернул в сторону, в небольшое ответвление, заканчивающееся большим помещением с множеством компьютеров и экранов.

Старик внимательно разглядывал что-то на экранах.

— У него снаружи куча камер наблюдения. — объяснял парнишка. — Та тварь, что

преследовала нас вернулась. Рыщет теперь вокруг.

Действительно на экране крупным планом было ледяное чудовище, что преследовало нас ночью. Или просто похожая тварь.

Старик внимательно за ней наблюдал, а потом нажал несколько кнопок, отчего на экране появилось перекрестье прицела. Еще несколько нажатий кнопок и тварь дернулась, припала к земле, отползая за скалы.

— Чего ты не добьешь ее? — возмутился Игнат, забыв, что старик не понимает нас. — С таким оружием ты ж ее грохнуть можешь! А теперь она затаится и будет поджидать нас снаружи!

Старик внимательно посмотрел на него, а потом молча ткнул пальцем в один из экранов.

— Черт, ясно. Ну тогда мы очень вовремя прибыли.

— Что? Что там? — спросил я.

— Ёмкость батареи у оружия настолько уменьшилась, что хватает на несколько десятков выстрелов. Затем нужен полный цикл зарядки. — пояснил Игнат. — Скоро и вовсе сдохнет и хранилище останется без оружия. Нам бы поскорее убраться отсюда, пока мы можем отогнать тварей подальше.

— Значит, нужно поторопиться!

— Игнат, остаешься здесь! Следи за экранами. Гоняй тварь. Может уйдет.

— Маарюк! — неожиданно зло произнес старик. — Мааргрюк!

— Маргрюк? Что это значит?

Старик ткнул в соседний экран, который минуту назад показывал пустынные скалы, а сейчас по нему карабкалась тварь.

Старик снова сделал несколько выстрелов в тварь и та скрылась за огромным валуном.

— Слушай, — начал я. — Игнат проследит за ним.

— Лех, он же не понимает тебя!

— Игнат. — я ткнул пальцем в парня, а потом в себя. — Лёха.

Старик кивнул и повторил по очереди показывая на нас:

— Игнат. Леха. — затем показал на себя. — Уле.

— Уле. — кивнул я, приложив руку к его груди.

Затем я долго, нужно и отчаянно жестикулируя пытался объяснить, что Игнат присмотрит за постом наблюдения и будет отгонять тварь, а Уле должен помочь нам с хранилищами.

Конечно, он понял. Все понял. Что может понадобиться двум десяткам русских военных на богом забытом острове? Конечно хранилище. То, что он охранял в течение двадцати лет. Смысл его жизни.

Уле просто кивнул и вышел из помещения. Мы поспешили за ним.

Старик подошел к широким воротам, что мы видели, когда шли сюда и приложил кусочек невзрачного пластика к выступу в стене. Последовал звуковой сигнал, а затем раздался такой скрежет металла, словно эти ворота не открывались много десятков лет.

А ведь так оно и есть. Помещение с хранилищами было законсервировано много лет.

Когда скрежет затих перед нами открылось огромное помещение с четырьмя гигантскими контейнерами внутри. Помещение было настолько колоссальным, что перехватило дух. Неужели наши предки пару сотен лет назад смогли воздвигнуть в недрах мерзлой земли такое? Насколько я помню, потребности в сохранении семян у них не было. В

то время сельское хозяйство было в расцвете сил. Тогда зачем? Неужели вероятность ядерной войны была настолько велика, что они боялись потерять все?

Как бы там ни было, я благодарен им за это. С таким наследием мы точно выживем.

— Это что, все семена, что ли? И как мы все это потащим? — спросил Долохов. — Я думал тут несколько ящиков, а тут...

— Давай для начала посмотрим, что здесь. — сказал я ему и отправился к первому контейнеру.

В массивной двери хранилища было углубление, в котором лежал планшет старого образца. Я взял его и экран тут же загорелся, выдавая графики с данными этого контейнера.

Первое хранилище, как и предполагалось, оказалось банком семян. Многие годы здесь хранились десятки тысяч сельскохозяйственных культур, ожидая, когда мы сможем очистить почву и снова начать выращивать пищу.

Но, правительствам всех стран было не выгодно вкладывать деньги в подобный проект. Ведь проще сделать синтезфабрики и агробашни, чем вкладывать ресурсы на восстановление планеты.

В этом наша ошибка! Нам всегда кажется, что время еще есть, что вот прямо сейчас можно расслабиться и не думать об этом, что кто-то другой обязательно все исправит. Но это не так! Не придет никакой спаситель и не исправит то, что натворили мы. Потребительский образ жизни привел нас к тому, что мы стали жить практически на помойках. Это наша вина и мы должны были сами все исправить, но время упущено. Атмосфера нашей планеты с каждым днем становится все ядовитее. Свалки разлагаются, высвобождая все больше яда и радиации.

Теперь наш удел выживать на безжизненном куске камня, надеясь и молясь, что когда-нибудь наши потомки смогут вернуться на Землю.

Проверив состояние банка семян и убедившись, что с ним все в порядке, мы отправились ко второму хранилищу.

Мы очень удивились, когда увидели, что хранилище не одно, а целых четыре.

Четыре огромных контейнера со специальным микроклиматом внутри, позволяющим семенам оставаться жизнеспособными и одновременно не дающим им прорасти! Гениально!

Моя душа ликовала. Первый контейнер абсолютно цел и практически полон. То, что взял отсюда старик всего лишь крохи. Еды хватит для всей станции, нужно только доставить этот банк на Луну.

Но что же хранится в других? Неужели тоже семена? Да таким количеством можно целую планету прокормить!

Второе хранилище удивило нас еще больше. Банк эмбрионов сельскохозяйственных животных.

Если бы человечество исправило то, что натворило с Землей, то этот банк был бы для нас бесценен. А сейчас... Сейчас, пожалуй, мы не сможем его взять. Нам негде выращивать животных. Нам нечем их кормить. Как печально.

Мои размышления прервал возглас одного из солдат, что ушли вперед:

— Судя по данным это хранилище информационных носителей- нетерпеливый парень уже рассматривал планшет с данными третьего хранилища. — Интересно, что там?

— Не вскрывать! — поспешно крикнул я.

— Но почему? Вы хоть представляете какая там может быть информация? Судя по

данным на панели, там вся человеческая история! Все наши достижения!

— Вот именно!

— Я вас не понимаю! Ведь эта информация может на понадобится в будущем!

— Вот именно, поэтому я и запретил вскрывать его! Хранилище законсервировано! Сейчас нам нужно забрать только то, что необходимо для выживания! Вы помните, что у нас всего один шаттл? Это хранилище мы оставим на будущее!

— Вы считаете, что мы сюда ещё вернемся?

— Конечно! Ведь второе хранилище мы тоже не сможем взять с собой. А сейчас давайте посмотрим, что в последнем хранилище.

— Вы возьмете их все. — хриплый голос старика заставил остановиться всех. — Все! Или потеряете их навсегда.

Несмотря на резкий акцент, Уле говорил на вполне понятном русском языке.

— Так ты говоришь по-русски? — воскликнул Долохов. — И понимаешь нас? Так чего же ты нас дурил?

— Дулил? — переспросил Уле, не понимая.

— Дурил! Обманывал!

— Я не дулил. — отрицательно покачал головой старик. — Я недоверлял. Не знал.

— Ясно. Почему мы должны забрать все?

— Много лет. Слишком много лет. Ресурса нет. Все рушится. Выходит из строя. Не заберете сейчас — не заберете никогда!

— Мы не можем забрать все. — покачал головой я. — Уле, наш ресурс тоже ограничен.

— Тогда... Придется выбирать. — опустил голову старик.

Оставив дверь третьего хранилища запертой, мы отправились к последней двери. Признаюсь, что меня накрывало какое-то предвкушение, будто за этой дверью находится какой-то невероятный подарок! Я невольно увеличил шаг и заметил, что вся группа находится в таком же состоянии, как и я.

— Как вы думаете, что там? — почему-то шёпотом спросил Игнат.

— Не знаю... Не имею ни малейшего понятия!!! Семена в первом. Эмбрионы животных во втором. В третьем информационные носители. Что может быть в четвёртом? Что люди из 21 века хотели сохранить?

Подходили к четвёртой двери с трепетом. С замиранием сердца беру планшет из углубления в двери. Монитор загорается. Вся группа в нетерпении пытается заглянуть в экран и увидеть, что же там? А у меня подкашиваются ноги. Не могу поверить, что вот здесь, на краю света столько лет хранилось это сокровище!

— Что там? Леха, что в хранилище?

— Банк эмбрионов.

— Еще один? Жаль. Я думал что-то полезное будет.

— Это банк человеческих эмбрионов!

— Что? — Долохов подбежал и выхватил у меня планшет.

Две сотни тысяч еще не родившихся детей!

Как такое вообще может быть? Сколько тысяч семей могли обрести счастье!

— По данным с планшета это хранилище было создано в самом начале 22 века. — пробормотал Долохов.

Все верно, именно тогда эпидемия бесплодия только началась и ЭКО еще действовало, которое привело к пику рождаемости. Двойни, тройни и больше. Детей от ЭКО рождалось в разы больше, поэтому ввели ограничение на количество детей в семье. И вот тогда эти эмбрионы отправили сюда, в Шпицберген.

Ну, а после, эка уже перестало помогать. Эмбрионы просто не приживались. Вот их и оставили здесь.

— Мы не можем их оставить здесь! Возможно, кто-то придумает что с этим делать. Нас сейчас настолько мало, что мы не восстановим свою численность. — прошептал я Долохову. — Уже через поколение станция вымрет!

— Что? — воскликнул Елисей. — Почему...

— Потому! — перебил я его. — Не ори. Просто прими, что этот контейнер мы кровь из носа должны забрать.

— Почему не забрать все? — спросил Уле, который тихо подкрался и уже некоторое время слушал нас.

— Потому что мы приплыли сюда на подлодке. — начал объяснять ему Долохов. После этих слов у Уле поползли глаза на лоб. — Мы просто не уместим все внутри, даже если оставим здесь всех нас.

— Зачем внутри? — усмехнулся старик.

— А как, по-твоему, мы должны увезти это отсюда? — сердился Елисей.

— Погоди. — перебил его я. — Уле, при строительстве этого хранилища как планировалось вывозить отсюда все это?

— Эти контейнеры — амфибии! Тягач, конечно, сгнил давно и годится разве что только чтобы дотащить хранилища до воды. Но подлодка же может плыть в крейсерском положении?

— А? В каком положении? — не понял я.

— В крейсерском. То есть в надводном. — пояснил мне Долохов, а для Уле добавил — Конечно, она может идти в крейсерском положении, но разве это не опасно?

— А под водой не опасно? — ехидно спросил старик.

У меня сразу перед глазами встали глубоководные чудовища, с которыми мы столкнулись добираясь сюда.

— Нет! — поспешно ответил я. — На глубине не безопасно!

— Значит, поплывем по поверхности... — задумчиво произнес Долохов. — Что ж, это может сработать! Только все равно мы не можем взять все четыре контейнера!

— Почему? — удивился старик.

Долохов долго молчал прежде, чем ответить, а когда заговорил голос его был тих и мягок.

— Потому что все это нам потом еще тащить на Луну. Понимаешь, Уле, на Земле случился чудовищный апокалипсис. Вся планета восстала против человека и мы теперь пытаемся обустроиться на лунной станции.

— Ну это я понял из ваших разговоров. — невозмутимо ответил Уле. — И про то что Норвегии больше нет тоже понял. Но почему вы не можете забрать все контейнеры с собой?

— У нас всего один шаттл!

— Всего один... — задумчиво повторил Уле.

Казалось, старик ошарашен до глубины души новостью о том, что нам не удастся забрать все из хранилища. Он глубоко ушел в себя и что-то невнятно забормотал.

— Ну что, Алексей, тебе решать, что именно мы возьмем.

— Мы возьмем все! — не дал мне заговорить Уле.

— Уле, мы это уже обсуждали! Мы не можем...

— Можем! Конечно можем! Сколько контейнеров войдет в шаттл?

— Максимум два и это при условии, что мы максимально разгрузим его.

— Годится! Мы заберем их все!

— Уле...

— Возьмем контейнер с сельскохозяйственными растениями и животными...

— Мы не можем оставить человеческие эмбрионы! Уле, бесплодие усугубилось! К тому же, нас осталось совсем мало...

— Что же ты перебиваешь меня? Не даешь сказать?

Уле возмущенно уставился на меня, а я устыдился. Ведь я и в правду разговаривал с ним снисходительно, как с ребенком. Не желал слушать его лепет.

— Прости! Я тебя слушаю.

— Хранилище эмбрионов полупустое. За ним приходилось особенно присматривать. Все-таки детки! Так вот, — Уле неожиданно замолчал, затем нахмурил лоб и мучительно застонал. — Забыл... Слово забыл, как по-русски...

— Это не важно, Уле. Попробуй подобрать другие слова.

Старик уставился на меня, словно удивился моей поддержке, потом кивнул и продолжил:

— Эти штуки, в которых хранят эмбрионы.

— Сосуд Дьюара. — подсказал я.

— Да! Их всего два и они не слишком большие. Смогут поместиться в хранилище сельскохозяйственных животных. Переподключить сосуд к другому хранилищу я смогу!

— Уверен?

— Я здесь именно для этого! Ведь в случае выхода чего-то из строя, я был обязан приложить все усилия, чтобы устранить поломку!

— Что ж, значит мы сможем забрать содержимое трех контейнеров. Но четвертый все же придется оставить.

— Заберем его! — предложил Уле. — На материке может быть придумано как решить эту проблему, а здесь ему крышка. После того как мы уйдем, иссякнет энергия, что-то сломается и это место исчезнет. Некому будет о нем заботиться.

— Да, ты прав. Может получится передать все эти данные на Луну.

— Отлично.

— Что нам делать, Уле? — спросил Долохов. — Как переправить контейнеры на поверхность?

— Вам? Вам ничего не нужно делать. Я — хранитель этого места! И сейчас начнется моя работа!

Старик приосанился, пригладил свою бороду, попытался поправить одежду, но быстро бросил это дело. Такое рванье уже ничто не спасет.

С гордым видом он подошел к противоположной стене и приложил кусок пожелтевшего пластика к еле заметному датчику. Панель отъехала, явив нашему взору сканер отпечатка ладони, к которому Уле тут же приложил свою руку.

Сканер сердито просигналил и мигнул красным. Уле виновато пожал плечами и принялся оттирать грязную ладонь об одежду.

— С водой у меня проблемы последние два года. Почти все уходит на полив огорода... Огород!!! — Уле вдруг запаниковал. — Как же я оставлю свой огород? Кто будет его поливать?

— Уле, все хорошо! На Луне, если хочешь у тебя будет огромный огород! Все равно там очень мало людей, знающих толк в сельском хозяйстве. Ты им очень нужен, Уле!

Старик с минуту смотрел на меня не верящим взглядом, словно сомневался, что он еще кому-то нужен, что может быть полезным. Потом решительно кивнул и с утроенной силой принялся оттирать ладонь. Когда же ему показалось, что она достаточно чистая, то он снова приложил ее к сканеру. На этот раз вредный аппарат не стал сердиться, а удовлетворительно пискнул, загорелся зеленым цветом и отодвинул скрытую панель. Уле довольно крикнул и достал из открывшейся ниши какой-то предмет, оказавшийся пультом дистанционного управления.

— Осторожно! — предупредил старик. — Сейчас может быть опасно!

И он начал нажимать кнопки на пульте, двигать рычажками. Почти сразу же ближайший к нам контейнер вздрогнул и начал пониматься на грузоподъемном столе к потолку, являя нам, так называемую, воздушную подушку, благодаря которой хранилище может передвигаться и по суше, и по воде. Поразительное изобретение наших предков!

Поднявшись вверх, контейнер закрепился на потолочном монорельсе и преспокойно покатился в сторону ворот. За ним, "паровозиком", отправились и остальные контейнеры.

— Зачем все контейнеры тащить? Ты же сказал, что сможешь перетащить сосуды Дьюара в другой контейнер?

— Конечно смогу! Но лучше всего это сделать как можно позже! — важно ответил Уле.

— Почему?

— Потому что, если что-то пойдет не так, то у нас будет очень мало времени, чтобы придумать как исправить это. В сосудах не должна подняться температура!

— Ясно. Если все так серьезно, тогда лучше дождаться шаттла, чтобы в случае чего мы могли немедленно стартовать

— Да, так действительно будет лучше. — согласился старик. — Меньше риска, что мы все потеряем.

Когда последний контейнер "проплыл" над нами в сторону выхода, Уле отправился за ними, а мы поплелись за ним.

Ожидали ли мы, что найдем здесь такое сокровище? Да вообще, что хоть что-то найдем? Нет! До последнего ведь сомневались, что здесь что-то уцелело. А ведь вон как

вышло! Даже человека живого нашли. И спасли. Сколько бы он здесь еще продержался? Год? Сомневаюсь.

Преодолев длинный коридор, мы столкнули с одной маленькой проблемой. Дверь, через которую мы сюда вошли, была слишком маленькой для контейнеров, но Уле, казалось, это совершенно не смущало. Он спокойно подошел к двери, закрыл ее и дверь, весте со стеной спокойно отъехала в сторону, пропуская хранилища дальше.

— Я думаю нам стоит сначала связаться с вашей подлодкой, а уж потом выходить наружу. — прокряхтел старик. — А я пока урожай собираю. В дороге пригодится!

— Конечно. — ответил ему Долохов. — Артур!

— Я!

— Свяжись с подлодкой и сообщи им, чтобы они нас забрали.

— Есть! — ответил Артур, с опаской поглядывая на зависшие над головой контейнеры.

— Ну так выполняй!

— Есть! — отмер он и направился выполнять задание.

— И не забудь им объяснить ситуацию с контейнерами. Спроси смогут ли они в крейсерском положении до Североморска идти. А то может зря мы все это затеяли...

Через несколько минут все уже было готово к выходу. Подлодка предупреждена, вещи собраны, контейнеры подготовлены.

Фьорд был полон морских гидр. Это довольно безобидные существа, но в таком количестве все равно были опасны даже для Левиафана, поэтому было решено плыть ночью, когда гидры опустятся на дно.

Ждать ночи оставалось совсем немного. Выход назначили через час.

В нашей ситуации ожидание это не самое приятное времяпрепровождение. И большинство людей не находило себе места. В том числе и я. С того самого момента, как я выходил на дно, чтобы отвлечь медузу от корабля, меня не покидает смутное беспокойство. Словно меня что-то подгоняет, словно нам нужно поторопиться. Очень сильно поторопиться! Наверное, это сказывается усталость и желание чтобы все поскорее закончилось.

Время тянулось бесконечно. Казалось, будто часы вовсе стоят. Раздражение нарастало. Усидеть на месте было просто невозможно и я начал расхаживать взад-вперед.

— Леха, чего суету наводишь? — упрекнул Долохов. — И так на душе беспокойно, а тут еще ты мечешься, как зверь в клетке.

— Сам не знаю. Не могу сидеть на месте. А тебе чего беспокойно?

— Да кто ж знает? У нас сейчас у всех повышенная тревожность появилась. Нужно уже скорее на станцию возвращаться!

— Согласен. Может уже пойдём?

— Да. Пойдем. Последние приготовления и выходим. Сейчас ребята вместе с Уле проверят нет ли поблизости этого марюка и выходим.

— Странное название — марюк. Слышал когда-нибудь такое?

— Нет. Надо у Уле спросить, может это что-то на норвежском?

Все уже были готовы к выходу. В полном обмундировании, рюкзаки за плечами, автоматы наготове.

Через несколько минут к нам присоединилась группа, которая вместе с Уле по камерам проверяли обстановку снаружи.

— Чисто. — старик был сам не свой. — Никого нет, но вы все равно будьте настороже.

Старик нацепил на себя все свои лохмотья, но все равно вид у него был жалкий.

— Уле, у тебя больше никакой одежды нет? Ведь ты замерзнешь. Давай хоть мы с ребятами свое что-то отдадим?

— Да не нужно. Я ведь тягач поведу, там тепло. А вот вам придется померзнуть. — отмахнулся старик. — Вам, наверное, будет лучше забраться на контейнеры. И видимость лучше, и не отстанете от меня. Да и защитит в случае чего сможете. Правда... будет сильно трясти.

Уле отдал Долохову пульт управления контейнерами, объяснил, как им управлять и замер, не решаясь сделать первый шаг из своей тюрьмы.

— Впервые за 20 лет выйду наружу. — еле слышно прошептал он.

— Все будет хорошо, Уле! Ты сделал свою работу! Ты защитил хранилище. Теперь пора на отдых! — попытался успокоить его я.

Старик внимательно посмотрел на меня, глубоко вздохнул и активировал открытие ворот.

— Мне нужно в другое помещение. Там стоит тягач и отдельные ворота для него. Я буду ждать вас снаружи.

— погоди! — остановил его Елисей. — Игнат, Артур и ты Леха, отправляйтесь с ним. Нельзя его без охраны оставлять.

Уле благодарно кивнул и повел нас узким боковым коридором.

Освещение здесь почти отсутствовало, поэтому все шли, придерживаясь за стену. Я тоже. Чтобы не привлекать внимание.

В конце коридора нас ждала обычная неприметная дверь, за которой скрывалось небольшое помещение с единственным транспортом средством — маленьким гусеничным вездеходом.

Уле шустро начал производить с ним какие-то действия, но транспорт не оживал.

— Ва и хельвэте?* — зло пробормотал он и обернулся к нам. — Попробуем по-русски?

— По-русски? Это как? — удивился я.

— А ты точно русский? — с хитрецей спросил он, выбирая самый крупный гаечный ключ.

— Точно.

— Эх, и чему вас только учат? Смотри и учись! Русский метод! — и Уле со всей дури начал лупить ключом по тягачу.

— Стой! Стой! — заорал Игнат, вырывая ключ из рук старика. — Ты чего творишь?

— Так русский же метод! — удивился тот. — Безотказный.

— Кто только тебя этому научил? — покачал головой Артур.

— В фильмах видел.

— В фильмах? — удивился я. — Это какие такие фильмы выставляют нас полными идиотами?

Уле лишь обиженно пожал плечами.

Тем временем Игнат уже с головой залез под капот тягача и что-то там ворчал, перебирая провода. Через несколько минут он махнул рукой и крикнул:

— Попробуй еще раз завести!

Старик оживился и, запрыгнув в машину, ловко завел ее.

— Вот, это русский метод! — удовлетворенно сказал Игнат. — А не эта ваша ерунда с размахиванием ключа.

— Нас уже наверняка заждались. Давайте уже поторопимся! — вмешался Артур. — Переживают ведь наверняка.

Звук выстрелов мы слышали, как только приоткрылись ворота гаража.

— Что там? Что? — засуетился старик.

— Да откуда ж мы знаем? Почему ворота так медленно открываются?!

— Нормально они открываются!

Выстрелы между тем затихли. И их отсутствие пугало нас еще сильнее. Опасность ушла? Или наши ребята уже... Нет-нет. Об этом даже думать нельзя!

Я тряхнул головой, чтобы согнать оцепенение и первым двинулся к выходу, знаком показав всем остальным ждать.

Подкрался к проему ворот, быстро выглянул и чуть не пустил в дело автомат.

— Вы чего, здесь до утра отсиживаться будете? — спросил выскочивший из темноты Долохов. — Проблемы какие-то?

— Нет, проблем нет. — выдохнул я.

— Тогда пошустрее, а? — поторопил он нас.

— А вы чего стреляли?

— Да, небольшую стайку птичек отогнали. — отмахнулся Елисей.

— Каких птичек? — как-то странно спросил Уле.

— Ну, птичек. Они у входа на льду сидели. С десятков особей. Чтобы не мешали, мы их отогнали.

— Убили кого-то?

— Мы? Ну пару шгук скосило очередью...

— Ох ё-ё! — схватился за голову старик. — Нам нужно как можно скорее унести отсюда ноги! Скоро их здесь будет тысячи! Очень злопамятные твари. Зря вы их обидели!

С этими словами Уле шустро вывел тягач на улицу и начал суетиться со сцепкой нашего каравана. Когда "паровозик" из контейнеров был готов, старик подошел к Долохову и, зябко ежась на морозном ветру, сказал:

— Вы бы забирайтесь сверху на контейнеры. Так быстрее будет, да и обзор у вас будет лучше. Издалека врага заметите!

— Отличная идея! — кивнул Елисей. — Эй, все слышали? Залезайте на контейнеры!

— Только держитесь крепче! — добавил Уле. — Прокачу с ветерком.

Но уехать мы не успели. С другой стороны острова послышался неясный шум, который с каждой минутой все нарастал. Уле, ни слова не говоря, запрыгнул в тягач и завел мотор. Он дал нам всего несколько секунд, чтобы мы смогли забраться на крышу контейнеров, а потом утопил педаль газа в пол.

Стоило огромного труда просто не свалиться с нашего импровизированного транспорта. Что-то рассматривать вокруг не представлялось возможным. Это я не говорю о том, чтобы целиться и стрелять!

Поэтому, когда на нас обрушился град из пикирующих, довольно крупных птиц, мы оказались беспомощны. Удар при этом был довольно ощутимым, но не смертельным и, если бы не количество этих птичек, то мы бы просто отмахнулись от них. Но их были тысячи!

Кто-то пытался отстреливаться, но при таком количестве атакующих это было совершенно непродуктивно, да и стая пернатых от этого зверела сильнее, поэтому большинство просто лежали под крышей, прикрывая голову руками.

Уле вел колонну практически напрямую к океану, обруливая только лишь крупные

скалы, но все равно поездка казалась бесконечной.

— Гребаные птицы! Когда же они отстанут? — взревел Долохов.

— Я бы на это не надеялся! — ответил ему я. — Похоже они за нас серьезно взялись!

— Тогда остается только спрятаться в подлодке и надеяться, что они отстанут.

До береговой линии добрались довольно быстро. Нас уже ждали. Подлодка в крейсерском положении патрулировала берег и, увидев нас, отправили маленькую надувную лодку с тросами навстречу.

Уле въехал в воду и начал двигаться вдоль берега, пока все контейнеры не вошли в воду. Затем он забрался на крышу тягача и стал откреплять от него тросы контейнеров. Тросы он перекинул людям в лодке, запрыгнул к ним сам и они поспешили отплыть от нас подальше. Птицы всё бесновались, не давая нам возможности даже приподнять голову.

О том, что тросы закреплены, мы узнали лишь тогда, когда наш караван снова тронулся. Подлодка тянула нас к середине фьорда и мы надеялись, что птицы отстанут. Но они не отставали, упрямо следуя за контейнерами и пытаясь нас добить.

— Почему они не помогут нам перебраться на лодку? — спросил я у Долохова.

— Не знаю. Может надеется оторваться от этих бешеных птиц.

— Да твою ж! Не отстанут они! — заорал я, что есть силы, прикрывая своим телом Артема, которому только что прилетело живым снарядом по голове. — У нас уже раненых больше, чем целых!

— Да знаю я! — рыкнул он в ответ, уворачиваясь от особо настойчивой птички. — Я связывался с ними по рации. Говорят — ждите, держитесь!

— Чего ждать то?

— Рассвет! — промычал Игнат. — Смотрите, рассвет!

И действительно, черное ночное небо становилось чернильно-синим, воздух словно окрасили красками, а где-то далеко, на востоке, на самом горизонте просыпалась серо-сиреневая туча. Солнца еще не было видно, но это лишь вопрос времени. Скоро тускло-желтый шарик выкатится из-за горизонта. Вот почему команда подлодки на все порах спешила покинуть фьорд. Ведь с приходом солнца со дна поднимутся десятки тысяч гидр, чтобы поохотиться и успеть своими щупальцами поглотить как можно больше скудного солнечного света.

Я обеспокоенно посмотрел на берег. Выход из фьорда был уже совсем близок, но наш караван двигался очень медленно. Мы не успеем.

Мне очень хотелось, как в детских сказках, что я читал Монике и Марку, попросить солнце задержаться. Хоть на пару минут, хоть на несколько мгновений. Но мы не в сказке. Скорее в чудовищном кошмаре, конца которому нет.

Тем временем, рассвет вошел в силу и со дна начали подниматься и распускаться, словно гигантские лилии, щупальца гидр.

Птицы как-то резко приостановили свои нападки и зависли в воздухе, наблюдая за морскими охотниками.

Неожиданно, одна из птиц спикировала и выхватила из воды небольшую, размером с ребенка, гидру и попыталась взлететь с ней повыше, но у нее это не вышло! Сразу с нескольких сторон выстрелили стрекательные нити и охотница мгновенно превратилась в добычу. Птица громко кричала и хлопала крыльями в безнадежной попытке освободиться. Конечно, ей это не удалось и через несколько мгновений она угодила в рот гидры, окруженный семью розоватыми лепестками щупалец.

Эта сцена словно стала спусковым механизмом и вокруг начался хаос. Птицы нападали на гидр, гидры нападали на птиц. Битва шла с переменным успехом. Уже с десятков крыльев беспомощно хлопали по воде подтягиваемые прочными стрекательными нитями к вечно голодном рту.

Птицы же выбрали другу тактику — небольшими группами они подлетали к одной из гидр, выхватывали ее из воды и тут же в воздухе разрывали ее на части.

— Держитесь подальше от края! — что есть силы крикнул Долохов, заметив, что стрекательные нити бьют и по контейнерам.

Через четверть часа мы покинули фьорд с его негостеприимными обитателями. Подлодка остановилась на безопасном расстоянии от острова и отправила к нам надувные лодки.

Даже на таком расстоянии шум крыльев и крики птиц были оглушающими. Не представляю, как мы все это выдержали.

Среди десантной группы было очень много раненых. Ушибы, переломы, сотрясения и даже несколько погибших.

— Так, кто получил "кувалдой" по голове, поднимите руку! — командовал Влад, когда мы все-таки перебрались на подлодку.

Несколько человек подняли руки и их сразу же забрали в медотсек, куда до этого отнесли трех парней без сознания.

— У кого серьезные травмы? Раны? Переломы?

Все остальные сидели молча, понимая, что сейчас помощь необходима тяжело раненым.

Док погиб. И еще двое парней. Они сейчас лежали прямо на полу. На них живого места не было. Голова разбита, лицо в гематомах. Уверен, если провести полный осмотр, то выявятся и другие травмы.

— Эй-эй, Леха, ты чего? — обеспокоенный Влад тряс меня за плечо. — Ты как? В норме или тебя в медотсек отвести?

— Я нормально. Мне бы в каюту, на койку, отоспаться.

— Сначала нужно осмотреть тебя. Не спорь! — перебил он меня, видя, что собирался возразить. — Я уже видел, как люди тихо умирали от вполне безобидных травм, просто потому что переоценили свои силы. Ты не можешь точно знать, насколько плохо твое состояние. Так что марш в диагностическую камеру.

Я не стал с ним спорить. Какой смысл? Он прав! С трудом поднялся и поплелся в медотсек.

Мне еще повезло. Остальным ребятам придется ждать очереди.

"Многочисленные ушибы, ссадины, гематомы. Курс лечения занесен в карту пациента."
— выдала камера, проведя многочисленные сканирования.

Я вышел из медотсека и направился в каюту. Все, чего я сейчас хочу это спать.

Даже если сейчас случится что-то, я все равно отрублюсь, как младенец.

Кажется, моя голова не успела даже до подушки долететь, а я уже провалился в темноту.

— Леха! Леха! Вставай! — меня нещадно кто-то трясёт за плечо, отчего оно взорвалось дикой болью.

— Пошёл к черту! — злобно рыкнул я на этого самоубийцу. — Отвали! Дай поспать!

Трясти перестали. Но человек, который пытался меня разбудить не ушел. Стоял перед моей койкой и пыхтел.

— Ну чего тебе? — не выдержал я. — Говори! Все равно уже не усну.

Я попытался повернуть к пришедшему и все мое тело пронзила адская боль.

— Твою ж...

— Больно? Вот, возьми! — И мне в рот засунули какую-то капсулу. — Это обезбол.

Тебе передали вот целую пачку.

Я раздавил зубами капсулу. Во рту сразу же появился неприятный чесночный привкус.

— Погоди минутку. Оно быстро действует.

Я уже практически полностью проснулся и понял, что будить меня пришел Игнат.

Очень странно, что он уже на ногах, ведь ему досталось не меньше.

— Ну что? — спросил он. — Легче?

— Легче. — выдохнул я и наконец повернулся к нему. — На кой меня разбудил?

— Там это... Лех... Там всех собирают, по крайней мере тех, кто сам может идти.

— Зачем? Неужели нельзя дать отлежаться?

— Так это... — Игнат опустил глаза. — наших хоронить собираются. — Трое сразу погибли и двое уже в медотсеке. Надо бы проводить парней, как положено!

Остаток сонливости сняло как рукой. Пятеро! Мы потеряли пятерых крепких, здоровых, молодых парней! Еще пять жизней забрала эта планета. Как ненасытный кровавый бог, требующий жертву за свою благосклонность.

Я понятия не имел, как хоронят погибших в море. Оказалось все очень красиво. Наверное, я хотел бы, чтобы меня похоронили именно так.

Нас вывели на верхнюю палубу. Погибшие парни были уже здесь. Защитые в белую ткань и с привязанным к ногам грузом, они лежали на носилках на краю палубы.

Мезенцев и Долохов назвали имя каждого из погибших ребят с полным званием и заслугами перед сослуживцами и человечеством. Потом было сказано очень много хорошего о погибших. Каждый, кто смог прийти, хотел поблагодарить и попрощаться с ними.

Двое парней подошли к первому погибшему и накрыли его флагом Российской Федерации.

— На кара-УЛ! — зычно гаркнул капитан, когда с речами было покончено. — ТОВЬСЬ! ПЛИ! ПЛИ! ПЛИ!

Грянул троекратный выстрел из автоматов. Парни, которые накрывали флагом погибшего, приподняли уголки флага, а Долохов, в это время поднял носилки с одной стороны так, что тело погибшего парня легко соскользнуло из-под флага и погрузилось в темные воды океана.

Ритуал повторили для всех парней, не исключая доктора. Он заслужил.

По окончании похорон флаг торжественно свернули и убрали.

— ВОЛЬ-НО! — дал команду Мезенцев.

И все поспешили убраться со злого, холодного ветра.

Я же остался на палубе. Хотелось побыть одному.

Море было спокойным. Небольшие, почти черные волны лизали борта подлодки, словно желая подобраться ко мне поближе. А я все смотрел и смотрел вдаль.

Имеет ли смысл наша миссия?

Выполнить любой ценой? А оно того стоит? Все равно ничего не изменилось.

Людей слишком мало. Женщин, способных родить детей и вовсе почти не осталось. Что толку в эмбрионах, если ни одна из женщин не может выносить дитя? Мы вымираем! Уже почти вымерли. Те крохи, что сейчас на станции пытаются наладить быт, не способны

возродить цивилизацию.

Если бы у меня не было детей, то я не стал бы даже пытаться выжить. Но у меня они есть и я просто обязан выжить. Что-то на душе скребло, беспокоило, не давало покоя. Нам нужно как можно скорее вернуться. Не знаю почему, не знаю зачем, но я знаю точно, что мы прямо сейчас нужны на Луне.

* что за херня здесь происходит?

Остаток пути прошел абсолютно спокойно. Наверное, и правда на глубине опаснее.

Двигались мы удручающе медленно, но быстрее было нельзя — все-таки мы тащили за собой огромный груз.

Уле каждый день выходил на верхнюю палубу, чтобы проверить все ли в порядке с контейнерами, и подолгу стоял на верхней палубе всматриваясь в горизонт. До старика только сейчас начало доходить, что его затворничество закончилось. Он ушел в себя, сторонился людей и даже плакал, когда думал, что его никто не видит. Но я видел. Я тоже предпочитал находиться на поверхности, хоть здесь и было нестерпимо холодно. Внизу, в тесных каютах стены давили на сознание. Поэтому я частенько встречал рассветы и закаты наверху.

Совсем скоро показался залив, а следом за ним и Североморск, только мы поплыли не к плавучему доку, на котором выходили на воду, а свернули в боковой канал, который заканчивался отвесной скалой.

Когда часть скалы отъехала в сторону и мы вошли в глубокий темный грот, я даже не удивился. По гроту мы плыли еще около часа. Серые необработанные стены навевали мысли о подземном царстве, о Хароне и о Цербере. Мне даже захотелось на всякий случай положить пару монет в карман.

— Этот грот был выкопан давно. — Долохов появился так неожиданно, что я вздрогнул. — Этот скрытый док был создан на случай войны и ведет практически напрямиком к бункеру. Мы почти прибыли.

— И как мы доставим груз на поверхность? — почти безразлично спросил я.

— Грузовые лифты. — пожал плечами он. — Думаю не имеет смысла тащить все это в Мурманск. Опасно. Риск потерять все по пути слишком велик.

— И что ты предлагаешь?

— Нужно связаться с шаттлом. Здесь есть аэропорт. Расчистим ему место и пусть нас забирают отсюда.

Я мог лишь кивнуть. Действительно, мы с огромным трудом добрались сюда. Выдержим ли мы обратный путь? Тем более с таким грузом? С кучей гражданских? Не думаю.

— Прибыли. — махнул рукой в сторону причала Долохов. — Груз пока оставим здесь. Незачем привлекать внимание. Как шаттл вылетит к нам, так и поднимем.

— Ты уже все продумал?

— Это моя работа. — пожал плечами Елисей. — А если серьезно, то продумать абсолютно все мы не можем. Можем лишь попытаться.

Я снова кивнул, ибо сказать было совершенно нечего. Чем дольше длилась наша миссия, тем менее разговорчивыми людьми мы становимся.

Тем временем подлодка плавно причалила и из нутра лодки потянулся экипаж.

На лицах команды приглядывалась облегчение. Наше задание близится к концу и в скором времени мы сможет расслабиться. Нам бы только взлететь!!!

И, конечно же, сохранить груз, иначе все это было напрасным.

Чтобы попасть в бункер нам пришлось подняться из грота на поверхность.

За время нашего отсутствия здесь произошли некоторые изменения. Ворота, что раньше

были напрочь выломаны, сейчас стояли на месте. Их укрепили баррикадами из металлолома и машин. Вокруг входа в ангар убежища тоже были созданы, хоть и невысокие, баррикады.

Со склада оружия были принесены пулеметы и еще какое-то неизвестное мне оружие. Причем некоторые из них были направлены в небо. Вокруг были видны следы борьбы и все мы забеспокоились. Что нас ждет в бункере? Выжил ли хоть кто-нибудь из них?

— Колбаски нигде нет! — отрапортовал Игнат.

— Вижу, — ответил Долохов, крепко выругавшись.

— Куда дели нашу красотку? — не унимался Игнат. — Неужели без нас уехали?

— А я откуда знаю? — огрызнулся командир. — Сейчас войдем в бункер и узнаем. И давай потише! Чай, не на прогулку вышли!

— Есть!

Впереди послышался шум и вся команда замерла на месте. Елисей жестом показал всем укрыться и команда рассредоточилась по периметру, прячась за всяким хламом.

— Стой, кто идет? — послышался голос Ветрова из-за баррикад.

— Да свои мы, свои! С чего вдруг такой "радушный" прием?

— А ежели свои, то высунь нос, погляжу на тебя.

— А по голосу что-ль не признаешь? Ветров, опусти оружие! Не дай бог палец дернется!

— Голосу нынче доверять нельзя. Поводились к нам тут лисы, да песцы ходить. Человеческими голосами завлекают, а потом хрясь, шипастым хвостом по брюху и кушать подано. Нет уж, увольте. Ужином иглохвостых не собираюсь становиться! Так что либо ты покажешься, либо я огонь открываю. Раз!

Долохов ни секунды не думая, встал в полный рост.

— Долохов? Все-таки ты! Добрались? Наконец-то добрались! — послышалась возня и из-за баррикад показался сам владелец голоса. — Неужели мы наконец-то свалим из этого поганого места?

— Свалим, обязательно свалим. — подтвердил Елисей. — Только ты для начала в свою избушку нас пусти, покорми, в баньке попарь, а потом уже свалим.

— Чего? — опешил Ветров. — В какой баньке? Тебя контузило что ли?

— Эх, ты! Русских народных сказок не знаешь совсем. Давай уже, открывай. Не очень хочется из-за твоей нерасторопности познакомиться с вашими иглохвостыми лисами.

— Сейчас-сейчас! — засуетился Ветров.

На той стороне что-то заскрипело, заскрежетало и в огромной машине со спущенными колесами открылась дверь, пропуская товарищей внутрь периметра.

— Круто вы тут поработали! — присвистнул Долохов, разглядывая оборонные заграждения изнутри.

— Да уж, пришлось. Сначала хотели в бункере отсидеться, а потом дошло, что выходить нам все равно придется и если твари займут периметр, то туго нам придется. Вот и пришлось сначала восстановить ворота, а затем уж и баррикад настроили.

— Молодцы! Я так понимаю аэропорт как раз входит в ваш периметр?

— А как же! Дважды в день территорию обходим!

— Отлично! Он нам пригодится! Пошли. Время терять не будем, сразу совещание устроим.

— У меня ещё смена целых два часа. Приду, когда сменят.

— Тогда мы не ждем тебя.

Заходили в ангар с нежным трепетом. Вроде провели здесь не так много времени, а как

будто домой вернулись. Все-таки порой очень не хватает ощущения безопасности.

Встречали нас бурно, особенно когда узнали, что нам таки удалось выполнить возложенную на нас миссию. Женщины норовили всех обнять, мужчины пожать руку, так что совещание отложилось на добрых полчаса.

Потом сильно раненных отправили в медпункт, самых грязных — мыться, а самые главные отправились совещаться.

Я относился к первым. Ребра болели нещадно, как и моя горемычная голова. Не представляю, как я переживу взлет.

В медпункте, руководящие там женщины, сразу же отправили меня в душевую, а затем принялись за медосмотр. Переломанные ребра срастались плохо, но срастались. Им просто нужно время и покой. Мне сделали тугую повязку и накачали обезболивающим. Для моей горемычной головы прописали ноотропы, чтобы уж совсем думать не разучился. И отправили на отдых.

Я даже успел задремать, прежде чем в палату вломился Игнат и потащил меня в руководящий отсек.

— Итак, что мы имеем? Достаточно длинную, защищенную от мутантов полосу разгона. Пилоты шаттла уже рассчитали, что они точно смогут здесь приземлиться и потом взлететь. Это хорошая новость. Плохая — шаттл довольно шумный и на его рев сбегутся, слетятся и приползут все твари в округе и снесут к чертям все эти баррикады и ограды. А ведь нам нужно еще погрузить на борт контейнеры!!!

— Мистер Улле... — обратился Елисей к старику.

— Просто Уле. — поправил его старик. — Мне так привычнее.

— Хорошо. Улле, вы можете сейчас приступить к переподключению хранилищ?

— Конечно!

— Составьте список что вам нужно и сколько помощников вам выделить. Пожалуйста, постарайтесь минимизировать вес груза. У нас слишком большой перевес.

— Хорошо. Я постараюсь! — и Улле, не дожидаясь окончания совещания, отправился выполнять своё задание.

— Итак. Мы уже связались с пилотами шаттла. Они прилетят сюда, как только мы будем готовы. С хранилищем информационных данных поступили проще. Наши связисты подключили его к этому бункеру и сейчас работают над тем, чтобы мы могли к нему подключиться со станции на Луне. Так же мы связались с руководством станции. Вот там неожиданные подвижки. Как я уже говорил, на станции произошла эпидемия. Весь руководящий состав был заражен. Сейчас там во главе стоит Багрович Вячеслав Сергеевич. В данный момент ситуация на станции стабильна...

— Повтори! — вмешался Ветров.

— Что?

— Повтори что ты сейчас сказал?

— Произошла эпидемия. Руководство заражено. Во главе стоит Багрович Вячеслав Сергеевич

— Что такое, Константин Павлович? — удивился я.

— Кто-нибудь из вас знает его лично? Багровича? Знает, что он за человек?

Все в недоумении смотрели на Ветрова, а мне было интересно, что может поведать этот бравый вояка.

— Я с ним общался всего минут пять, — продолжил он, — и мне этого хватило, чтобы

понять, что этой твари верить нельзя! Если он встал во главе станции, если он там всем заправляет, то это катастрофа!

— Волне согласен с Константином Павловичем. — подтвердил я. — Но мы ничего сделать с этим не можем. Если Багрович сейчас руководит станцией, значит больше было некому!

— Не уверен, что захочу лететь на станцию, где руководит эта тварь.

— Не мелите ерунду, Константин Павлович. Если Багрович и занял эту должность, то в любом случае это временно. Как только жизнь на станции наладится, сразу же проведем выборы. Вряд ли за него проголосует много человек.

Ветров примирительно поднял руки и замолчал. На собрании он не произнес больше ни слова, но лицо его становилось все более хмурым.

— Нужно придумать как нам выиграть время для погрузки. — задумчиво сказал Долохов.

— А что тут думать? — подскочил Игнат. — Устроим диверсию! Это ведь самый надежный способ, придуманный нашими предками.

— Да, действительно, это самый надежный и действенный способ. Но может у кого-нибудь есть еще какие-нибудь менее очевидные предложения?

В зале повисла тишина.

— Мы можем на подлодке по гроту вернуться к причалу, — начал Мезенцев, — и хорошенько там пошуметь, чтобы привлечь внимание тварей.

— А потом что? Как прикажете вытаскивать вас из этого ада? — буркнул я, считая, что разделяться сейчас не самый лучший вариант.

— Ну, туда пойдут исключительно добровольцы...

— И? — не понял я. — вопрос остается тот же... Хотя, погодите, вы что и не собираетесь возвращаться? Вам жить надоело?

— Я бы и рад вернуться, но пока не прозвучало ни одного предложения, кроме моего.

— Если примете этот план, то я пойду. — хмуро пробормотал Ветров.

— С чего это вы решили пойти на самоубийственную миссию? Да и много вы смыслите в подлодках?

— В подлодках не смыслу, но если доставите туда и дадите побольше оружия, то шума навести смогу.

— Так, нет так не пойдет. Времени, хоть и немного, но еще есть. Так что думаем усиленно.

— Можно уплыть туда на лодке, наставить зарядов на дистанционном управлении и вернуться через грот. Взорвать заряды в нужное время и все. — предложил Игнат.

— Отличная идея! Подготовьте группу, как можно скорее! Минимум людей, максимум оружия и боеприпасов. На той стороне нужно создать, как можно больше шума! И, как можно дольше. Остальных вооружить и расставить по периметру аэропорта. Груз и шаттл необходимо защитить любой ценой! Приступайте к работе!

Группа на подлодку собралась быстро. 4 человека из экипажа и четверо бойцов загрузились со склада оружием и взрывчаткой и спустились в грот. Меня не взяли, да я особо и не стремился снова бросаться на амбразуру. Что я мог им предложить? Я двигаюсь-то с трудом.

Уле в спешке отсоединял сосуды Дьюара с автономными генераторами от хранилищ. Энергии генераторов должно было хватить, чтобы дождаться шаттл и подключиться к его

системам. Это, конечно, дополнительная нагрузка на системы шаттла, но мы не можем себе позволить тащить с собой хранилища целиком.

В убежище началась суeta. Люди в спешке вооружались до зубов. Проводились инструктажи.

— Первыми на борт грузятся сосуды Дьюара и семеновохранилище. Их нужно защитить любой ценой! Затем дети. За ними женщины с ранеными. Затем гражданские и последними отступают военные. Оружие на борт не брать. Скинуть с себя верхнюю одежду. Нам необходимо взять с собой как можно меньше груза, поэтому никаких памятных вещей. Каждый лишний грамм приближает нас к катастрофе. От всего лишнего избавляемся здесь. С собой только оружие. При малейшей опасности шаттл стартует, не дожидаясь пассажиров.

— Но нам ведь должно хватить времени на посадку? Ведь тварей отвлекут? — спросила перепуганная женщина, прижимавшая к себе ребенка.

— Тварей отвлекут, но расстояние отсюда до залива небольшое, а шаттлу нужно будет время на посадку, разворот, подготовку к взлету, погрузку. Это в наших условиях огромное количество времени. Мы просто не успеем сделать все до того, как твари вернутся. Именно поэтому я приказал вооружиться всем, именно поэтому мы все будем оборонять аэропорт, чтобы ни одна тварь не смогла пробиться сюда. Дети будут сидеть в машине с сосудами Дьюара и Уле. А остальные отбиваться.

— Я не оставлю ребенка! — мотнула головой женщина. — Уле же совсем старик! Он не сможет их защитить!

— Хорошо, женщины защищают машину с детьми и сосудами Дьюара. — уступил Долохов, понимая их волнение.

Многие были напуганы. Ведь здесь, в бункере, они долгое время чувствовали себя в безопасности и теперь им предстояло выйти на поверхность и снова столкнуться с тем безумно жестоким миром, в который превратился наш дом. Некоторые даже обсуждали возможность остаться здесь, но эту идею отмели практически сразу. Запасы еды и воды хоть и велики здесь, но всё же конечны и, когда они закончатся, оставшимся людям все равно придется выйти на поверхность.

— Алексей, — окликнул меня Долохов, — я хотел попросить тебя остаться с детьми.

— Что? Там же каждая пушка на счету! Ребята на подлодке хоть и отвлекут на себя тварей, но неужели ты думаешь всех?

— У тебя ребра переломаны, ты еле двигаешься, останься с детьми и ранеными, прикрой их, помоги разместиться на шаттле. Все, без разговоров! Они — твоя забота! К тому же там, на Луне, им нужны твои мозги! — Елисей резко оборвал разговор и развернулся, чтобы уйти.

— Как ребята? — остановил я его.

— Высадились. Расставляют заряды. Скоро должны отправиться назад. Игнат там что-то еще придумал со стоящими на причале кораблями. Как только все сделают, так сразу же к нам. Шаттл уже вылетел. Так что всем быть в полной готовности. Через 10 минут выход на поверхность. Сосуды Дьюара уже наверху. Если все пойдет по плану, через час уже покинем Землю.

Но, конечно же, что-то пошло не так. Причем с самого начала.

Очень быстро пропала связь с подлодкой. Сначала подумали, что из-за близости мутантов они ушли в радиомолчание, но через какое-то время со стороны залива послышался сначала взрыв, а потом и стрельба.

К тому времени мы все уже вышли на поверхность и проводили последние приготовления.

Взрыв и выстрелы всех переполошили. Связисты пытались наладить связь с подлодкой, но через четверть часа они сами вышли на связь.

— Берег кишит зайцами. Ледяная вода им нипочем. — кто хрипел в рацию даже было не понятно. — Когда группа высадилась на берег, мы отплыли к середине реки, но эти гребанные комки меха чувствуют себя в воде как дома. На борт попал всего один. Всего один чертов заяц проник на борт до того, как мы погрузились на дно. Из экипажа никого не осталось. Только я... И это ненадолго. На борту стрелять нельзя, а эта тварь такая быстрая! Такая...

Рация зашлась кашлем. На том конце кто-то долго хрипел и пытался отдышаться.

— На вахте старпом Еремеев Влад Николаевич! — человек на том конце перешел на официальную речь. — Задание выполнено. Группа доставлена на берег для выполнения диверсии. Я им помогу. Все равно я уже не жилец. Вы меня слышите? Кто-нибудь меня слышит?

— Да, Влад. Мы все тебя слышим!

— Когда шаттл будет на подлете, сообщите мне. Сообщите и я перегружу контур реактора. Будет очень мощный взрыв. Твари на некоторое время забудут о вас.

— Шаттл прибывает через 8 минут. Ты продержишься?

— Должен... Я... Смогу!

— Влад, спасибо тебе!

— Служу России!

— Влад, слышишь? Ты еще здесь?

— Здесь... Еще здесь.

— Влад, что с группой, которая высадилась на берег? Что с ними?

— Не выжили. Их накрыло волной зайцев, как только мы отплыли от берега... Не могли выжить...

Долохов зло выругался.

— Влад, ты наш единственный шанс!

— Я знаю... Я смогу!

— Шаттл на подлёте. Ты нужен нам сейчас. Влад, спасибо тебе! Я горжусь тем, что знаком с тобой!

— Спасибо! Прощайте, друзья! Не поминайте лихом...

Со стороны залива раздался чудовищной силы взрыв.

Романенко Олег Станиславович

Снова пропал ребенок. Уже пятый на этой неделе. И все пятеро одаренные. Ну, или мутанты, как их называют люди Багровича. Сомнений нет — это его рук дело. Ведь это он приказал найти всех одаренных. И именно он стоит за их исчезновением.

Изменившихся взрослых было немного, зато дети в этом плане удивили.

Это так удивительно, что природа все-таки дала нам шанс на выживание. Ведь все возникшие мутации были направлены на выживаемость человечества: мощнейшая регенерация, сильнейший иммунитет, невосприимчивость к радиации, особо прочный скелет, способность выживать в токсичных условиях и при крайне низком содержании кислорода и это только малая часть способностей. Были и те, в ком определенной мутации не нашли, но некоторые способности все же проявились. То, что наш мир стоит над бездной забвения каким-то образом подстегнуло детей и они стали проявлять исключительные способности в обучении. Мы так мало знаем об этом и возможности изучить этот феномен пока нет.

А теперь надежда человечества, наши дети, стали исчезать.

Я подозреваю для чего. И это понимание поднимает во мне бурю эмоций! Гнев! Какое они имеют право вмешиваться в дела природы? Неужели предыдущие ошибки не научили нас, что к дарам природы нужно относиться бережно? Страх. Зная, какие беспринципные люди входят в свиту Багровича, я переживаю за жизни этих детей. Отвращение. Дети наша самая редкая драгоценность. Как у них рука поднялась что-то с ними сделать? Это чудовищно!

Может и прав этот Пророк. Может мы не заслуживаем второго шанса?

Нет-нет. Это не так. Я не могу в это верить. Ведь не все люди такие. Ведь есть же нормальные, сознательные! Что же случилось с нашим миром? И что нас ждет?

Как странно, что за такое короткое время люди забыли, что значит быть человеком. На станции назревает хаос и беззаконие. Хотя... Почему назревает? Хаос и беззаконие уже здесь и с этим нужно что-то делать! Я должен что-то с этим сделать.

Люди боятся идти против руководства. Заперлись в своих ракушках-отсеках и закрывают глаза на горе других людей, пока беда не пришла к ним.

Но я не могу закрыть глаза. Просто не могу. Всю жизнь я помогал людям, ведь в этом я нашел свое призвание, а сейчас что? Ворую медикаменты, чтобы помочь пациентам, которым отказали в медпомощи. Но я могу сделать больше. Уже сделал!

Никто не заподозрил пожилого врача-калеку в разжигании мятежа. Никто не обратил внимание, когда я ходил по жилым отсекам под предлогом обхода пациентов, хотя на самом деле я вербовал людей.

Как оказалось очень много людей было уже на грани срыва из-за происходящих событий. Урезание рационов, отмена медобслуживания, комендантский час, исчезновения детей — все это зашло слишком далеко.

Мятеж был уже подготовлен, остались лишь самые важные мелочи, которые нужно уладить сегодня.

Я постучал в дверь отсека бионической рукой и осторожно осмотрелся, не следит ли кто за мной.

Дверь отъехала в сторону. За ней стоял взъерошенный Андрей. Он вороватым движением осмотрел коридор и отошел в сторону, пропуская меня внутрь.

— Андрей, все готово. — без приветствия начал я. — Не думаю, что нам понадобится больше людей, да и остальные очень сильно сомневаются, а сомнения в нашем деле могут быть чреваты последствиями. Сначала необходимо захватить склад с оружием...

— Я не пойду. — перебил меня Андрей.

— Что значит не пойдёшь? Ты о чем? Ты же меня без ножа режешь!

— Олег, ты собрал людей, которым нечего терять. Сам говорил, что именно к таким и пойдешь.

— Ну да... — неуверенно ответил я, хотя в голове все четче проявлялось понимание.

— А мне есть что терять! — твердо сказал он. — Если со мной что-то случится, то Надя останется совсем одна.

— Ульяна же...

— Ой, ты ведь и сам все прекрасно понимаешь. Работа Ульяны слишком важна, чтобы она могла отвлекаться на материнство. С ребенком в лучшем случае будут вечно няньки сидеть. А ей семья нужна! Семья, которая поможет скрыть ее способности.

— Да, я понимаю... — я не мог винить Андрея, но был расстроен тем, что он решил не участвовать в мятеже.

— Как там Ксюша? — было ощущение, что Андрей хочет сменить тему.

— Все так же. В коме. Глупо вы с ней поступили, конечно, когда попытались воспользоваться ее даром. Нужно было это делать под присмотром врачей. Хорошо еще Лена тревогу забила, когда Ксюша не смогла проснуться. Так бы мы ее вообще потеряли.

— Но с ней же будет все в порядке?

— Думаю да, но своим даром она воспользоваться вряд ли теперь сможет.

Андрей опустил голову и надолго замолчал. Я знаю, что он винит себя в том, что случилось с Ксюшей, но с этим чувством Андрей должен справиться сам. Он должен сам себя простить.

— Лена с детьми справляется? — глухо спросил он.

— Сам бы пришел, да спросил. — слишком резко ответил я.

— Не могу я. — почти рыкнул он. — После того, что сделал с их мамой...

— После того, что ты сделал с их мамой, ты должен взять ответственность за их жизни на себя! — не дал я ему договорить. — Хочешь винить себя? Вيني! Хотя я не вижу тут твоей вины. Глупость — да! Но не вина!

Андрей снова опустил голову, и я дал ему время "переварить" то, что я сказал.

— Послушай, — уже мягче продолжил я. — Им нужна твоя помощь. Пойми, Лене одной не справиться с инвалидом и младенцем. Марк уже большой, тяжелый, да и стесняется он уже. Ему сейчас нужна мужская поддержка. К тому же... Да, пожалуй, да, ты все-таки сможешь нам помочь. Не так как я рассчитывал, но все же...

— Что нужно делать? — оживился Андрей.

— Спрятать детей. Ты должен спрятать детей с даром. Тех о которых узнал Багрович. И сделать это нужно как можно скорее. Если с нами что-то случится, если что-то пойдет не так, то ты единственная надежда этих детей.

— Ты думаешь этим детям что-то угрожает? Думаешь те, кто уже пропал в опасности?

— Андрей, я понимаю, что ты сейчас беспокоишься об Алане, но я не могу тебя ничем утешить. Если бы люди Багровича хотели у этих детей просто взять кровь из пальчика, они

бы просто это сделали. Не похищая детей. Этим детям действительно грозит опасность.

Андрей прерывисто вздохнул, а потом заметался по отсеку.

— Тогда нельзя терять время. Когда вы собираетесь все сделать?

— Сегодня.

— Что?

— Ждать нельзя. Нас либо раскроют, либо еще кто-то пропадет. Либо вся группа, которую я с таким трудом собирал, попросту распадется. Думаешь тебе одному страшно? Да сейчас все хотят засунуть голову поглубже и не высовывать. Мы сделаем все сегодня. Быстро и бескровно.

Андрей недоверчиво хмыкнул.

— Я понимаю, что все может пойти не так, как мы задумывали, но все же надеюсь, что все закончится без кровопролития. Сегодня в 18.00, когда охрана Багровича будет делать обход станции, мы нападём на них. Ходят они по двое. Дисциплина хромает. Конечно. Они ведь самоуверенны. Ведь оружие есть только у них. В общем мы дождемся их в одном из дальних безлюдных коридорах и вырубим. Надеюсь, что это будут единственные пострадавшие. Ну, а дальше с оружием будет проще. Настоящую стрельбу на станции никто, конечно, устраивать не будет, но, возможно придется пострелять. Поэтому я хочу, чтобы ты с детьми был как можно дальше в это время. Я предупрежу родителей тех детей, которых нужно спрятать. Через полчаса-час они будут у тебя с необходимыми вещами.

На том и порешили. Времени у меня оставалось совсем немного, а дел необходимо сделать много, поэтому я не стал задерживаться у Андрея. Некогда мне разбираться с его психологическими проблемами!

Внезапная мысль была настолько резкой и яркой, что я остановился прямо посреди коридора. Некогда решать психологические проблемы! Вот оно! Отсюда и растут "ноги" у нашей проблемы. Все люди на станции получили страшнейший шок, но этим никто не соизволил заняться. Люди были предоставлены сами себе, вот и пошли за этим "Пророком". Ведь только он хоть как-то вникал в их проблемы, только он внял их голосу.

В том, что появились такие чудовища, как Багрович и Пророк виноваты мы, врачи! Мы могли бы предсказать такой исход и предотвратить его, но мы были слишком заняты здоровьем тел, а про души забыли. Багрович и Пророк нуждаются в лечении!

Резко тряхнув головой, я заставил себя на время отложить эту проблему. Мы обязательно займемся психологической помощью после того, как наведем на станции порядок.

Последние приготовления прошли быстро, но хлопотно. Всех одарённых детей вывели в безопасное помещение. Они должны будут просидеть там до того момента, как мы свергнем Багровича или пока не закончится еда. Но тогда это будет значить, что наш мятеж был подавлен. О том, что будет в этом случае, старались не говорить. Потому что шансов устроить второе восстание у нас не было.

Я шел в нужный коридор самым последним, так как я несколько дней бесконечно сновал между отсеками разных людей и мог заинтересовать руководство. Но, выйдя из жилых коридоров, я понял, что слежки за мной нет.

В назначенном месте уже все собрались, осталось дожидаться часа X, и разоружить охрану.

Время неумолимо приближалось. Оставались считанные минуты и народ начал нервничать.

— Так, народ, — сказал я, заметив, что люди дошли до точки кипения. — соберитесь! Охрана скоро будет уже здесь. Давайте, быстро по своим местам!

Охрана пришла. Даже чуть раньше, чем мы ожидали и не одни. Как только двери отъехали в сторону, нас были направлены с десятков автоматов. За спинами самодовольных охранников стоял "Пророк".

— Илай, вы можете выйти! — сказал он.

От нашей группы отделился человек и пошел в сторону охраны.

Нас предали! Какой же я был дурак, раз поверил совершенно незнакомым людям. Как я мог не заметить предателя?

Между тем, Илай спокойно прошел мимо вооруженных людей и встал за спиной Пророка.

— Отправьте их к Всевышнему. Пусть встретятся с Творцом! — тихо сказал Пророк и его люди передернули затвор.

Я привел этих людей на смерть!

Я посмотрел в глаза Пророку и не увидел там ничего человеческого.

Человек в нем давно захлебнулся в океане безумия, что плескалось в его глазах.

Сейчас я понял одно — даже если бы у нас получилось, то мы не смогли бы спасти всех. Это просто невозможно.

Закрывать глаза, как сделали многие, я не стал. Предпочитаю смотреть в глаза своему будущему. Наверное, именно это меня спасло, потому что, как только за спиной Пророка открылась дверь, я, подчиняясь интуиции, завалился на пол. Как раз за секунду до того, как по людям Пророка открыли огонь люди Багровича.

— Вы что, совсем дебилы? — сквозь выстрелы услышал я голос Багровича. — Прекратите стрелять! Вы же этих гребаных сопротивленцев поубиваете! Где вы потом спрятанных мутантов искать будете?

Выстрелы затихли. Я посмел открыть глаза и сразу же пожалел об этом. Все люди, которых я сюда привел лежали на полу и многие из них в кровавых лужах. Мордовороты Багровича беспрерывно стреляя в людей Пророка, не озаботились нашей безопасностью и перебили многих моих товарищей.

— О, доктор Романенко! Вы живы? — издевательским тоном спросил Багрович. — Вы что, думали, что ваш идиотский мятеж пройдет мимо меня? Ха! Да я же вас с самого начала веду! Илая вот, вам подсунул. А потом, с помощью него же, натравил на вас Пророка, чтоб вы здесь друг друга поубивали. Мне бы осталось только добить недобитых и две мои проблемы решились бы сами собой. Но ты... Ублюдок конченный, ты взял и спрятал мою собственность! Где эти чертовы мутики? Куда ты их спрятал?

— Слушай... слушай, давай договоримся? — я поднял руки вверх показывая, что сопротивляться не буду. — Не трогай остальных и дай помочь раненым. Они не при чем...

— О-о-о, как интересно! Ты почему-то решил, что можешь ставить мне условия? Что ж... Посмотрим, что я могу для тебя сделать. Эй, вы! Убить всех раненых.

Сказав эти страшные слова, Багрович спокойно отошел в сторону и наблюдал, как его люди сортируют моих на две группы: раненых и не раненых. Тех, кто пытался сопротивляться расстреливали сразу же. После сортировки раненых добили короткой очередью.

— Ну что? — продолжал издеваться Багрович. — Я тебе помог? Теперь ты вспомнил, где эти дети?

— Какая же ты сволочь! Сволочь!

— Не вспомнил? Вот, этого давайте!

По указке Багровича его мордovorоты оттащили в сторону кучи трупов одного из моих. Кого, я уже и не мог даже разглядеть. Слезы и пот застилали глаза, а может это был гнев, потому что перед глазами я видел только эту тварь.

Одиночный выстрел и жизнь человека оборвалась.

— Ну? Вспомнил? Нет? — лицо этой твари покраснело и покрылось испариной.

О, он был в бешенстве.

— Послушай-ка сюда, — изо рта Багровича летела слюна вперемешку со словами, — эти дети мои! Моя собственность и я их найду. Переверну всю станцию вверх дном, но найду. И эту мелкую сучку Лаврентьевых найду. И найду способ передать их способности мне. И мне плевать, что будет с ними. А ты сдохнешь! И дружки твои сдохнут. Но! Мы можем договориться. Если ты скажешь, где эти дети, я постараюсь сделать так, чтобы они выжили, скажу своим крыскам лабораторным, чтобы были с ними понежнее. Ну? Договорились?

— Да пошел ты!

— Что ж, придется тогда выбить из вас эту информацию.

— Эй, ты, с тупой мордой, сможешь выбить из них информацию?

— Вячеслав Сергеевич! — один из охранников Багровича поспешно протянул ему планшет. — Вас из центра связи просят. Говорят, что очень срочно!

— Ну что там еще? — гаркнул он в планшет. — Не видишь, я занят!

— Вячеслав Сергеевич, они вышли на орбиту Луны. Через два часа пятнадцать минут начнут сближение с поверхностью. Еще через двадцать минут будут уже в подлунном приемнике шаттлов.

— Черт, как не вовремя. Ладно, сейчас подойду. — Багрович устало протер глаза и с лучезарной улыбкой повернулся к нам. — Ну что ж, радуйтесь! Вы еще немного поживете! Заприте их в каком-нибудь отсеке и поставьте охрану. Может для опытов их оставлю...

Последнее он бросил своим мордovorотам и скрылся в другом коридоре.

— Ну чего разлеглись? — гаркнул один из охранников. — Команды отдыхать не было! Подъем, я сказал!

Люди Багровича не отличались фантазией. Им сказали закрыть в каком-нибудь отсеке, нас и закрыли. А то, что это оказался односторонний жилой отсек их не волновало. Люди стояли впритык к друг другу. Возможности сесть, и уж тем более лечь, совершенно не было. Вентиляция не справлялась и вскоре в помещении стало жарко, как в аду и невыносимо душно. И я понял, что это всё. Это не только наша смерть, ибо нам точно здесь не выжить. Это гибель всех людей на станции. Мы их подвели!

Шаттл «Витязь»

Алексей

Рев двигателя, бешенная тряска заложенные уши и деревянные от перегрузки мышцы.

Шаттл с трудом оторвал свой тяжелый зад от земли.

Ни один человек не произнес ни слова. Люди в шокированном состоянии не могут даже плакать.

Я смотрю в иллюминатор на постепенно удаляющуюся Землю и молю всех богов, чтобы нам никогда не пришлось сюда вернуться. По крайней мере я точно больше не решусь на такой шаг.

Там, внизу остались наши товарищи, люди, прикрывавшие нас, а мы не смогли вытащить их, не смогли спасти.

Не спасли мы группу, которая должна была совершить диверсию. На подлодку проник мутант и Влад, единственный оставшийся в живых из экипажа, взорвал подлодку, чтобы отвлечь тварей от нас.

Группу, которая успела высадиться на берег, задавили числом мутировавшие зайцы. Они пытались отбиваться. Даже добрались до одной из лодок на причале. Но вскоре выстрелы затихли и от Игната пришло сообщение: " Мы не справились. Простите, их слишком много. Удачи вам!"

Взрыв подлодки, выстрелы и шум борьбы привлек внимание большинства тварей. Ценой жизни восьми человек им удалось выкроить для время. Время — самое ценное, что они могли нам дать, но даже это не помогло, когда прилетел шаттл.

Огромная ревущая машина, летящая в атмосфере планеты не могла остаться незамеченной.

Они привели с собой летающих тварей. Много. Очень много!

Пока грузили контейнеры с семенами и эмбрионами, пока погрузились дети и раненые, от оборонявшихся остались жалкие крохи.

Шаттл, преодолев земное притяжение и сопротивление атмосферы, вылетел на орбиту как пробка от шампанского.

Люди продолжали сидеть неподвижно. Даже дети не плакали. Через несколько минут после выхода на орбиту, включилась гравитация.

— Алексей, — из раздумий выдернул голос Ветрова, — поговорить нужно.

— Что? — не понял я. — О чем?

— Не здесь. Пойдем!

Мы зашли в каюту приема пищи, где на удивление никого не было.

Ветров несколько минут собирался с мыслями, а потом тихо заговорил.

— Алексей, ты знаком с Багровичем. Расскажи мне о нем. Что за человек? — он был хмур и зол, но старался тщательно сдерживать свои эмоции.

— Слушай, да нечего рассказывать. Я с ним особо не общался. Только на совещаниях. Мелкий начальник, вот что могу про него сказать. Скользкий, неприятный, да и все. Он, конечно, не большого ума, но человек вроде не злой. Да не переживай ты! Правильно Долохов говорит, что как только все утрясется, так сразу и выборы проведем. Да если он там совсем дурость творит, то народ не станет его терпеть! Успокойся и отдохни!

— Да? Ну, что ж, поверю твоему слову. — Ветров коротко кивнул и вышел.

После этого разговора Ветров замкнулся в себе. Избегал людей, ни с кем не разговаривал. Я не стал заострять на этом внимание, в конце концов у нас у всех посттравматическое стрессовое расстройство. Каждый борется со своими демонами в голове по-своему.

За сутки до того, как мы прибыли на Луну, всех накрыла какая-то нервозность и раздражительность. То и дело вспыхивали ссоры. Народ, особенно выжившие в Североморске, переживал.

Я тоже старался держаться ото всех подальше. Очень хотелось забиться в какой-нибудь дальний угол и побыть наедине с собой. Но, к сожалению, шаттл не предназначен для комфортного перелёта такого количества людей. Поэтому, как говорится, в тесноте, зато все на борту.

Начался обратный отсчет. До прибытия на станцию оставалось всего каких-то несколько часов. Я решил хорошенько выспаться перед прилунением, ведь потом времени совсем не будет.

*

Наконец-то прилетели. Шаттл легко сел в назначенной точке и мы стали ждать, когда за нами вышлют Луноходы. Прошел час. Никого нет. На связь никто не выходит.

Решаем малой группой добираться до станции своим ходом. Скафандров на всех не хватит, поэтому идут всего трое: я, Долохов и Ветров.

От аэропорта для шаттлов до станции идти около двух километров, но из-за пониженной гравитации идти очень легко, поэтому добираемся быстро и без особых усилий. Даже как-то удивительно.

Станция все еще не выходит на связь.

Попасть внутрь можно двумя способами. Через главный вход, шлюз которого находится под поверхностью Луны, и через, так называемый, черный ход, шлюз которого оборудован так, что его можно открыть снаружи. Правда в этом случае в командном пункте сработает сирена. Но мы этого не боимся. Нам и надо чтобы нас услышали наконец! Ведь похоже, что на станции проблемы со связью.

Через черный ход прошли без проблем. Выходить из переходника не торопились, давая время встречающей команде добраться сюда. Но никто не пришел.

Выйдя из переходника, мы обнаружили, что на станции нет воздуха. Разгерметизация.

Сердце остановилось и покрылось коркой льда, такой же, как сейчас была на стенах во всех встречающихся отсеках.

Через несколько переборок мы начали встречаться трупы. Их было так много, что мы почти сразу же сбились со счета. Они были повсюду. Изувеченные, искалеченные. Словно в последние минуты жизни они обезумели и начали рвать друг друга на части. Откуда на станции столько людей? Зачем они всех разморозили? Что же здесь произошло?

— Может где-то остались герметичные отсеки? — неуверенно сказал Долохов. — Может кто-то выжил?

— Это вряд ли! — ответил Ветров. — Я же говорил, что этому Багровичу доверять нельзя! Я ГОВОРИЛ ВАМ!

Долохов что-то ему отвечал, но мне было все равно, что он говорил. Мне было теперь все равно. Потому что в куче трупов я увидел ее.

Ксюша словно ненадолго заснула. Словно после бессонной ночи только прикрыла глаза.

То, что она не проснется выдавала лишь изморозь на ее лице. Посреди этой кровавой вакханалии она выглядела чужеродно. Слишком умиротворенным выглядело ее лицо. Ксюша нежно прижимала к себе сверток. Это София! С другого бока к матери прижался Марк. Одежда его покрылась коркой льда, а глаза были все еще открыты. Мертвые, пустые глаза моего сына. Он словно говорил мне — ты бросил нас! Из-за тебя мы погибли. Это ты виноват. Ты не смог защитить...

Я не выдержал мертвого "взгляда" сына, не выдержал его укора. Я трусливо побежал. Но далеко убежать не вышло. Споткнувшись о лежавший посреди коридора труп, я упал и наотмашь стукнулся лицевым щитком скафандра о пол.

Защитное стекло не выдержало и разбилось осколками внутрь. Куски стекла полетели в лицо, кромсая его в кровавое месиво. Я что есть силы заорал и...

Открыв глаза, я несколько секунд не мог понять, где я нахожусь. Легкие жадно хватали воздух, руки ощупывали абсолютно целое лицо. Я ведь уже должен был умереть...

— Спокойно, Леха! Спокойно, это всего лишь сон! Ну и перепугал же ты всех! — рядом стоял Долохов, участливо похлопывая меня по плечу.

— Сон? — хрипло каркнул я.

— Сон.

Сон. Это всего лишь сон. Как же я после такого сна теперь смогу закрыть глаза?

Вспомнил осуждающие, мертвые глаза сына и тут же по спине побежали колючие мурашки.

Нам нужно скорее вернуться. Как можно скорее, иначе я свихнусь.

Вокруг меня на ложементх беспокойно озирались люди, но, поняв в чем дело, укладывались на свои места и снова замирали словно статуи. Словно время остановилось.

Оставшиеся часы до посадки тянулись бесконечно. Я даже ходил к капитану, чтобы сверить часы, но они шли исправно.

" ВНИМАНИЕ!!! ВСЕМ ПРИГОТОВИТЬСЯ К ПОСАДКЕ. ВНИМАНИЕ!!! ВСЕМ ПРИГОТОВИТЬСЯ К ПОСАДКЕ. " — как бы я ни ждал этого момента, механический гол все же оказался для меня неожиданностью.

Люди вокруг словно проснулись от долгого сна. Началась суэта — взрослые пристегивали детей, здоровые раненых.

Наконец-то мы вернулись!

Когда шаттл коснулся лунной поверхности, сердце пропустило удар. Мне начало казаться будто я снова проваливаюсь в свой сон, будто этот кошмар никогда не закончится.

Как посадочная платформа опустилась в приемный док мы почти не почувствовали, лишь легкий толчок, когда шаттл достиг дна.

— Так, минуточку внимания! Послушайте меня пожалуйста! — командир шаттла сам вышел проинструктировать людей. — Сейчас в приемном доке идет накачка воздуха, после чего нам нужно будет организованно выйти из шаттла и пройти в транспортный тоннель. Там нас уже должен ждать поезд. Мамочки, следите за детьми! Здесь пять приемных доков, скорее всего столько же шаттлов и десятки тоннелей. Искать ваше чадо, если потеряется, будет очень сложно! Дальше, грузимся на поезд и добро пожаловать на станцию тем, кто здесь впервые, и с возвращением, тем, кто уже здесь был.

Через несколько минут раздался мелодичный сигнал и мы направились к выходу. Неужели я сегодня увижу Ксюшу и детей? Ощущение, словно нас не было целую вечность!

— Как думаете, что за эпидемия была на станции? Там сейчас безопасно? —

неожиданно спросил Ветров.

А меня словно молнией прошибло. Ведь я тоже слышал про эпидемию, тоже знаю, что много заболевших, но ни разу не задумался, что Ксюша и дети могут...

— Все там уже нормально. — ответил второй пилот. — Эпидемия остановлена, но нас все же могут поместить в карантин для безопасности. Будьте к этому готовы.

Эпидемия остановлена. Остается только надеяться, что мои родные не успели заразиться. Сейчас не зачем себя накручивать. Осталось подождать каких-то пару десятков минут.

Колонна тащилась, как назло, медленно. Так же медленно грузились в транспортный вагон. Кажется, раньше это называлось метро и оно было очень популярным, но из-за уменьшения размеров городов такой вид передвижения давно утратил актуальность. Зато здесь, на Луне, очень даже используется.

Таким поездам не нужна заправка — энергия передается через контактный рельс, не нужен водитель — автопилот сделает все сам. Очень удобно и бездушно.

Дверь с тихим "дзынь" открылась и народ повалил наружу. Шок и ступор на время отступил и людям натерпелась добраться до удобного и безопасного места.

Из вагона мне выходить не хотелось. Хотя нет, конечно, хотелось. Просто я откровенно трусил.

Трусил, что я сейчас выйду, а нас никто не встречает. Или еще хуже, там за дверью вагона нас ждут лишь трупы.

"Так, Лаврентьев, тебе уже не психолог нужен, а психиатр!" — жужжал голос в голове.

Долго это продолжаться не могло. В вагоне я остался уже один и, только я настроился выйти, как в вагон заглянул человек в военной форме.

— Проблемы? — резко спросил он.

— Нет, — напряженно ответил я, ибо человек мне совсем не понравился, — все в порядке.

— Ну, а ежели в порядке, то какого... ты тут расселся? Особого предложения ждешь?

Я молча встал и под колючим взглядом военного направился к выходу. Это что же здесь творится, если нас так "приветливо" встречают.

— Оружие есть? — рявкнул на меня еще один солдат.

— Нет, мы все оставили на Земле. У нас перевес был.

— Ясно. — кивнул он, утыкаясь носом в папку с какими-то записями. — Фамилия?

Я заметил, что всех людей из шаттла разделили на две группы. В одной были все участники миссии и их сейчас очень тщательно досматривали. Вторая группа состояла из людей, которых мы обнаружили около Североморска. Их не досматривали, но, согнав в кучку, не позволяли никуда отойти. Повсюду были люди с оружием.

— А что происх...

— Фамилия?

— Лаврентьев.

— Ага, есть такой. Иди на досмотр.

— Какой досмотр? Что вы ищите?

— Рот закрой! Говорить будешь, когда тебя спросят! Пошевеливайся!

И меня грубо пихнули в первую группу.

После досмотра ничего не изменилось. Мы все так же продолжали стоять. На попытки узнать, что происходит, отвечали грубо и неинформативно. Напряжение нарастало.

— Первый идет! — вдруг кто-то выкрикнул из охраны и в помещение вплыла туша Багровича.

Он словно стал еще толще за это время. Хотя, разве такое возможно? На станции ведь дефицит пищи.

Один из солдат подскочил к нему и начал тихо докладывать. Багрович брезгливо скривился, когда докладывающий указал на вторую группу и резко прервал его:

— Не интересно. Что дальше?

Солдат продолжил доклад.

Багрович повернулся в нашу сторону и внимательно рассматривал всех нас. На мне его взгляд задержался на пару секунд дольше, чем на остальных. Мне даже на миг привиделась кривая ухмылка, но я не был в этом уверен.

— Этого, — кивок в мою сторону, — в камеру. Остальных — в расход.

Багрович многообещающе улыбнулся и я понял, что для меня это вовсе не спасение. Но в этот момент я переживал совсем не о себе.

— Задание-то свое они выполнили??? — небрежно спросил новый руководитель станции.

— Да, конечно. Сейчас готовим группу, чтобы разгрузить шаттл. — тихо ответил солдат.

— Ну и все. Значит ЭТИ не нужны больше. Свою функцию выполнили. Вторую группу обработать, объяснить наш устоя и к остальным отправить. Все.

— Что значит функцию выполнили? Эй, какой расход? Вы о чем вообще? — парни, как и я, совсем не понимали, что происходит.

Не такой встречи мы ожидали!

Выходит, прав был Ветров о том, что у Багровича крышу снесет от власти.

В голове лихорадочно суетились мысли, но принимать то, что фраза "в расход", является смертным приговором для парней, я не хотел. Не может этого быть? За что их хотят убрать, а меня арестовать?

— Рот закрой! — заорал один из солдат.

Нас плотно окружили и наставили автоматы. Неприятное чувство.

— Ты! Лаврентьев, два шага вперед. Остальные пошли все к стене! — продолжали сыпаться приказы.

"К стене"! Значит все. Всё-таки "в расход" — это именно то, о чем я подумал. Я обернулся на растерянных ребят, которых сейчас оттесняли к стене. Что же здесь случилось? Почему эти люди так себя ведут, словно на станции была эпидемия безумия.

— Ребят, вы чего? — примирительно поднял руки Долохов. — Что случилось-то? Вы хоть нам объясните за что в расход?

— Рот закрой! И не вздумайте рыпаться, а то рядом и родных ваших поставим! — гаркнул один из них.

Твою ж... Что за дела?

Ребята уже стояли вдоль стены и теперь оставалось только молиться о том, чтобы это все оказалось диким, дебильным розыгрышем.

— Вячеслав Сергеевич? — внезапно услышал я голос Ветрова. — Вячеслав Сергеевич Подойдите пожалуйста сюда. Это же я — Константин.

— Кто там еще? — сварливо спросил Багрович, подойдя к толпе гражданских. — Что надо?

— Помнишь меня? — нехорошо улыбнулся Константин. — Нет? А вот я тебя хорошо помню!

Багрович нахмурил брови, словно пытаясь вспомнить человека перед ним. Через мгновение его брови подскочили вверх и он дернулся в сторону охранников, словно изо всех сил пытаясь спрятаться за их широкими спинами, но не успел. Неуловимым движением руки Ветров выхватил из лохмотьев пистолет и выстрелил Багровичу прямо в голову.

Жирное тело дернулось и неуклюже завалилось на пол глухо стукнув головой. Он был мертв.

Несколько секунд ничего не происходило. Все тупо пялились на растекающуюся под Багровичем лужу.

Однако наши ребята не стали напрасно терять время и несколькими быстрыми движениями разоружили людей Багровича. Тех, кто пытался сопротивляться просто застрелили.

Мордovorотов связали подручными средствами и уложили на пол.

— Спасибо! — Долохов пожал руку Ветрову. — Если бы не ты, нас бы у этой стенки уже положили.

Константин молча кивнул.

— Ни хера не понимаю, что здесь происходит. У этих, — пинок по ребрам ближайшего мордovorота, — похоже спрашивать бесполезно.

— Боюсь, что нам придется самим это выяснять! — ответил хмурый Ветров. — Я говорил ведь, что если у власти Багрович, то на станции полный швах! От этой твари другого можно и не ждать. Надо быть настороже!

— Так, кто может держать оружие пойдет с нами. — Ветров снова "включил" командира. — Остальные останутся здесь, охранять эту пададь.

— Оружия на всех не хватит. — вмешался Долохов.

— Значит оставим здесь два автомата. Если кто посмеет дернуться, расстрелять сразу всех. А нам недостающее придется добывать в бою.

Константин снова коротко кивнул. Автомат он не взял — остался лишь при своем малозарядном пистолете.

Группа быстро была разделена на две части. Малая, состоящая из женщин, детей и сильно раненых, должна была остаться здесь и дожидаться возвращения основной группы. А большая должна была отправиться на разведку.

Было решено выдвигаться немедленно. Неизвестно, что нас там ждет и поэтому не стоило дожидаться, пока кто-то хватится Багровича.

Пустые коридоры. Один за другим. Переборка за переборкой. Группа движется медленно. Полное отсутствие людей напрягает всю команду. Что же, черт возьми, у них тут случилось?

Ощущение дежавю накатывает волной.

Перед глазами последний мой сон.

Горы трупов и застывший пустой взгляд Ксюши и Марка.

Сердце стучит так сильно, что кажется сейчас переломает ребра.

— Черт...

— Твою ж дивизию!

— Че за херня тут происходит?

Не сразу понимаю, что густые потеки крови на пластиковой панели стены это не плод моего воображения.

— Держать ухо остро! — шикнул Долохов.

Все заткнулись и сосредоточились на следующей переборке.

Ветров, отсчитав пальцами от трех до единицы, нажал кнопку. Переборка открылась, а за ней нас ждал Ад.

Трупы. Везде была кровь и трупы.

— Огнестрел. — доложил Ветров.

— Вижу. Оружия похоже нет.

— Нет.

— Значит кто-то в этой заварушке все же выжил. И унес все. Задерживаться смысла нет. Идем дальше.

Трупы, трупы, кровь... Когда же это закончится?

Дальше коридор раздваивался. Решили не разделяться, а обследовать все по очереди.

— Справа, насколько я помню, тупиковая ветвь. Осмотрим сначала ее. — сказал Долохов.

Переборка с тихим шипением отъехала в сторону, а за ней нас ждали двое вооруженных людей.

Все закончилось быстро. Два выстрела и два тела на полу.

— Кажется мы пришли в нужное место! — удовлетворенно сказал Ветров.

— Почему ты так решил? — не понял я.

— Что-то же они здесь охраняли. — пожал плечами он. — Или кого-то.

В этом коридоре было по шесть жилых отсеков с каждой стороны.

Ветров с Долоховым подошли к первому отсеку. Ребята с оружием прикрывали их, а мы, те кто остался без оружия, остались за переборкой, рядом с трупами охранников.

Первый же отсек оказалась битком набита людьми. В помещении, рассчитанном для комфортного пребывания одного-двух человек, находилось около 30 избитых, измученных людей. Вентиляция не справлялась с таким большим количеством людей на такой малой площади, поэтому в помещении было душно. Как только открылась дверь, люди шарахнулись в противоположную сторону.

— Тихо! Тихо! Спокойно! — поднял руки Ветров. — Алексей, подойди.

Я приблизился и ужаснулся. Из-за тесноты люди не могли даже сесть. И это при том,

что некоторые из них находились в таком состоянии, что должны были лежать в медотсеке.

— Ты кого-нибудь здесь знаешь? — вполголоса спросил он. — Нужен тот, кому мы сможем доверять.

Я внимательно всмотрелся в избитые, перепуганные лица, но никого, кому бы мог полностью довериться не узнал. Лишь смутно знакомые лица.

— Нет, нет. Я никого здесь не...

— Лаврентьев? Алексей? — послышался слабый голос из дальнего угла отсека.

Люди постарались расступиться, чтобы пропустить кого-то, и я увидел того, кому точно смогу доверять. Доктора Романенко.

— Олег Станиславович! — я повернулся к Ветрову и тихонько кивнул. — Выходите, не бойтесь. Вам ничего не угрожает.

— Боже, Алексей, как же вы вовремя! — доктор хромая поплелся мимо своих сокамерников. — Еще бы чуть-чуть и нас бы казнили. По крайней мере так говорили наши охранники... ки.

Взгляд Олега Станиславовича задержался на двух трупах на полу.

— Туда им и дорога... Но было бы лучше убрать их отсюда.

— Уберем. Обязательно уберем. Как только разберемся что происходит. — пообещал ему Ветров. — Вы нам расскажите?

— А этих людей вы не хотите выпустить?

— Поймите нас правильно Олег Станиславович, — терпеливо объяснял Долохов. — Мы сегодня прибыли на станцию после долгого отсутствия и ни хрена не понимаем, что здесь происходит. Нас уже дважды хотели убить, поэтому мы пока не можем никому доверять. Как только разберемся во всей ситуации, так сразу всех выпустим.

— Вы можете выпустить их в этот коридор. — возразил он. — Здесь они хотя бы смогут на пол сесть. Запрете двери этого коридора и все. Он все арвно тупиковый, и люди никуда не смогут отсюда уйти. А мы выйдем туда.

Олег Станиславович поплелся в коридор, где лежали трупы охранников.

Долохов коротко кинул и ребята пошли проверять остальные отсеки. Еще один отсек оказался битком набитый людьми. Остальные же оказались пустыми.

Мы разрешили людям выйти в коридор и расположиться там.

— Потерпите немного. Как только мы со всем разберемся, так сразу же выпустим вас!

Когда все наши люди вышли из тупикового коридора и дверь в него была заперта, Долохов сразу же начал расспрашивать доктора.

— Олег Станиславович, пожалуйста, кратко обрисуйте ситуацию на станции.

Романенко коротко кивнул и на секунду задумался.

— На станции началась эпидемия. По всей видимости сюда с Земли завезли каких-то животных-переносчиков. Они передали инфекцию людям. Инфекцией оказался мутировавший вирус бешенства. Заразившихся было много. Но большую часть спасли тем, что повторно заморозили. До поиска лечения. В числе заболевших и, соответственно, замороженных оказалось практически все руководство станцией. Полагаю, это произошло не без помощи Багровича. Далее он взял бразды правления в свои руки и решил установить здесь свои правила. — Романенко на время замолчал. — Не поймите меня неправильно, я бы никогда не пошел против законной власти, но тут совсем другое дело! У этой, как бы это помягче сказать, мрази, совсем снесло крышу. Он сократил норму ежедневного рациона более чем в половину! Он полностью убрал натуральные продукты из рациона простых

людей и даже детей. Эти продукты получали лишь он сам и его подручные. Он устроил смотр женщин для своего гарема. Но все было добровольно, поэтому было еще терпимо. Но то, что он начал творить дальше...

Романенко замолчал и почему-то начал осматриваться вокруг.

— Я надеюсь вы не будете против? — он тяжело уселся на пол и облокотился спиной на стену. — О-о-ох, мы несколько часов провели в этом тесном помещении, без возможности присесть. К сожалению, мои колени уже не настолько молоды, чтобы выдержать такие испытания. В какой-то момент, уж не знаю в какой именно, Багрович связался с так называемым Пророком.

— С кем?

— С Пророком. С человеком с явными проблемами с психикой. Как оказалось, этот Пророк собрал вокруг себя довольно много людей. Они проповедовали истребление человечества. Якобы Бог этого хочет, а мы противимся ему. В общем гремучая смесь Багровича с Пророком сделала жизнь на станции невыносимой. Начался "отсев" полезных и бесполезных людей. Полезные получали гражданство станции, что уж хотели делать с бесполезными мы, к счастью, узнать не успели. Многим людям отказали в медобслуживании, ссылаясь на то, что это не перспективные пациенты и тратить на них медикаменты бесполезное дело. Кстати, ваш сын, Алексей, тоже лишился медобслуживания!

— Что? Марк? Он же...

— Да-да, мы пытались объяснить, что многие пациенты, без медицинской помощи просто погибнут, но... За расточительство медикаментов назначили строгое наказание. Не беспокойтесь, Алексей, с вашим сыном все в порядке. Мы, как могли поддерживали всех, кто лишился медобслуживания. А потом стали пропадать люди...

Последнюю фразу Романенко произнес, глядя мне в глаза.

— То есть как пропадать? Куда? — не выдержал Долохов.

— Понимаете, некоторые люди, в основном дети, немного изменились... — издали начал Олег Станиславович, не отрывая от меня взгляда. — Получили некоторые способности. Эти люди и их способности очень заинтересовали Багровича. Его люди даже придумали способ обнаружения таких людей. Всех людей на станции заставили пройти обследование. А потом некоторые из них стали пропадать. И большинство из них дети!

Боже, только не это! Ведь если у меня и у Ксюши есть эти способности, значит и у Марка с Софией могут быть. Значит они все в опасности.

— Ваши, Алексей, дети — Марк и София — к счастью, оказались без этих особенностей. Так что не переживайте. Но очень много детей пропало. Мы не могли больше сидеть на месте и я начал постепенно собирать людей. Мне было проще всего, ведь я врач и постоянно хожу к пациентам в жилые отсеки. Никто ничего не заподозрил.

— Тогда как вы здесь оказались?

— В назначенный час мы начали наше восстание. Но мы были вооружены скальпелями, столовыми ножами, да ножками от стульев. А у наших врагов было полноценное оружие! Мы хотели сделать все гуманно и по возможности никого не убивать, поэтому выбрали этот коридор, чтобы обезвредить охранников и забрать их оружие. Но нас предал один из наших людей. Большинство погибло. Нас же, избili и засунули сюда. Ожидать приговора.

— Все, кто находились с вами в отсеке, были с вами? Ручаетесь за них?

— Да, конечно!

— В другом отсеке тоже ваши люди?

— Да, судя по тому в каких условиях нас держали, жить нам оставались считанные часы. Если бы не вы...

— Не понимаю, почему вас сразу не перебили?

— Они хотели узнать где мы спрятали одаренных детей, но у Багровича возникли какие-то срочные дела. Настолько срочные, что он сорвался с места, прихватив с собой добрую половину своих людей. Полагаю этим делом были вы! Именно ваше возвращение дало нам шанс. Если хотите навести порядок на станции, то вам стоит начать с Багровича. Без него...

— Багровича больше нет. — глухо прошептал Ветров.

— Как это нет? — удивился Романенко.

— Я убил его. — холодно ответил Константин. — И очень жалею, что не сделал этого раньше! Ведь была возможность...

— Что ж, не буду лгать, что сожалею о его смерти. Боюсь, что он был неизлечимо болен и только так мы могли защитить оставшихся людей. — Романенко задумался. — Полагаю и охраны его тоже нет?

— Кто-то убит. Кто-то связан и ждет своей участи.

Олег Станиславович коротко кивнул.

— Понимаете, я чувствую здесь и за собой вину. В погоне за здоровьем физическим, мы упустили здоровье психическое. А ведь все мы пережили такое... — Романенко уставился на ладонь своей единственной уцелевшей руки, потом перевел взгляд на бионический протез. — Мы оставили этих людей на произвол судьбы. Никто не озаботился о их психическом здоровье, никто не предложил помощь. Наши руки в крови эти людей.

— У вас еще есть шанс это исправить! — Долохов участливо положил руку на плечо доктора. — Никто не был к такому готов! И вы тоже!

— Если бы мы вовремя заметили безумие Багровича... Или этого Пророка! Кто знает сколько еще на станции людей со сломанной психикой?

— Вы всего лишь человек! А человек совершает ошибки. Это неизбежно! Но мы должны учиться на своих ошибках! Я верю, что как только на станции будет наведен порядок, вы сделаете все, чтобы это больше не повторилось!

— А вы на удивление очень рассудительный молодой человек! — грустно улыбнулся Романенко. — Действительно, что толку сожалеть о прошлом. Нужно строить будущее! С чего начнем?

— Все, кто сможет сражаться идут с нами. Нам нужно выловить всех сторонников Багровича и этого Пророка. В крайнем случае убрать их. Что скажете? Ваши люди могут нам помочь?

— Не все, конечно, но смогут.

— А вы?

— А я останусь здесь. — Романенко поднял бионическую руку и покрутил ею. — Это, конечно, лучше чем ничего, но все же калека будет вам обузой. Я лучше окажу помощь тем, кому она нужна.

— Хорошо. Но я, на всякий случай, оставлю вам оружие, чтобы вы могли защитить себя и своих пациентов.

— Добро!

Из 63 человек, запертых в отсеках, с нами пошли 48. Несмотря на то, что оружия у нас не было несмотря на то, что их несколько часов держали в нечеловеческих условиях, они все же решили помочь нам очистить станцию от того кошмара, что здесь творился.

Остальные тоже рвались помочь, но сделать этого чисто физически не могли.

Елисей, как и обещал, оставил им оружие для защиты. Они заперли двери изнутри и должны были там дожидаться нас.

Но, перед тем как запереть дверь, доктор Романенко окликнул меня.

— Алексей, постойте! Я должен вам сообщить, — он понизил голос так, чтобы его мог слышать только я, — ваша жена, Ксения, она пыталась воспользоваться своим даром, чтобы связаться с вами. Не знаю удалось ли ей это, но после этой попытки она впала в кому. Сейчас с ней все в порядке, она в медотсеке. Угрозы жизни нет, но ей предстоит долгий реабилитационный период и из-за случившегося кровоизлияния в мозг, своим даром она никогда больше не сможет воспользоваться.

Я был ошарашен этой новостью, но сильнее меня поразило то, что Ксения пыталась со мной связаться и, что самое удивительное, похоже, что ей это удалось.

— Мои дети?

— Марк и София сейчас с вашим коллегой, Андреем. Ему и доктору Петровой удалось спрятаться с одаренными детьми где-то на станции. С ними все в порядке!

— Спасибо!

Больше всего на свете каждый человек желает услышать о том, что с его родными все в порядке. Я благодарно кивнул Романенко и повернулся, чтобы уйти.

— С Моникой тоже все в порядке. — бросил мне в спину доктор. — Ее пришлось спрятать понадежнее остальных детей, потому что Багрович, как с цепи сорвался. Он очень хотел ее найти. Но мы смогли ее спрятать.

— Моника...погибла... — с трудом выдавил из себя я.

— Нет, Алексей. Она не погибла. Она жива и здорова, хоть попадала в такие передряги, в которых не могла выжить... никто не смог бы.

Месяц спустя.

— Моника, дочка, ты готова? — спросил я, стучась в санитарную комнату.

— Да, папуля! — из санитарной комнаты вылетел вихрь, украшенный красивыми лентами в волосах. — Марк, ты готов? Пап, скорее хватай Софию и пойдём! Мы же опоздаем! Ну же! Быстрее!

И неугомонная дочь, подталкивая коляску брата направилась к выходу.

Она не сразу стала такой жизнерадостной... И не всегда такой остается, но психологи провели колоссальную работу, и моя дочь заново учится радоваться, заново учится жить и я надеюсь, что те рубцы, что остались у нее в душе, если не исчезнут, то хотя бы сгладятся и не будут мешать ее счастью.

— Доброе утро, Алексей! — соседка по отсекам помахала рукой. — Куда это вы всем семейством? Да еще такие нарядные?

— Сегодня мама проснется! — сообщил Марк вперед всех. — Доктор Романенко обещал ее разбудить.

— Ох, Ксюша? О, Боже, я так рада за вас! — соседка искренне улыбнулась. — Вы слышали про Новый год?

— Что? Про какой Новый Год? — опешил я.

— Руководство станции привело в порядок одно из больших помещений для собраний и решили там устроить праздник! Неужели не слышали?

— Я в последнее время очень занят детьми. Сами понимаете, сколько времени они отнимают!

— О, да. Понимаю! Надеюсь, вы придете на праздник? Там будет спектакль для детей!

— Конечно придем! Нельзя такое пропускать!

— Урааа! — от радости заголосили дети. — Праздник!

— Пойдемте, дети. Нас уже, наверное, заждались.

— А я с вами! — послышался за спиной голос Лены. — Можно? Обещаю, я не задержусь надолго. Только чмокну Ксюшку в щеку и сразу на смену побегу.

— Конечно, можно!

Лена аккуратно отодвинула Моника от коляски Марка и покатила ее сама. Все-таки для девятилетней девочки эта работа оказалась слишком тяжелой. Дочка пару минут делала вид, что дуется, а потом радостно подпрыгнув, прижалась ко мне.

Я перехватил сверток с Софией одной рукой, а свободной взял за руку старшую дочь.

До сих пор не верится, что вся моя семья выжила и скоро с нами будет и Ксюша.

— Леша, я вчера вела уроки у детей младшего возраста.

— Отлично! — похвалил я Лену, не особо вслушиваясь в то, о чем она говорит.

— Послушай, Марку не место в общей группе!

— Что? — от неожиданности я остановился. — В каком смысле не место?

— Леш, у Марка незаурядные способности!

— Нет-нет, у Марка нет никаких способностей. Его проверяли несколько раз!

— Да я не о том совсем! Я не о мутациях! — Лена закатила глаза. — У него способности к обучению. Он схватывает буквально все на лету и его знания разительно отличаются от знаний сверстников! Я рекомендую вам перевести его на индивидуальные

занятия.

— Зачем?

— Затем, что одноклассники тормозят его! В общем, подумай! Ходатайство в Совет я уже подала. Но решение, конечно за вами.

— Что? А, да, ладно. Лен, мы подумаем, ладно? Потом!

— Ладно, ладно. Понимаю, что у тебя голова сейчас другим занята.

По внешней связи заиграла мелодичная музыка. Так было всегда перед тем, как начнут транслировать Распоряжение Совета. Сделано это было для того, чтобы настроить людей на более позитивную волну, ведь столь необходимое для нашего общества Распоряжение, было довольно жестким.

"ВНИМАНИЕ, ПРОСЛУШАЙТЕ ПОЖАЛУЙСТА РАСПОРЯЖЕНИЕ СОВЕТА:

№ 1. Все лица, достигшие 14 лет назначаются на обязательные работы.

№ 2. Всем лицам, достигшим 18 лет назначается дополнительная отработка в гидропонике.

№ 3. Рацион назначается согласно количеству выполненной работы.

№ 4. Лица, моложе 14 лет обеспечиваются стандартным рационом с необходимым витаминным комплексом.

№ 5. Всем лицам до 16 лет пройти обязательное обучение.

№ 6. Все лица, достигшие 18 лет и не имеющие необходимых навыков направляются на обучение к специалистам.

№ 7. За разжигание меж национальной розни штраф -10 рационов и назначение дополнительных работ

№ 8. Все фертильные женщины, достигшие 18 лет обязаны пройти медосмотр.

№ 9. Все жители, без исключения, обязаны записаться и пройти беседу с психиатром и психологом

№ 10. Лица имеющие специфические необходимые навыки будут поощряться дополнительными рационами.

БЛАГОДАРЮ ЗА ВНИМАНИЕ! "

Хотели ли мы такого будущего? Конечно нет. Но, что имеем, то имеем.

Люди, замкнувшись в своих мирках не справились с навалившимися психологическими проблемами, а мы им не помогли, что привело к катастрофе.

Четкие указания, огромное количество общественной работы, постоянное обучение попросту не позволяли людям "вариться в супе своих проблем".

У нас появилась надежда! И мы ее не упустим.

— Папа, ну чего ты замер? — от размышлений меня отвлекла дочка. — Пойдем скорее!

Оказывается, я и правда замер перед палатой Ксении. За этот месяц я бывал здесь бесчисленное количество раз, но именно этот раз был очень волнительным. Сегодня наша семья наконец-то полностью воссоединится.

— А, вот и семейство Лаврентьевых пожаловало! — улыбнулся, увидев нас, доктор Романенко. — Самое большое семейство на станции сегодня станет еще больше!

Помимо Олега Станиславовича в палате было еще множество врачей.

— Ну что, детишки? Будем будить вашу маму? — спросила медсестра.

— Да!!!! — хором закричали Моника и Марк.

— Ну, тогда подходите ближе, чтобы первыми, кого ваша мама увидит, когда проснется, были именно вы.

Доктор Романенко, понажимав какие-то кнопки, отошел в сторону, внимательно наблюдая за состоянием Ксюши на экране планшета.

— Ну что? Почему она не просыпается? — забеспокоилась Моника. — Ничего не получилось?

— Моника, перестань! Все получится! — заверил ее Марк. — Надо только подождать!

— Ты-то откуда знаешь? А если ничего не получится? Если она не проснется?

— Моника, ну что ты как маленькая? — Марк старался вести себя как взрослый. — Необходимо время, чтобы вывести медикаменты из организма! Нужно немного подождать!

— Ой, а ты будто большой! От горшка два вершка, а мнишь из себя взрослого. Я, между прочим, старше тебя!

— Ты может и старше, но ведешь себя как ребенок!

— Что? Да я...

— Дети... — сорвалось с губ моей любимой. — Вы мертвого из могилы поднимете!!!

Больше книг на сайте - Knigoed.net